

RY KIEV

10
0.50

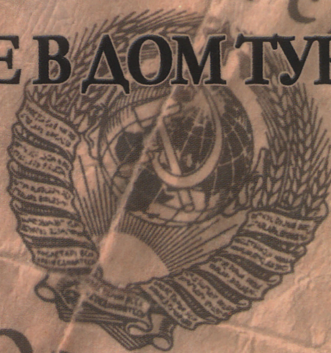
1885-1970
REPUBLIQUE FRANCAISE

ВИКТОР НЕКРАСОВ:

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ДОМ ТУРБИНЫХ.

★ УДОСТОВЕРЕНИЕ ★
За участие в героической обороне
СТАЛИНГРАДА

СР

Музей истории Киева
Музей М. Булгакова в Киеве
"Дом Турбиных"

ВИКТОР НЕКРАСОВ: ВОЗВРАЩЕНИЕ В ДОМ ТУРБИНЫХ

Составитель Т. А. Рогозовская

Киев
"Феникс"
2004

УДК 821.161.1-94.09

ББК 83.3(2:Рос)-8

Н 48

Музей М. Булгакова выражает благодарность участникам выставки "Киев — Сталинград — Париж. В жизни и в письмах", без которых невозможно было бы издание этой книги:

Французскому культурному центру в Киеве

Культурному центру Посольства Чехии

ЦДАМДЛіМ (Центральному Державному архіву-музею літератури і мистецтва)

РГАЛИ (Российскому Государственному Архиву Литературы и Искусства)

"Касталии — Фонду"

ЦДАГО (Центральному Державному Архіву громадських організацій)

РНБ (Российской Национальной Библиотеке), Санкт-Петербург

Библиотеке им.В.П. Некрасова, Киев

Газете "Зеркало недели"

Консультантам: Виктору Кондыреву, Александру Парнису, Кире Питовой

Художнику Бадри Губианури

Куратору выставки Татьяне Rogozovskoy

Виктор Некрасов: Возвращение в Дом Турбиных/ Сост. Т. Rogozovskaya; предисл. А. Парниса. — Н 48 К.: Феникс, 2004. — 112 с.

ISBN 966-651-186-x

В книге-каталоге представлены редкие фотографии, документы, книги с автографами писателя, эссе "Дом Турбиных" и "Об антисемитизме" — скрипт выступления на радио "Свобода". В хронику жизни включены письма из архивов Киева, Москвы, Санкт-Петербурга, личных собраний его друзей.

ББК 83.3(2:Рос)-8

Літературно-художнє видання

Виктор Некрасов: Возвращение в Дом Турбиных

Укладач Тетяна Абрамівна Рогозовська

Дизайн каталога:

Марина Бабич

Друк Видавництво "Фенікс"

Свідцтво ДК - 271 від 07.12.2000 р.

Підписано до друку 5.11.2004 р. Формат 70х100/16. Папір офсетний № 1. Друк офсетний

Ум.друк.арк 9,03. Обл.-вид. арк. 7,99

Тираж 500 пр. Замовлення № 24 -558

ISBN 966-651-186-x

© В. Кондырев, 2004

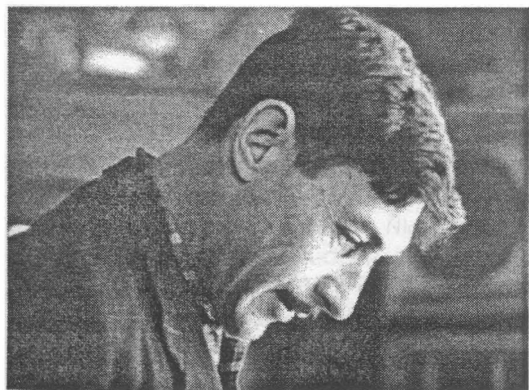
© Составитель Т. Rogozovskaya, 2004

© Предисловие А. Парниса, 2004

© Оформление М. Бабич, 2004

© Музей М. Булгакова в Киеве, 2004

© "Феникс", 2004

Особая благодарность:

Татьяне Акуловой-Конецкой
Нине Аль
Нине Богорад
Семье Борщаговских
Радовану Ванеру
Надежде Виноградовой
Семье Волынских
Белле Галбмилион
Евгении Дейч
Юрию Дулерайну
Александру Ершову
Борису Жежерину
Григорию Канторовичу
Владимиру Колинко
Иванне Конончук
Светлане Коротковой
Владлену Кузнецову
Евгению Лунгину
Владимиру Мельниченко
Владимиру Мостовому
Рафаилу Нахмановичу
Юрию Павленко
Ирине Пиевской
Полине Поберезкиной
Владимиру Потресову
Анатолию Поцелуйко
Виктору Радуцкому
Семье Раппопорт
Елене Ржевской
Аде Рыбачук
Валентину Селиберу
Станиславу Славичу
Филиппу Снегиреву
Надежде Стрижак
Владимиру Судьину
Эдуарду Тимлину
Станиславу Цалику
Анисиму Штильману
Галине Шульге

"Что же написать о тебе, Вика?"

"Напиши, что Виктор Некрасов — великий писатель, один из самых замечательных, которых ты встречал в своей жизни. Я должен его учить, что писать о Некрасове..."

Вика как всегда в своем репертуаре, но вот что я сейчас подумал:

"А ведь он и впрямь один из самых удивительных людей, которых я встречал. Пройдя через окопы Сталинграда, осыпанный почестями, знаменитый советский писатель, он, в конце концов, все отдал за то, чтобы остаться честным, остаться с а м и м с о б о й".

...скажу с присущей мне правдивостью — таки-да!

(Простите киевский акцент, я все же киевлянин...)

О, свобода передвижения! Подобно Катону с его Карфагеном, я готов каждую свою речь не только кончать, но и начинать с этого восклицания!

В.Некрасов "По обе стороны стены"

Эпиграф из самого себя! Подобной нескромности, пожалуй, не знала еще мировая литература. И все же рискую. Кажется, Энгельс говорил, — что скромным надо быть в быту, в творчестве же, в политике не обязательно.

Пожелание выставке

Виктор Платонович заволновался, когда на таможне, перед самым его отъездом в эмиграцию, полковник-пограничник, взяв в руки коробочку с боевыми наградами, спросил, почему нет удостоверения на медаль "За оборону Сталинграда". "Потерял в сорок пятом, на праздновании Дня Победы", — попытался отшутиться ВП. "Так не пойдет, — строго сказал полковник, — без удостоверения медаль не выпустим!" Некрасов испугался не на шутку — медаль была самой дорогой памятью о Сталинграде. Он оглянулся по сторонам и вдруг бросился к ящику, набитому десятками различных изданий его книги, и схватил одну, наугад. Торопливо раскрыв, он пришил медаль к титульному листу, прямо на названии "В окопах Сталинграда", и протянул её пограничнику: "Вот моё удостоверение! Подходит?" Полковник вдруг улыбнулся: "Подходит! Забирайте свою медаль!"...

В доме Некрасова в Париже издания "В окопах Сталинграда" занимали три полки. А рядом столько же места было заставлено альбомами и книгами о Киеве. Многие из киевской тематики он привез с собой, но сколько книг он приобрел здесь, во Франции, — вы не поверите, множество! Пусть будут, как бы оправдывался он, смотри, мол, какая прелесть. Пусть будут, соглашался я, действительно красиво...

Два города в жизни Виктора Платоновича Некрасова, две святыни... Сталинград, который он боготворил, и Киев, который он любил чуть ли не до слез... Потом в его жизнь вошел и третий город — мечта детства, Париж...

И я искренне надеюсь, что эта выставка о ВПН понравится киевлянам. Иными словами, желаю ей успеха!

Виктор Кондырев
Париж, октябрь 2004

Виктор Некрасов: до и после...

Овидий пренебрегал модой и даже ко двору Августа являлся без галстука, чем навлек на себя гнев императора. Своей нелюбовью к галстукам широко известен также современный писатель Некрасов.

Юрий Ивакин

Сентябрь — трагический месяц в жизни и судьбе Виктора Платоновича Некрасова.

Тридцать лет назад, 12 сентября 1974 года, он вместе с женой и собакой Джулькой сел в Борисполе на самолет Киев — Цюрих и навсегда (официальная версия — на два года) покинул свой родной город — был "выдворен", по его слову. Последние тринадцать лет жизни писатель, как и Овидий, провел в изгнании — во Франции. Он умер 3 сентября 1987 года в Париже и был похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа — "самом красивом кладбище в мире", как он сам когда-то написал.

Жизнь Некрасова делится на две неравные части: до сентября 1974 года и после...

В советское время В.П.Некрасова, писателя-фронтовика, участника Сталинградской битвы и лауреата Сталинской премии, широко печатали, его имя было известно во всем мире, его книги были переведены на многие языки. В 50-60-е годы в литературной и кинематографической среде имел хождение термин "некрасовская правда", который являлся символом "окопной правды". Кто-то из современников остроумно заметил, перефразируя знаменитое выражение 20-х годов: из "Окопов" Некрасова, как из "Шинели" Гоголя, вышла вся наша честная военная проза. Он не только был писателем с мировым именем (повесть "В окопах Сталинграда", впервые напечатанная в 1946 году в журнале "Знамя" под заглавием "Сталинград", издавалась впоследствии более 130 (!) раз), но был также активным деятелем правозащитного движения, участвовал во многих протестных акциях русских и украинских диссидентов.

Автор книги "В окопах Сталинграда" любил устраивать розыгрыши и говорил, что если писатель попал в анекдот или стал объектом для пародии — это несомненный признак популярности, а также большая удача и счастье. Он верил в магию чисел, и многие события своей жизни связывал и соотносил с круглыми и некруглыми датами, например, с числами "тридцать" и "тридцать пять", которые имели для него сакральный смысл. Некрасов был известен не только пренебрежением к моде и "нелюбовью к галстукам", как написал в своей пародии киевский литературовед Ю.А.Ивакин, — в галстуке его можно было увидеть разве что на официальных фотографиях: в паспорте и в 5-м томе Краткой литературной энциклопедии.

Некрасов неоднократно рассказывал о своем дебюте. В 1946 году, сразу же после опубликования повести в "Знамени", еще до присуждения ему Сталинской премии, литературная общественность встретила повесть, по слову писателя, "как-то растерянно". Критика называла ее "порочной", ругала за "ползучий реализм", "пацифизм" и "ремаркизм", а также за взгляд из "окопа" (отсюда и термин "окопная правда"). В Союзе писателей состоялись два критических заседания, посвященных повести, более того, готовился специальный разгром "Сталинграда". Книга была совершенно лишена героического пафоса и резко выпадала из общего хора славословий во имя Сталина и партии, характерных для тогдашней военной прозы. И только два человека защитили ее от нападков, каждый по-своему: сам вожь всех времен и народов Иосиф Сталин и кинорежиссер Сергей Эйзенштейн — тиран и художник. Первый присудил Некрасову премию своего имени (трудно до конца понять, чем был вызван этот жест, — в повести было всего две-три строчки о вожде, впоследствии писатель называл его в своих книгах "кровавым параноиком" и "убийцей"), а второй посвятил анализу повести отдельную лекцию, прочитанную во ВГИКе в декабре 1946 года.

В одном из зарубежных интервью (1981) Некрасов вспомнил о рассказе главного редактора "Знамени" В.Вишневского о том, как председатель Комитета по Сталинским премиям А.Фадеев

накануне дня присуждения премии, ночью, вычеркнул его фамилию из списка кандидатов, подготовленного для Сталина. Наутро фамилия Некрасова все же появилась в газетах. Закрыв все двери и выключив телефон, Вишневский сказал молодому писателю: "Это мог сделать только один человек, включить вас". Автор "Окопов" завершил этот эпизод с некоторой иронией: "Ну вот, после этого считается, что я был любимцем Сталина".

В автобиографической повести Некрасова "Саперлипопет, или Если бы да кабы, да во рту росли грибы", написанной в Женеве в 1983 году, последние главки посвящены Сталину. Встреча главного героя повести, alter ego автора, с вождем произошла в июне 1947 года, сразу же после вручения в окошке МХАТовского администратора диплома и значка лауреата. Встреча со Сталиным, вождем захотел познакомиться с новым лауреатом и "обмыть" премию, происходила в Кремле и на даче в Кунцеве. Эта встреча продолжалась почти сутки. Много было выпито — водки и вина, во время встречи появились новые персонажи — Никита Хрущев и Лаврентий Берия, говорили обо всем и даже о литературе. Сталин попросил надписать книгу, только "без всех этих "ах-ах". И вдруг он неожиданно сказал:

"А писатели наши — дерьмо! Не обижайся, но дерьмо..." И закончилась встреча поразительным эпизодом. Когда речь зашла об антисемитизме, Сталин заявил:

— Не было его! Нет! И не будет!

И тогда "Некрасов" провозгласил тост:

— Я предлагаю выпить за командира пятой роты лейтенанта Фарбера, товарищ Сталин. Слыхали о таком? (Это фамилия одного из героев "Окопов"). Возникла почти немая сцена: "Сталин взглянул на меня так, что я понял — сейчас конец". "Некрасов" выпил стакан водки, упал и отключился.

Эта встреча была написана так убедительно, что многие знакомые писателя сочли, что она была в действительности. Близкая приятельница Некрасова Р.Д.Орлова, слушавшая в Кельне чтение повести в авторском исполнении, спросила: "Почему же ты никогда об этом не рассказывал?" Некрасов радостно рассмеялся: "Да никогда этого не было!" И хотя автор повести заявлял, что он никогда Сталина не видел, вокруг этой сочиненной встречи и вокруг присуждения ему Сталинской премии возникли легенды, а в парижской газете "Le Figaro" его даже назвали "личным другом Сталина и членом ЦК". Несомненно, что встреча главного героя "Саперлипопета..." со Сталиным написана под воздействием рассказа писателя И.С.Соколова-Микитова о его встрече со Сталиным (Некрасов дружил с ним и не раз слышал рассказ об этой встрече), а также вокруг легенд телефонных разговоров вождем с Булгаковым и Пастернаком.

Эйзенштейн, по словам П.М.Аташевой (сообщено Н.Клейманом), считал повесть "Сталинград", написанную никому не известным офицером, одной из лучших книг о войне. Сам автор повести мог узнать о разборе режиссера только в 1954 году, когда впервые была напечатана лекция Эйзенштейна (затем она вошла в 4-й том его произведений, изданный в 1966 г.). Режиссер обсуждал со студентами проблему композиции на примерах из повести Некрасова. И хотя Эйзенштейн полемически оценивал некоторые композиционные построения повести, он сравнивал эти эпизоды с описанием полтавского боя у Пушкина, со сценками из "Анны Карениной" Л.Н. Толстого и с некоторыми эпизодами в пьесах Шекспира. В анализе С.Эйзенштейна примечательно не только то, что он сопоставил молодого писателя-фронтовика с классиками русской и мировой литературы, но также и то, что он как бы предсказал будущую судьбу Некрасова-кинематографиста, еще задолго до того, как автор "Сталинграда" увлекся кино и стал писать сценарии для фильмов. Однако сам Некрасов отнесся к анализу Эйзенштейна по-другому: "Разбор, на мой взгляд, глубоко ошибочный и все же для меня лестный".

В очерке "10 лет во Франции", написанном за три года до смерти, Некрасов пунктирно изложил свою биографию: "Больше шестидесяти лет я прожил в России, на Украине, в Советском Союзе. Школа, профшкола, институт, театральная студия, театр. Киев, Владивосток, Киров (бывшая Вятка), Ростов-на-Дону. Оттуда пошел на войну. В 1944-м вернулся с нее раненым, стал инвалидом Отечественной войны. Затем журналистом-газетчиком и, наконец, писателем. Тридцать лет, со Сталинграда, был членом Коммунистической партии.

В 1974 году исключили. Без малого тридцать лет состоял в Союзе писателей. Когда исключили — не знаю, официально нигде не было объявлено (21 мая на заседании правления Киевской писательской организации — А.П.). Узнали об этом, когда я уже был во Франции, мои друзья от знакомых секретарш. Советского гражданства лишен на пятый год моей эмиграции, в 1979 году. Сообщение об этом агентства Рейтер прочитал в Токио, в японской газете "Джапан Таймс". И, как ни странно, не разрыдался...

Сейчас — французский гражданин. В паспорте моем, в "Карт насьональ д'идантите", кроме даты, места рождения и роста, 1м 71см, написано "насьоналитэ франсэз" — национальность французская. Вот так-то — на 73-м году жизни стал французом".

Однако в этом очерке Некрасов не пишет о причинах своего отъезда в эмиграцию.

В 60-х годах он вызвал "гнев императора" Н.С.Хрущева, прежде всего потому, что всегда и везде отстаивал свободу мысли и свободу творчества. Он был слишком независимым и негибким человеком и не пожелал каяться перед сильными того мира за мифические проступки. Травля Некрасова в печати за "преклонение перед Западом" продолжалась более десяти лет. Первой ласточкой стала редакционная анонимная статья "Турист с тросточкой", напечатанная в январе 1963 года в "Известиях" — она была непосредственной реакцией на встречи Хрущева с творческой интеллигенцией в декабре 1962 года в Манеже и в Кремле. (Впоследствии стало известно имя автора этой статьи — придворный журналист-международник Мэлор Стуруа). Надписывая друзьям книгу "В жизни и в письмах", Некрасов неоднократно обыгрывал название этой статьи, пририсовывая тросточку к своему фотопортрету.

Хрущев дважды — с завидным упорством — 8 марта 1963 года на встрече с писателями и 21 июня — на пленуме ЦК КПСС — обрушился на Некрасова за распространение "небылицы о жизни в родной стране" и за хвалебный отзыв о фильме Марлена Хуциева "Застава Ильича" (в прокате — "Мне двадцать лет"), приведенный в очерке об Америке и Италии "По обе стороны океана", напечатанном в "Новом мире" в конце 1962 года. На пленуме прозвучало: Некрасов "погряз в своих идейных заблуждениях и переродился", и "партия должна освобождаться от таких людей". Выступления Хрущева были тогда же напечатаны в "Правде", в "Литературной газете" и во всех толстых журналах, в том числе и в "Новом мире".

Разумеется, Некрасова стали прорабатывать на заседаниях различных парткомиссий, его перестали печатать. На писателя было заведено последовательно три партийных дела, растянувшихся с приливами и отливами на десять лет. Первые два дела закончились строгими выговорами, второе даже со странной резолюцией: "за то, что позволяет себе иметь собственное мнение". Третье дело, заведенное в 1972 году в связи с подписанием писем в защиту инакомыслящих, закончилось исключением из партии. Издание двухтомника его произведений, запланированное в издательстве "Художественная литература", было остановлено, а имя его было запрещено упоминать в печати. Некрасова лишили литературного заработка и выбросили из истории литературы.

Последней репрессивной акцией стал обыск на квартире в Пассаже 17 января 1974 года. (Отмечу в скобках, в этот день обыск был еще у нескольких лиц, связанных с писателем, в том числе у автора этих строк). Унизительный для любого человека, а тем более для писателя — фронтовика и лауреата Государственной премии (ранее — Сталинской), он продолжался почти двое суток — 42 часа — и стал последней каплей. Незадолго до отъезда был написан памфлет "Кому это нужно?", в котором он подводил итоги преследований за последние годы. Этот памфлет сразу же был напечатан в эмигрантских газетах и прозвучал в передачах на Радио "Свобода", а сам Некрасов вспоминал: "Еще не приняв решения, крикнул в эфир: "Кому это нужно?"

После отъезда Некрасова приказом Главлита №31 от 13 августа 1976 г. все его книги были запрещены и изъяты из библиотек. Он сам написал об этом пять лет спустя в очерке "Через сорок лет...": "Сейчас в Советском Союзе книга <"В окопах Сталинграда"> запрещена, внесена в какие-то списки, из библиотек изъята (говорят, только в Лефортовской тюрьме сохранилась), а фильм, заживший своей собственной, безотносительной к автору, жизнью, иногда где-то показывают в юбилейные даты 23 февраля и 9 мая".

В том же очерке он писал: "Тридцать лет в партии — самой жестокой, самой трусливой, сильной, беспринципной и растленной в мире. Поверил в нее, вступил и к концу пребывания в ней — возненавидел".

...Трудно, очень трудно начинать новую жизнь на седьмом десятке. В эмиграции Некрасов написал шесть книг, сотрудничал в русскоязычных журналах и газетах, был заместителем главного редактора журнала "Континент", постоянно выступал на Радио "Свобода". Он также много путешествовал, он был великим путешественником, объездил чуть ли не полмира. Но это был уже другой Некрасов, "не тот", если вспомнить реплику Хрущева.

Он создал особый жанр путевых очерков, вернее, он обновил этот традиционный жанр, к которому не раз обращался еще до эмиграции. Ранее он писал в цензурных условиях, при которых многие темы и сюжеты были табуированы и о них можно было говорить лишь намеками или полунанеками. Некрасов хорошо владел эзоповским языком, он умел ловко и хитро обходить цензурные запреты, но вдумчивый и проницательный читатель понимал, о чем и о ком идет речь между строк. Впоследствии в передачах на Радио "Свобода" писатель раскрыл эти ходы и шифры, он называл эти ходы приемами эквилибристики. В эмиграции Некрасов превратил этот жанр путевых заметок в своеобразный лирический дневник, в котором можно вести разговор обо всем сразу, без всяких запретов...

Для творчества Некрасова характерны три главные темы, которые он постоянно варьировал в своих произведениях: прежде всего война, Сталин, или, вернее, преодоление сталинизма и тоталитаризма, и город, или, по его формуле — "путешествия в разных измерениях". Три города — Киев, Сталинград и Париж, в которые он постоянно возвращался и о которых много писал, странным образом переплелись в его личной и творческой судьбе.

Но была еще одна тема, к которой он неоднократно возвращался, — тема трагедии Бабьего Яра и антисемитизма. Он писал об этом в статьях, книгах, в официальных письмах, адресованных в партийные органы, говорил во многих интервью, данных западным журналистам. Первая статья о Бабьем Яре была напечатана в "Литературной газете" 10 октября 1959 года и озаглавлена "Почему это не сделано...", а последняя под названием "Бабий Яр, 45 лет" была напечатана в нью-йоркской газете "Новое русское слово" за год до смерти — 28 сентября 1986 года. Как точно отметила в своих воспоминаниях любимый "новомирский" редактор писателя А.С.Берзер, Бабий Яр "стал частью собственной жизни Некрасова — личной, общественной, гражданской и писательской". Она рассказала о том, что видела, когда пришла с ним в одну из годовщин в Бабий Яр, "как женщины целовали ему руки, как он стеснялся этого, какими глазами смотрели на него... Камня еще не было, ничего не было, только много цветов".

Некрасов первым заявил в печати, что на месте массового расстрела в Бабьем Яру — по одним сведениям, 100 тысяч, а по другим, 150-160 тысяч евреев (точные данные уже никогда не удастся установить) нужно поставить памятник. Эта борьба за увековечение памяти жертв Бабьего Яра продолжалась все время вплоть до самого отъезда Некрасова в эмиграцию в сентябре 1974 года.

В книге "Записки зеваки" он писал: "Бог ты мой, сколько раз мне вспоминали этот Бабий Яр. И у бесчисленных партследователей, с которыми свела меня судьба, и на бюро райкомов, горкомов, обкомов... "Расскажите, что у вас там произошло в Бабьем Яру!" — "А ничего не произошло, просто я сделал то, что должны были сделать вы — райкомы, горкомы, ЦК — в день 25-летия гибели ста тысяч, как вы теперь говорите, "советских граждан", прийти и сказать то, что вместо вас сказал я — будет здесь памятник! — что сказал Дзюба — пора положить конец этой позорной вражде. Вы не пришли — не захотели, забыли — пришли и сказали мы..."

29 сентября 1966 года, в связи с 25-летием с первого дня массового расстрела евреев, в Бабьем Яру состоялся несанкционированный стихийный митинг. Много лет этот глубокий овраг использовался как городская свалка. Потом его "замыли", засыпали и превратили в пустырь. Здесь в начале 60-х годов планировали построить парк и стадион, а вокруг — новый жилой массив. Ранее рядом с оврагом находилось старое еврейское кладбище, которое систематически разрушали, оскверняли, разбили все памятники и, в конце концов, совсем уничтожили.

Городские власти пытались уничтожить все следы и полностью стереть память об этом трагическом не только для киевлян месте. Само название Бабий Яр, которое стало нарицательным, было стыдливо переименовано в Сырецкий Яр, а место гибели более чем ста тысяч евреев стало официально называться "местом расстрела жертв фашизма в Шевченковском районе".

Об этом надругательстве над памятью погибших, о необходимости установить памятник жертвам геноцида Некрасов писал, как упоминалось, начиная с 1959 года. Об этом он говорил и на митинге в Бабьем Яру 29 сентября 1966 года. Подробно и с возмущением он писал об этом также в объяснительной записке в Союз писателей Украины сразу после митинга. Недавно она впервые была напечатана в поразительной по своей исповедальной беспощадности книге Гелия Снегирева "Роман-донос". В ответ партийные власти обвинили Некрасова в организации (!) "сионистского сборища" в Бабьем Яру и завели новое персональное дело. Об этом митинге много писали и

вспоминали мемуаристы. О нем подробно рассказал и сам Некрасов в упомянутой книге "Записки зеваки". Вокруг митинга возникло много легенд, но благодаря книгам Гелия Снегирева ("Роман-донос" и "Автопортрет 66"), вырванным из хранилищ КГБ и недавно напечатанным удалось восстановить точную хронологию событий.

В Бабьем Яру собралась многотысячная безмолвная толпа. Некрасов пришел в Бабий Яр вместе со своими друзьями, приехавшими специально из Москвы — писателями и правозащитниками — В.Войновичем, Ф.Световым, П.Якиром и другими почтить память жертв геноцида. К ним присоединилась киногруппа со студии Укркинохроники во главе с Г.Снегиревым и Р.Нахмановичем, которая собиралась заснять митинг — для истории, а также — украинский литературовед-диссидент И.М.Дзюба.

Некрасов, как он писал в воспоминаниях, не готовил заранее своего выступления, оно родилось на месте: "Люди плакали, везде было много цветов. Я сказал несколько слов о том, что здесь должен стоять памятник. Потом выступил Дзюба с хорошей, умной, горькой речью, что пора, наконец, положить конец взаимной нелюбви украинцев и евреев, что это позор. Слышно было плохо, никаких микрофонов у нас не было... Потом появилась милиция и всех весьма вежливо, но разогнали. То, что сняли киношники, у них отобрали. И никто этого так и не увидел".

Я присутствовал на этом несанкционированном митинге, и у меня несколько иные воспоминания о нем. Я помню какую-то удивительную тишину — скорбное молчание громадной толпы. Некрасов говорил тихо, его почти не было слышно, его пытались прервать. Мой друг, стоящий рядом, неожиданно крикнул: "Говорите, говорите, Виктор Платонович!" К условному месту, камня еще не было, люди приносили цветы и венки. Милиция все же задержала нескольких активистов и куда-то их увела, были "арестованы" также и венки с надписями на "неизвестном" языке. Выступления артистки театра кукол Дины Мироновны Проничевой, одной из немногих спасшихся из этого ада, а также речи И.М.Дзюбы я, увы, не слышал — они выступали где-то в стороне от нашей группы. К счастью, оператору Э.Л.Тимлину удалось сохранить несколько кадров, на которых запечатлен Некрасов, и впоследствии они вошли в фильм режиссера Р.А.Нахмановича, снятый в 1991 году, к 80-летию писателя.

После митинга последовали санкции — власти "песочили" Некрасова на разных парткомиссиях и партбюро, Снегирева понизили в должности и сделали "рядовым" режиссером, а директора студии Н.И.Козина, ни в чем не повинного и даже не знавшего о съемках, уволили с работы. Незаконченный, несмонтированный фильм изъяли.

И все же этот стихийный митинг, а также противостояние и многолетняя борьба инакомыслящих заставили власти задуматься и отступить от первоначальных планов. Как ни удивительно, Некрасову вместе с общественностью удалось остановить эту безумную официальную машину, удалось предотвратить превращение Бабьего Яра в спортивно-развлекательный комплекс — немыслимое надругательство над памятью более чем ста тысяч жертв геноцида. И это, можно сказать, было подвигом Некрасова, как ни высокопарно это звучит сегодня. Это была победа, но, увы, не полная.

Через месяц рядом с шоссе, проложенным по замытому оврагу, поставили камень с надписью, что здесь будет сооружен памятник. Затем был объявлен конкурс на этот памятник, и на открывшейся вскоре выставке было представлено более тридцати проектов. Некрасов активно участвовал в обсуждении проектов конкурса, который оказался "на редкость интересным", тесно общался с художниками и архитекторами и напечатал статью о конкурсе "Новые памятники" в журнале "Декоративное искусство" (№12,1966). Между тем никаких результатов этот конкурс не дал, премий никто не получил. И только через десять лет после митинга, в 1976 году, и через два года после отъезда Некрасова в эмиграцию памятник был возведен.

Однако он оказался совсем "другим" памятником, не имеющим никакого отношения к трагедии Бабьего Яра. Этот памятник — величественный пятнадцатиметровый монумент, состоящий из одиннадцати фигур, на бронзовой плите у его подножия выбиты слова: "Здесь в 1941-1943 годах немецко-фашистскими захватчиками было расстреляно свыше ста тысяч граждан города Киева и военнопленных". Чем вызвана эта лживая и стыдливая надпись? Почему власти всегда боялись двух-трех обыкновенных слов — Бабий Яр и евреи, почему они всегда боялись правды? Некрасов неоднократно говорил и настаивал на этой простой правде: "Здесь расстреляны люди разных национальностей, но только евреи убиты за то, что они евреи..." Он считал, что геноцид нужно называть геноцидом, а не стыдливо его замалчивать и отделяться фальшивыми словами.

Некрасов не принял этого памятника. Он не видел его в натуре, но познакомился с ним по фотографиям. Этот монумент не устраивал Некрасова прежде всего по образному решению, а также и потому, что он находится в другом месте — на значительном расстоянии от места расстрела. В последней статье о Бабьем Яре он писал, что трудно по фотографии понять, "что там происходит", — он был против мнимой героизации и превращения несчастных и беспомощных детей, женщин и стариков в борцов и героев, против "мускулов и уверенных взглядов в светлое будущее".

Размышляя о том, каким, на его взгляд, должен быть памятник, Некрасов остановился на простом решении — на мемориальном камне. В "Записках зеваки", за год до возведения монумента, в 1975 году, он писал:

"Нет, не надо памятника!

Лучший памятник — нынешний камень. В нем есть все — и тридцатилетнее забвение, и скромность, и длинная, лишенная каких-либо эмоций, заштампованная газетная надпись, и обещание (будет памятник, куда вы торопитесь?..) и никакого крика и экзальтации, а главное — есть куда положить цветы. Положить и молча постоять..."

Во время обыска у Некрасова изъяли альбом фотоснимков Бабьего Яра, снятых им самим в разные годы, и рукопись, посвященную этой трагедии, — они до сих пор не найдены.

Из всех книг, написанных в эмиграции, едва ли не лучшая — "Записки зеваки". Эта книга посвящена Киеву и прощанию с ним, это своеобразный путеводитель по родному городу — первоначально она так и называлась "Городские прогулки".

В самом названии книги Некрасова "Записки зеваки" и отчасти в содержании видна непосредственная связь с его любимым писателем-земляком Михаилом Булгаковым, автором книг "Записки юного врача", "Записки на манжетах" и романа "Белая гвардия".

В "Записках зеваки" Некрасов вернулся к булгаковской теме, начатой им в очерке "Дом Турбиных", впервые напечатанном в "Новом мире" в 1967 году (№8). Писатель очень гордился своим открытием дома, где проживала в начале XX века семья Булгаковых, в доме

№13 по Андреевскому спуску — "самой красивой улице Киева".

Благодаря Некрасову этот дом стал легендой и местом паломничества почитателей Булгакова, а этот очерк послужил толчком к созданию первого (и все еще единственного) музея Михаила Булгакова. Поэтому не случайно выставка, посвященная Некрасову,

открывается в
"доме
Турбинных".

Некрасов был разнообразно одаренным человеком — актером, архитектором, художником, фотографом, "киношником". По широкому диапазону творческих интересов он был как бы человеком эпохи Возрождения, случайно попавшим в наш XX век. Все эти его ипостаси, вернее, материалы, связанные с его разнообразными талантами, так или иначе представлены на выставке.

Некрасов называл себя "вещистом". Проживая в Париже, он окружил себя любимыми вещами, висящими на стенах его кабинета, такими же "штучками-дрючками", какие висели у него на стенах в Киеве. Вот как он описывает свой парижский кабинет в книге "Взгляд и нечто": "Я не дома и в то же время вроде дома. На письменном столе то же, что было и в Киеве... Слева так же, как и в Киеве, портрет Ивана Платоновича Чужого в рамке из карельской березы — моего театрального кумира. На стенах портреты друзей, Сталинградская передовая, громадная, с метр длиной, фотография Киева — с одного из холмов в сторону тылов Большой Житомирской. Над тахтой — размером чуть ли не с гектар план Парижа, тот самый, что висел в Киеве, — каждый домик, каждая улочка, каждая лестница, памятник. В столовой те же старинные акварели одного из итальянских прадедушек, столетней, если не более, давности цветная (ну, пусть раскрашенная, но, ей-Богу, не хуже теперешних) фотография Шильонского замка, на ломберном столике между окнами (том самом, где, как злые языки говорят, мои предки просаживали свои имения) фотографии моего брата и бабушки, а над ними дедушка в овальной раме. Чуть ниже гипсовое, почти словновая кость, распятие, купленное маме, когда она была девочкой, на Нижегородской ярмарке, рядом два маминих портрета — изящной девушкой и на склоне лет, в пенсне, печально задумавшаяся, что не очень было ей свойственно, — в моей комнате есть другая, живая, смеющаяся, мама ее не любила: ну чего я, как дура, смеюсь в одиночестве..."

Во время подготовки выставки (ее нужно было начинать практически "с нуля" — на мой запрос в СБУ о судьбе семи мешков, которые были унесены из квартиры писателя в Пассаже после обыска, я получил ответ, что все это было сожжено) было много интересных эпизодов. Остановлюсь на одном. У Некрасова висел небольшой зимний этюд дома №13 по Андреевскому спуску молодой художницы Любви Раппопорт, который она подарила автору

очерка "Дом Турбиных". В ответ писатель подарил книгу "Первое знакомство" с надписью: "С Новым годом, дорогая Люба! В.Некрасов. 31.X.68. Спасибо за Турбиных! В.Н." Перед отъездом этот этюд Некрасов передал Елене Костюкович, внучке своего друга Леонида Волинского, которая увезла его в Италию. Для этой выставки Е.Костюкович прислала из Италии фотокопию этого этюда, а также копию любительского фильма "Паола и роман", который был снят в 60-х годах в Ялте и в котором главные роли сыграли Некрасов и Н.Н.Волинский.

В статье "В музее бывшего врага", написанной за полтора года до смерти, Некрасов заметил: "Я не великий поклонник музеев — я от них устаю". Это, конечно, не совсем так, здесь несомненно художественный прием, который должен был красиво развернуть сюжет. Эту статью он заканчивает словами: "Долго, долго я ходил по этим залам, разглядывал, присматривался, пытался что-то прочесть и думал... Много было дум, и давно передуманных и только что возникших, но главная из них была та, что с немцами я когда-то воевал, а вот сейчас свободно разъезжаю на "Опеле" по их стране и не чувствую себя среди врагов. А на Мамаевом кургане и в Музее Сталинградской славы, возле разбомбленной мельницы мне никогда уже не бывать — вход посторонним воспрещен".

Он не только хорошо знал многие музеи мира, но и был большим знатоком истории живописи и истории архитектуры, а также умел, и это главное, — талантливо рассказать об увиденном в своих книгах. Его "прогулки" по музеям и прочтение работ художников можно сравнить разве что с размышлениями о живописи в знаменитой книге писателя и искусствоведа П.Муратова "Образы Италии", кстати, высоко ценимой Некрасовым.

Виктор Платонович очень сожалел, что во время войны не вел дневника и не делал никаких записей: "У нас в полку, в Сталинграде, был ПНШ — помощник начальника штаба, историк по образованию. Он собирал различную документацию, для себя, для будущего, для истории. Мы его слегка презирали: воевать надо, а он бумажки собирает... Что бы я только не дал сейчас за эти бумажки — схемы, донесения, отчетные карточки, формуляры на минные поля, которых я сделал за те годы видимо-невидимо! Но от Сталинграда у меня сохраняется только помазок для бритья да память о друзьях..."

Во время одной из поездок в Сталинград автор "Окопов" подобрал на Мамаевом кургане осколок от снаряда. Он увез его с собой в эмиграцию, и сейчас этот осколок — на его могиле в Сент-Женевьев-де-Буа.

Таким образом, сохранились только две вещи, связанные со Сталинградом, — помазок для бритья и осколок от снаряда, и они неожиданным образом превратились в реликвии и стали самой историей.

Подобно автору "Окопов", организаторы выставки собрали поразительную "некрасовскую" коллекцию, которая состоит не только из уникалов (рукописи, редчайшие книги с автографами, фотографии, рисунки, мемориальные предметы и т.п. — о каждом экспонате можно рассказывать детективную историю), но также из "мелочей" и "случайных" вещей, которые сегодня превратились в реликвии. Эта коллекция и легла в основу настоящей выставки.

Два писателя-земляка встретились в одном географическом пространстве, в доме №13, в доме, ставшем музеем. На этот раз все происходит не так, как в первый визит автора "Окопов", когда он явился в этот дом "незванным гостем", а наоборот, Михаил Афанасьевич как бы сам позвал в гости младшего современника, "зеваку" Виктора Платоновича. В финальных строчках очерка "Дом Турбиных" Некрасов приглашает "всех, кто посетит Киев, спуститься вниз по крутому Андреевскому спуску до дома №13 <...> , а затем <...> полюбоваться Городом, который так любил Булгаков, хотя никогда больше в него не возвращался". (Тем не менее Булгаков в Киев приезжал вновь, о чем Некрасов тогда не мог знать). Выставка, посвященная Некрасову, в "доме Турбиных" — это первый шаг к действительному возвращению "блудного сына" в родной город. И хотя сам автор "Окопов" в Киев больше "не возвращался", но он вернулся сюда в своих произведениях, написанных в эмиграции, прежде всего в воображаемых прогулках по городу в "Записках зеваки". Настоящее возвращение домой и встреча с читателями впереди — землякам писателя еще предстоит радость встречи с его книгами и очерками, посвященными родному городу.

Александр Парнис
21-29 сентября 2004 года

"Я русский. Во всех поколениях (что-то с материнской стороны, среди прабабушек, было "заграничное" — шведское, итальянское). Всю жизнь прожил на Украине, в Киеве. <...> И родился, и учился, и влюблялся (самой красивой, кстати, была чистейшей воды украинка, Наталка), и воевал, и первый танк увидел на берегу Оскола, а ранен был на Донце.<...> А Украину люблю, потому что люблю Украину". И вот :

"... на 73-м году жизни стал французом".

Еще — "Член Французского Пен-клуба. Член Баварской Академии искусств".

И еще — "Почетный еврей Советского Союза" — сказал Давид Маркиш в некрологе.

Первое возвращение нашего героя в Киев случилось вскоре после того, как наступил "не календарный — Настоящий Двадцатый Век", — как писала его дальняя родственница по "мотовиловской" — материнской линии. ("Я не был с ней знаком. В первый и последний раз увидел ее в гробу в Никольском соборе, в Ленинграде" — напишет он в "Памяти Анны Ахматовой". Другьям скажет, что не знакомился потому, что застенчив).

"Когда мы вернулись в Россию, первые мои слова были: "Quel sale pays, il n'y a pas de bananes" — Какая противная страна, в ней нет бананов!". Потом, "ухватившись за русский язык, долго еще по-французски картавил. Забывая постепенно французский — Францию и все французское продолжал обожать". До войны он прожил в доме по улице Горького четверть века. Сюда вместились "Школа, профшкола, институт, театральная студия...".

Второе возвращение в родной город произошло почти через тридцать лет. Он вернулся в 1944 — раненым, "стал инвалидом Отечественной войны". Не взяли в архитектуру — в аспирантуру, а на сцену возвращаться не стал. Театральное довоенное знакомство с Александром Борщаговским, пригласившим его в газету "Радянське мистецтво", привело Некрасова в журналистику. "Но появилось и другое, то, о чем он до времени не заговаривал даже с друзьями, — святая святых, рукопись, трагический опыт жизни, переплавленный в страницы прозы. Не заговаривал до той поры, пока не возникла рукопись, немного громоздкая, но готовая рукопись, которую мы смогли прочесть", — будет вспоминать в "Записках баловня судьбы" Борщаговский.

Тридцать лет Некрасов числился в Союзе писателей, был даже членом его правления. Его печатали (чаще всего первую и знаменитую повесть "В окопах Сталинграда"), переводили (почти на четыре десятка языков мира), критиковали (с трибун разного ранга), любили (не только в Киеве и Москве, но везде, куда ему удавалось съездить). На стене дома, где он прожил почти четверть века — в Пассаже, на Крещатике, появилась мемориальная доска, созданная его другом Валентином Селибером. Отсюда Некрасова тридцать лет назад заставили отправиться в бориспольский аэропорт и улететь в Цюрих, — как оказалось, навсегда. Он часто звонил друзьям в Киев не только из Парижа, где прожил тринадцать лет, но из разных городов и стран, где ему довелось побывать. Однажды он звонил из Борисполя — по дороге в Японию — из зала для иностранцев его не выпускали. "Я почти в Киеве и не могу увидеть родной город. Не могу посетить могилу матери..." — записал в тетради этот разговор один из друзей писателя.

А в "Записках зеваки", дописанных за границей "Городских прогулках" (анонсированных в журнале "Новый мир" и появившихся посмертно в журнале "Юность") он напишет:

"Нет, не скучаю я по Киеву..."

Ни по каштанам его и липам, ни по днепровским кручам, ни по красным колоннам университета. Все это заслонило другое... И только, может быть, одно место тянет меня к себе — три могилки за железной оградой на Байковом кладбище. Там покоятся три самых близких для меня человека, проживших такую хорошую, ясную и такую нелегкую жизнь. Бабушка умерла еще при немцах — самый добрый человек в мире, тетя Соня — человек жестких правил — прожила еще двадцать с лишним лет, последней умерла мама, дожив до 91 года, — умерла тихо, легко вздохнув у меня на руках. Ее я любил и люблю больше всех на свете, ее мне больше всего не хватает — ее ясности, веселости, доброжелательности ко всем".

На железной ограде теперь черная доска: "Здесь похоронены мать, бабушка и тетя выдающегося киевлянина писателя и правозащитника Виктора Платоновича Некрасова (17.VI.1911 — 3.IX.1987). Горячо любивший свою родину, он вынужден был ее покинуть и похоронен в Париже на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа".

На Байковом кладбище могилы близких Некрасова часто навещают его друзья, их дети и внуки, по которым он так скучал в Париже. ("Выяснилось, что самое важное в жизни — это друзья. Особенно, когда их лишаешься. Для кого-нибудь деньги, карьера, слава, для меня — друзья..") Могилы не заброшены. Там всегда цветы. Однажды появился венок с надписью: "Спасибо за сына". Без подписи.

И вот тридцать лет прошло с отъезда Некрасова. Его хорошо помнят не только близкие друзья, но все читатели "самой читающей в мире страны", не пропускавшие его нечастых публикаций, ставшие вынужденно слушателями, ловившими его голос сквозь глушилки.

Несколько лет тому назад Лев Круглый в парижской газете "Русская мысль" написал: "Некрасов любил Булгакова и много сделал для его посмертной славы, и их судьбы переплелись (говорят, что в Киеве в музее Булгакова есть комната Некрасова)".

Комнаты такой не было, хотя память о "первооткрывателе" в Доме Турбиных жива. Одна из главных тем концепции музея Булгакова — тема возвращения, задуманная и "угаданная" автором идеи сосуществования Булгаковых и Турбиных К.Н.Питовой. Первым "вернулся" в дом №13 сам Булгаков, когда писал роман "Белая гвардия" в Москве. Некрасов подарил Дому имя героев романа. Эта тема работает в основной экспозиции, когда новонайденные экспонаты "возвращаются" на "свое" место: со стороны Булгаковых "прибывают" многочисленные дядюшки, тетушки, кузены и кузины, а со стороны Турбиных — герои булгаковских произведений. Эта тема возникает и на выставках на первом и втором этажах музея.

Выставка "Возвращение в "Дом Турбиных", посвященная киевлянину, писателю, человеку — дань памяти, погашение долга перед ним.

В жизни и судьбе Некрасова — три главных города (хотя он объездил чуть не полмира). Об это сказал его сын, друг и тезка Виктор Леонидович Кондырев в "Пожелании выставке". Киев. Сталинград. Париж.

Художник Бадри Губианури сотворил эти города из парт, до недавнего времени пребывавших в здании бывшей Первой киевской гимназии (возможно, тех самых, которые не успел сжечь Мышлаевский в "Белой гвардии).

"В родном городе". Киев — начало жизни, белая страница (затем исчерканная "цензорами" в штатском) Белый цвет парты перекликается с булгаковско-турбинским вторым этажом экспозиции музея. Семья, школа, институт, театральная студия, друзья...

"Праздник, который всегда и со мной..." и "Путешествия в разных измерениях" — город, где он гулял в детстве и где нашел он свой последний приют.. На парижской парте — карты разных стран мира. Василий Аксенов назвал Некрасова "парижанином из Сталинграда".

"На краю земли" — так называлась рукопись некрасовской повести "В окопах Сталинграда".

Художнику выставки удалось уловить переломный момент жизни и судьбы Некрасова — война, Отечественная и мировая, небывалое противостояние выражены лаконично и остро. "Тройная" парта "одета" в советскую и фашистскую военную форму.

Киев Некрасова немыслим без трех важных тем: "Почему это не сделано?" (название статьи в "Литературной газете", напечатанной 10 октября 1959 года, в судный день в рубрике "Писатель предлагает") Бабий Яр. "Дом Турбиных" (Некрасов и Булгаков) и "В жизни и в письмах".

Помянуть Некрасова, встретиться, познакомиться с ним впервые помогут фильмы, снятые по его сценариям ("Солдаты" по повести "В окопах Сталинграда" и "Город зажигает огни" по мотивам повести "В родном городе" на "Ленфильме"), документальные фильмы "Украинохроники", и фильмы, посвященные ему, созданные в последние годы.

"Первое знакомство" — в этой книге Некрасов выступил как художник, фотограф, путешественник и автор — по фотографиям (из собрания В.Л.Кондырева и архивов некрасовских друзей) вводит в круг семьи и знакомых писателя.

"Этот город — он твой, и Андреевский спуск, и Печерск, и холмов карусель..."

— слова Надежды Павлович, обращенные к Булгакову, можно отнести и к Некрасову.

Алина Антоновна Мотовилова." В бабушке не было ни капли русской крови (отец по происхождению швед — Антон фон Эрн — вернее Орн — генерал русской армии, мать — итальянка, родом из Венеции, Валерия Францевна Флориани), но как-то так получилось, что бабушка моя умудрилась сочетать в себе самые положительные черты русского человека.<...>четыре дочери, младшая, Ниночка, умерла еще ребенком<...> А сложнее всех была ее собственная дочь Соня. Удивительно, до чего разных трех дочерей родила бабушка. Старшая — Зина, моя мать, Зинаида Николаевна — веселая, общительная, доброжелательная, любящая концерты, театры, путешествия. Прогулки, которых сейчас в свои девяносто лет она, увы, лишена; младшая — Вера, ее я не знаю, она как вышла замуж в Швейцарии, так и оставалась там до своей смерти<...>

третья — средняя — Соня. Ее, между прочим, бесстрашная бабушка побаивалась, пожалуй, даже больше, чем коров и гусей. Характер у тети сони был нелегкий. Добрая в душе, желавшая всем помочь, и не только желавшая — готовая отдать последнюю копейку, она делала это так властно и деспотично, что многие от нее просто шарахались".

1. "Фотография бабушки стояла в рамке на телефонном столике" — В.Кондырев//.

2. А.А.Мотовилова. 30-е годы. Киев.

Зинаида Николаевна Некрасова. "Детство и юность — Швейцария, Лозанна. Нет, они не были эмигрантами, просто так велось — образование за границей лучше, чем дома. Там же встретилась с моим отцом. Там же родился Коля".

Друзья смеялись: "Больше всего в жизни З.Н. любит письма, потом уже тебя".

12 сентября 1974 года."В аэропорту <...> отказались пропустить полуистлевшие странички журнала, который мама "издавала" в пятнадцатилетнем возрасте".Среди прочего там был специальный отдел "Пропажи и находки": пропала резинка, карандаш, нашедшему — вознаграждение)".//На запрос, не сохранился ли какой-нибудь карандаш, В.Л.Кондырев обнаружил пенал с карандашами и кнопками. Там оказалось 12 карандашей, 13 кнопок, резинка и точилка! Все это — среди некрасовских писем — Сост.//

"Папа не дожил до того, как "товарищи" вовлекли Россию в кровавый круговорот — он умер летом того же года от разрыва сердца. <...> Коля, мой старший брат<...> ненадолго пережил отца — погиб в Миргороде в 1919 году под шомполами красных. Было ему тогда 18 лет"

3. З.Н.Некрасова

Фотография Василевского, Киев, Крещатик №28 уг. Прорезной

4. З.Н.и П.Ф.Некрасовы. Лозанна, 1900 г.

5. Коля Некрасов.Фото сделано в Лозанне .На оригинале надпись чернилами:

г. Томскъ. Получена 29 октября 1909 года

6. Портрет работы Н.Вейцман, 1913. Неизвестная.

Из квартиры в Пассаже (Дар В.А.Потресова)

7. Коля Некрасов, А.А.Мотовилова с Викой, З.Н.Некрасова.

Оригинал выполнен в виде открытки. Париж, 1915 (?) — надпись В.Некрасова.

8. Виктор Платонович Некрасов. "Самое любимое детское фото. Париж, 1915. Было взято в рамку и водружено на почетное место" — В. Кондырев //

9. В. П. Некрасов, 1938-39 г.

"В театре, я думаю, во Владивостоке. На фоне макета декораций — там он был художником" — В. Кондырев //

10. В. П. Некрасов — "маршал". Надпись: "Дорогим моим Дулерайнам, к Новому, 1983 году. Вика. 23/XII.82."

11. Виктор Некрасов и Леонид Волынский. 1960. Из собрания семьи Волынских.

12. В. Некрасов и А. Воловик. Сестрорецк, 1949.

Надпись на обороте: "Александр Борисович Воловик хотел надписать мне эту фотографию, но не успел. Это было за 40 минут до его смерти. Пришел в 14-30 25-го XI.87 г."

Умер в 17-00. Тело увезли с моего дивана в 21-00. (Оставил мне "Зуавы" и "Маяк"). Вик. Концевский. Из архива Т. В. Акуловой-Концевой.

13. Беседа Преподобного Серафима с Н. А. Мотовиловым о цели христианской жизни. ("гм-гм... Не пристало писателю, да еще коммунисту, всяких там преподобных читать").

14. Н. А. Аль, З. Н. Некрасова, В. П. Некрасов, Ева и Исаак Пятигорские. Киев, Пассаж, 1955

15. 9 мая 1965 года. Во дворе корпункта "Литературной газеты" в Киеве.

16. Л. Волынский, Г. Поженян, В. Некрасов. Ялта, 1960.

17. У А. Д. Сахарова в больнице. В. Некрасов, Л. Копелев, Е. Боннэр. Москва, 1972 (?). (Фото В. Войновича. Из архива В. Кондырева)

18. В. П. Некрасов после второго ранения в Люблине. Лето 1944 г.

19. В. П. Некрасов. 1972. Фото Б. Стукалова // Это — увы! — не Андреевский спуск — Сост. //

20. Советские танкисты в Праге, 1968. "Любимое фото ВП — стояло на книжной полке" — В. Кондырев //

21. В. П. Некрасов. Выпускная фотография 1929 года / Из архива П. Наголкина /

22. Проти формалізму, натуралізму і спрощенства в мистецтві. К.: Мистецтво, 1936. (С автографом В. Кондырева)

23. "...все эти сведения с успехом можно почерпнуть в любом путеводителе. Кстати, лучший из них профессора Эрнста (издание тридцатых годов), ставший сейчас, правда, библиографической редкостью".

Путівник за ред. проф. Ернста.

24. Фото С. Н. Мотовиловой 60-х годов.

25. Письмо В. Б. Шкловского с отзывом о воспоминаниях С. Мотовиловой. "Эта Мотовилова талантливый человек."

26. Оттиск из журнала "Новый мир" (№12, 1963) с публикацией С. Мотовиловой "Минувшее" с автографом: "Первопричине" напечатания моих мемуаров находки каменного века С. Мотовиловой. 20-1-64" (23-25. Из собрания А. Е. Парниса).

"На краю земли" — "Испытание"

27. Медаль "За оборону Сталинграда".

//Историю с медалью "За оборону Сталинграда" в бориспольском аэропорту рассказывал сам Некрасов — и по нашей просьбе — очевидец событий В.Л.Кондырев.//

28. Удостоверение к медали за участие в героической обороне Сталинграда лейтенанта Ефима Григорьевича Парниса.

29. Из многочисленных изданий знаменитой некрасовской книги "В окопах Сталинграда" представлены первые — журнал "Знамя" № 8-9 за

1946 год, где с 38-й страницы — окончание романа "Сталинград", а в начале — печально знаменитое "ждановское" постановление.

30. "Роман-газета" — 1947 с автографом Паоле Утевской на титуле.

31. Сигнальный экземпляр с правкой и автографом на авантитуле Феле Май "Дорогой Фелисите от одного заводула.В.Некрасов". (Из собрания Г.Г.Канторовича)

32. "Спасенные" из библиотек(от уничтожения) книги с вырезанными библиотечными печатями — 1966 год, оформление художника Д.Бисти, серия "Великая Отечественная..."

33. Некрасов В.П. В окопах Сталинграда: Роман. Белль Г. Где ты был, Адам?/ Пер. с нем.,

34. Рисунок-план "окопов" из "Сталинградского" альбома Некрасова (из ГПБ СПб.)

35.Книга о Сталинграде, изданная в ГДР (присланная по просьбе Некрасова Еленой Ржевской Яну Богораду)

36. Осколки с Мамаева кургана, собранные в 70-е годы.

37. Фото рисунка проекта некрасовского памятника на Мамаевом кургане (Из архива В.Л.Кондырева)

38. Фото В.Некрасова на Мамаевом кургане, 70-е годы(Из архива А.Рохлина)

39. В.Некрасов, 1984. На фоне афиши фильма "В окопах Сталинграда" (Из архива В.Кондырева)

40. Рекламный анонс фильма "В окопах Сталинграда", 1956

"...стоит...мессы" —

" Путешествия в разных измерениях"

41. В.Некрасов в кабинете на Ла-Брюйер, Париж, 1976.

42—45. Дом, в котором жил В.П.Некрасов в Ванве на площади Кеннеди.

46—57. Интерьеры парижской квартиры Некрасова на площади Кеннеди.

58—79. Интерьеры парижской квартиры, снятые в 18.00. 3 сентября 1987 года

80. В.Некрасов и В.Кондырев.Париж. (41—80 — Фото из архива В.Кондырева)

81. Некрасов В.Кира Георгиевна. Повесть. Paris.Institut D'etudes Slaves 1983.

82. Victor Nekrassov. Un regard plus autre chose. Traduit du russe par Daria Olivier. Gallimard.

(81—82. Дар Французского Культурного Центра в Киеве).

83. Пепельница из Нью-Йорка (Дар Ю.В.Павленко)

84. Пепельница из Италии (Из собрания семьи Богорад)

85. Коробок спичек со стола Некрасова (Дар В.Л.Кондырева)

"В родном городе" — "Записки зеваки"

86. Газета "Радянське мистецтво", 1946 — №40, 1 октября. С откликом на статью В.Некрасова "Плоды бездумия".

87. Фотокопия карты, по которой мл.лейтенантом Л.Н.Рабиновичем (Волынским) были спасены сокровища Дрезденской галереи" (86—87.Из собрания семьи Волынских)

88. Некрасов В., Гасовський П.: В.Г.Заболотний. К.: Мистецтво, 1947, — 40 с., іл., портрет В.Г.Заболотного нар.худ. СРСР О.О.Шовкуненко. "Майстри мистецтв України",

89. Некрасов В. В родном городе. Повесть. Окончание. Новый мир. 1954.— №11.— С.98—178// Начало см. Новый мир, №10.

90. Некрасов В.П. В родном городе: Повесть.— М: Мол.гвардия.1955.-260 с.

91. Кира Георгиевна :Повесть. Художник Б.А.Маркевич,— М.: Сов. писатль, 1962.— 149 с.

92. В.Некрасов.Почему это не сделано? Лит.газета. — 1959, 10 октября.

93. В.Некрасов читает "Избранное" В.Некрасова. 1962. Ялта. (Дар Ю.В.Павленко)

94. В.Некрасов.Избранное.1962.С автографом Р.Нахмановичу.(Из собрания Р.Нахмановича).

95. В.Некрасов. Портрет работы В.Спиридоновой. 1969. Масло. (Дар Ю.В.Павленко)

96—104. В.Некрасов на митинге в Бабьем Яру. Фото из собрания Р.Нахмановича и Э.Тимлина

105. В.Некрасов.Новые памятники. Декоративное искусство, 1966.— №12.

106. В.Мельниченко, А.Рыбачук. Когда рушится мир... Бабий Яр. Проект. К.,1991.

107—108. Е.Ройтман. Декоративные керамические тарелки. (Из собрания А.Штильмана)

109. В.Селибер. Конкурсный проект мемориала в Бабьем Яру.1966.

110. В.Некрасов.В жизни и в письмах.М.,1971. С автографом Р.Нахмановичу (на фото пририсована тросточка).

111. Бабий Яр. Сборник документов. Сост. Т.Евстафьева и В.Нахманович. К.,2004. Т.1.

112. В.Некрасов. Об антисемитизме. 7.03.79. (Дар Н.А.Аль)

7.03.79

/Вернуть/

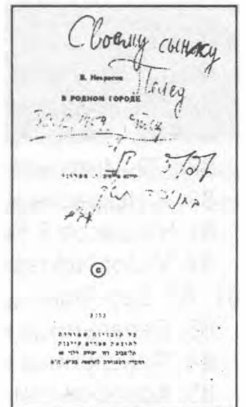
Об антисемитизме

Виктор Некрасов

"Holocaust" всех всколыхнул. Не лучший из фильмов о страшном прошлом, но что-то с чем-то как-то неожиданно совпало, пересеклось (не могу даже разобраться, что и с чем) и фильм вдруг прозвучал, задел, напомнил, одним словом, всколыхнул.

Меня он тоже задел. И я тоже возвращаюсь к прошлому. Впрочем, не так к тому страшному, сорокалетней почти давности, как к тому, что последовало за ним. А последовало нечто, тоже страшное, хотя там не было ни жертв, ни крови. Я вспоминаю Бабий Яр. Опять же, не тот хладнокровный расстрел, может быть самый чудовищный за всю историю человечества — ничего нового рассказать о нём не могу — а то, свидетелем чего был я сам, — как старательно пытались вытравить из памяти человеческой всё, что касалось и напоминало об этих трагических событиях.

Если вы приедете сейчас в город Киев, где всё и произошло тридцать восемь лет тому назад в первые же дни немецкой оккупации, гид "Интуриста" обязательно повезет вас после визита в Софию и Лавру, на киевскую окраину Сырец. И там покажет он вам внушительный и довольно эффектный памятник, изображающий могучих, полуголых,

гневных людей, изваянных из камня. И объяснит: "На этом месте немецко-фашистские варвары уничтожили около ста тысяч ни в чем неповинных советских граждан". "Евреев?" — спросите вы. "Стариков, женщин, детей... И военнопленных всех национальностей"— не глядя в глаза, ответит гид.

Да, здесь расстреливали не только евреев. За два года оккупации в этом овраге погибли многие — уж очень понравилось это место гитлеровцам — но основная масса, семьдесят тысяч, расстреляна была 29, 30 сентября и 1 октября 1941 года. И это были евреи. Только евреи... Варфоломеевская ночь — детская забава по сравнению с тем, что произошло на этой окраине Киева в те три, памятные всем дня...

Памятные — говорим мы теперь... А года два-три тому назад никакой гид вас сюда бы не привез. Ну, может быть, если б уж очень настаивали. Тридцать же лет назад здесь просто была свалка. Крохотная, покосившаяся табличка, запрещающая выбрасывать мусор и грозившая штрафом в 300 рублей, тонула в море всякого хлама, каких-то ящиков, ржавых ведер, корыт, кроватей, полусгнившего тряпья, а внизу, по дну оврага ползали люди в поисках золотых коронок, колец, сережек...

И только каждую осень, в конце сентября, приходили сюда, на поросшие кустарником обрывы, другие люди и молча стояли, среди всего этого хлама, утирая слезы.

А чего приходят? Что вспоминать? Героев? Здесь нет героев! Люди сами, добровольно пришли, вот их и расстреляли. Сами виноваты. Нечего было идти...

Да, да, говорилось именно так. И много лет спустя мне самому твердили это же самое мои партийные "вожди", когда я заикнулся было о памятнике. Кому памятник? Трусам, добровольно пришедшим на расстрел? Понимаешь ли ты что предлагаешь?

Нет! Забыть! Стереть с лица земли! И названия чтобы не было! Есть Сырецкий Яр, и всё. Нет Бабьего Яра. Нет и не было... Забыть!

И его замыли...

Мощные насосы в течение долгих месяцев яростно заполняли овраг жидкой смесью песка и глины. В устье оврага соорудили две земляные плотины. И не стало оврага. Исчез Бабий Яр. На месте его появился пустырь. Бурьян.

Но и этого кому-то показалось мало. Решили на месте пустыря разбить парк. С танцевальными площадками, буфетами, ресторанами. Наш народ любит веселиться... Но не успели. Вторая трагедия обрушилась на Бабий Яр. Плотины прорвало и вся масса не застывшей еще смеси песка и глины мощным, высотой в десять метров, валом ринулась, сметая всё на своём пути, на Куреневку, одну из окраин Киева. Затоплена была Кирилловская улица, трамвайный парк. Количество жертв старательно скрывалось — по слухам, около шести тысяч, местные же жители упоминают цифру шестьсот человек — точно никто не знает, в газетах, конечно, ни строчки... Только "Правда" дала на следующий день репортаж из Киева о том... как киевляне провели свой выходной. И мирную фотографию Подола, района, куда входит Куреневка.

Это произошло весной 1961 года.

А через пять лет... Опять пришли люди. Все того же 29 сентября. И пришло их много,

Может быть, несколько тысяч. Ведь прошло, оказывается, уже 25 лет с того самого дня. Двадцать пять лет! И ни памятника, ни камня, пустырь, бурьян... А под ним кости.

И обращаясь к плачущей, растерянной толпе, друзья мои и я пытались сказать что-то людям о том, что не может не быть здесь памятника, он будет, обязательно будет.

Но появилась вдруг милиция и попросила всех разойтись. Не положено. Расходитесь, чего собрались? Идите по домам. А вы, товарищи, которые что-то там снимали, отдайте нам пленку. Так будет лучше. И отобрали пленку. А директора киностудии потом сняли с работы.

Ох, сколько мне потом вспоминали эти несколько слов, произнесенных на этом "сборище сионистов". И зачем, и почему, и кто дал право, и почему не посоветовался? Я говорил одно — да, не мне, а вам надо было выступить в тот день, не мне, а вам надо было сказать людям — позор, что нет памятника, но он будет...

И — чудо из чудес! — кому-то наверху, из тех, кто поумнее, стало ясно, что действительно позор и появился вдруг среди пустыря и бурьяна камень. Серый, полированный гранит. И надпись: "Здесь будет сооружен ..."

Более того, каждого 29 сентября возле камня стали сооружать трибуну и секретарь Шевченковского райкома партии с этой трибуны сообщал собравшимся сюда, старательно оцепленным милицией, передовикам производства и прочим трудящимся о том, на сколько процентов выполнен план фабриками и заводами этого района за последний квартал. За ним подымались другие и тоже говорили о своих успехах, а кто-нибудь, желательно с еврейской фамилией, обязательно упоминал о зверствах сионистов в далеком Израиле. Потом исполняли гимн и митинг объявляли закрытым. Все начинали расходиться. А тех ребят, что тащили за чем-то венок с бело-голубой лентой или непонятными на ней для русского человека буквами, просили проследовать в эту стоящую здесь неподалеку машину, а если будете упрямыми, поможем.

И так каждый год... Сначала у камня. Теперь у памятника могучим, гордым и несгибаемым борцам, стоящим на месте, где 35 лет назад погибли старые, больные, беспомощные евреи.

Думаю, даже Гитлер вместе с Геббельсом не могли бы придумать подобного — на месте несуществующего Бабьего Яра соорудить памятник существующему, неистребимому антисемитизму.

Я рассказал эту печальную, но такую наглядную и закрепленную на века в камне историю вовсе не для того, чтобы открыть кому-то глаза на нечто происходящее совсем рядом. Они открыты уже давно, глаза, но сетчатка ко многому привыкает, как сетчатка советского человека, глядящего и не видящего окружающие его всю жизнь с младенчества лозунги. Просто я воспользовался фильмом "Holocaust", чтоб тоже что-то вспомнить. И напомнить. Еще раз. Напомнить, что самая страшная форма антисемитизма, это насаждаемая сверху. И что только в одной стране на всем свете это сохранилось до сих пор — и эта страна Советский Союз.

Гитлер ненавидел евреев, считал, что они основное зло. И он их уничтожал. Кремлевские старики не многим больше любят евреев, но они ведь не фашисты, они самые прогрессивные, а фашисты это сионисты, посмотрите, что они в Израиле делают с арабами. А то, что на газетных карикатурах у этих самых сионистов носы такие же горбатые, как на любой карикатуре из "Штурмер", что подделаешь, такие уж у них носы...

Попытайтесь заговорить на эту тему с кем-либо из кремлевских стариков, они только иронически улыбнутся и скажут: "Что вы нас, русских, спрашиваете, поговорите с евреями", и переадресуют вас к Арону Вергелису, редактору журнала "Советиш Геймланд" (смотрите, у нас даже журнал еврейский есть!), или Александру Чаковскому, редактору "Литературной газеты", или Герою Советского Союза Драгунскому — вот они вам всё и расскажут. И они расскажут. И ни разу даже не поперхнутся. И о новой конституции тоже расскажут, и очень подробно, и может быть даже вспомнят и о Бабьем Яре и фотографию мускулистых ребят покажут... Ну, уж и обязательно сообщат, какой процент у нас был Героев Советского Союза, а ныне лауреатов Государственной премии.

Да, — возразят мне, — но у вас нету газовых камер, печей, Освенцимов. Нет, этого у нас нет. Но у нас есть Эдуард Кузнецов, которого приговорили к расстрелу (и, не помилуй Франко своих террористов, расстреляли бы!) только за то, что он ХОТЕЛ уехать в другую страну. Только ХОТЕЛ, преступления он не успел совершить — того самого самолета, на котором собирался улететь, даже не увидел...

Директор одного очень крупного московского учебного заведения как-то признался в кругу друзей за рюмкой водки после проведенных экзаменов: "Вы знаете, я лучше даже двух евреев приму, чем одного грузина...". И тут же объяснил: "Никто не поверит, что он не дал мне взятки". Вы можете подумать об этом директоре, что угодно, что он расист, шовинист, просто мерзавец, но самое замечательное в его рассказе, это, конечно его "даже". Даже двух(!) евреев...

В Советском Союзе разрешена национальная проблема! Семья единая! Созвездие разных! Это во всех песнях, стихах, конституциях, лозунгах. Но при поступлении в учебные заведения обязательная процентная норма — не на бумаге, конечно, упаси Бог!

А в те ВУЗы, где готовят дипломатов и вообще не принимают. На дипломатической работе их нет. Даже в каком-нибудь паршивом консульстве на острове Фиджи вы не найдете еврея. Нельзя! И среди партийных работников, начиная от райкома партии и выше не найдете. И ни одного секретаря парторганизации, даже самой маленькой, из трех человек — разве что в Биробиджане, Еврейской автономной области, и то не уверен. Думаю, что только один есть на весь двухсотпятидесятимиллионный Советский Союз — в редакции журнала "Советиш Геймланд". А, может, и там русский. Шофер, например...

Все, о чем я рассказываю, давно уже всем известно — и не только дома. Но не все ещё всем понятно. Многие задают вопрос: "Как же это так получилось? Большинство из тех, особенно в верхушке, что делали революции, были евреями — почему же их теперь все так не любят?"

Во -первых, не все — и это очень существенно — а в определенной среде. Во-вторых, и верхушка уже не та, а из этой самой среды.

Многие со мной не согласятся, считая, возможно, что я, как русский человек, пытаюсь что-то смягчить, но я со всей категоричностью утверждаю, что корней того самого животного антисемитизма, который организовывал погромы и процессы "врачей-убийц", в самом народе нет. Когда я говорю "народ", я подразумеваю крестьян, рабочих. Есть ироническое отношение, немножко зависти, "пробивные они, всего добьются, не то, что мы, раззявы...", но ненависти, лютой, животной, нет. Она в мещанстве, в той самой ограниченной, узколобой, полукультурной среде, из которой-то и вышли наши нынешние руководители. Сталин не был ни крестьянином, ни рабочим, ни интеллигентом, но это он наградил высшей наградой Лидию Тимошук, инициатора "дела врачей" и не настигни его вовремя смерть, евреям бы несдобровать — все оказались бы в Сибири.

Те, кто делал революцию (хорошие они или плохие — это уже другой вопрос) в основной своей массе были интеллигентами. И евреев среди них было много. Царский режим, с его процентными нормами и прочими ограничениями, сам их толкал в революционное движение. Со временем это самое движение, превратившись в то, во что оно превратилось, довольно лихо с ними расправилось. Нынешние же вершители к революционному движению (опять-таки, хорошее оно или плохое — другой вопрос) никакого отношения не имеют — за редким исключением, это малообразованные, полуграмотные, жестокие, патологически трусливые. Как все мещане. Нувориши. Отсюда и все происходящее. С евреями, в частности.

Что с ними делать? Бить, гнать, терпеть? Аллах его ведает... Ни жечь, как Гитлер, ни гнать в Сибирь, как мечтал Сталин, как-то теперь не к лицу, не те времена, да и польза от них кое-какая, да есть, башковитые, все-таки, ребята. Что с ними делать?

О выходе из этого положения, может и не самом остроумном, но все-таки каком-то, я вычитал недавно в статье Марка Поповского, писателя, лучше других разбирающегося в делах советской науки. Некто Гурий Марчук. Председатель Сибирского отделения Академии Наук СССР, объехав недавно подведомственные институты и лаборатории, распорядился (конечно, устно, на бумаге такое не положено): "Работающих евреев не выгонять, новых не принимать!" Таково, очевидно, последнее слово государственной мудрости в этом щекотливом вопросе. Тоже и с эмиграцией. Положа руку на сердце, хотелось бы выгнать всех к чертовой матери, ну, а как быть с этой самой проклятой "утечкой мозгов"? Мозги-то у них, гадов, действительно, варят...

А "мозги" уезжают. Один за другим. И многих из них я видел в Израиле. Работают, приносят пользу стране, которая, правда, и не вскормила их, но не преследует, не клеймит позором на собраниях и не заглядывает тебе в разные отверстия, когда ты пересекаешь границу — не засунул ли ты туда бабушкино колечко, оно ведь не бабушкино, оно народное.

Виктор Некрасов. **7 марта 1979 г.**

"HOLOCAUST"— a novel of survival and triumph by Gerald Green. A Bentam Book. 1978

Джеральд Грин. ХОЛОКОСТ. Роман. М., ДААТ/Знание, 2000.

Переключка: Некрасов и Булгаков

113. Фотография Андреевского спуска работы В.Некрасова. 1965 (?).
114. Дом №13 по Андреевскому спуску. 1972. Фото Б.Стукалова.
115. Фото картины "Дом Турбиных" работы Л.Раппопорт, 1968. (Собрание Е.Костюкевич)
116. Первое знакомство (без суперобложки).
С Новым Годом, дорогая Люба! В.Некрасов. 31/XII. 68
Спасибо за Турбиных! ВН (Из собрания Л.Б.Раппопорт)
117. Портрет М.Булгакова работы В.Дмитриева. 1940. Театральный музей им. Бахрушина.
(Фото подарено В.В.Гудковой)
118. Рисунок М.Булгакова из его записной книжки 1936 года (дом №13). Копия из РГБ.
119. Некрасов В. "Дом Турбиных". Новый мир. — 1967. — №8. С автографом В.Лакшина.
120. Папиросы "Герцеговина Флор" со стола Сталина. (Дар О.Лукьянова)
121. Липкин С. Жизнь и судьба Василия Гроссмана. М.: Книга, 1990.
122. Всемирное слово. — 1991. — №1. (Из собрания А.Парниса)
123. М.Булгаков. Ардис. 1981. (Дар В.Кондырева)
- 124—125. Гвозди из "Дома Юлии Рейс" с Мало-Подвальной/Мало-Провальной
(Дар Г.Боровицкого)

30 лет и три года назад, раздобыв наконец (из-под прилавка) книгу
"В жизни и в письмах", я набралась храбрости и набрала номер телефона в Пассаже.
Не помню, сам ли он снял трубку, а вопрос я задала такой:

"Почему, Виктор Платонович, Вы не включили в книгу "Дом Турбиных"? Ведь это же..."

Некрасов несколько удивился наивности этого вопроса и вежливо отвечал, что это не его вина. Ирине Владимировне Бошко, с которой познакомился в скаутском отряде, он написал, что "Мастера и Маргариту" отдельным изданием, конечно, никогда не издадут". Во время обыска 17 января 1974 года "мальчики" — все как на подбор "Вити", принесли из "Лавки писателей" оставленный для него том Булгакова "Три романа". — Спустя три года он купит в Париже такой же том для Олега Лапина и будет переживать, что эта книга так долго не востребована адресатом.

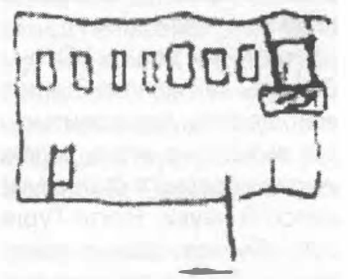
"Дом Турбиных" появился в журнале "Новый мир" (№8, 1967). Принято называть его очерком (тогда не в ходу было определение "эссе"). Главным откликом на очерк был людской поток, стремившийся попасть внутрь дома №13. Но недавно был обнародован отклик "главной хранильницы" наследия Булгакова. Из дневника Е.С.Булгаковой:

"29 сентября 1967 г.: "Послала... за №8 "Нового мира" — чудесная статья Виктора Некрасова. Позвонила ему в Киев, но он почти ничего не слышал".

30 сентября: "Утром позвонила Некрасову. Говорили долго, он много рассказывал о семье Булгаковых. Очень был рад, когда я сказала, что статья вызвала огромный интерес в Москве. И впрямь, ко мне звонят об этом... Все в восторге. А я — больше всех. Условились, что придет ко мне, когда приедет. Напомнил, что знакомы. В 1947 году в конце ноября он принес свою пьесу для перепечатки. Я тогда зарабатывала машинкой.

— После этого у меня не бывало, чтобы я получил такую безукоризненную работу!"

1 октября: "Звонки без конца о статье Некрасова. Все в восторге, кроме Ермолинского, который говорил покровительственно, снисходительно... Виталий (В.Я.Виленкин) тоже начал с недостатков. Паша Марков зато в восхищении непритворном: Я за последнее время не читал такой прелести! И другие тоже: и Слава и Нина (С.Рихтер и Н.Дорлиак) и Федя (Ф.Михальский) и все мои друзья и подруги, все звонят: вы читали?!"

2 октября: "Да, были звонки, но только о статье Некрасова. Она произвела громадное впечатление своей любовью к Булгакову, — все говорят об этом именно. Вечером звонил Паша Марков — трезвый — тоже о Некрасове, от которого он в упоении... А потом стал говорить: ты совершила подвиг. Никто не верил, что возможно напечатать "Мастера", а ты говорила — добьюсь. И добилась".

6 октября: "Продолжаются звонки о некрасовской статье... Он сумел выразить все то, что мы чувствуем, а не можем сказать или написать". (ОР РГБ, Ф.562, к.30, ед.хр1, л.164-167)

Следует отметить слова "много рассказывал о семье Булгаковых". Очевидно, что уже началась переписка с Надеждой Афанасьевной Земской и Ириной Леонидовной Карум (отрывки из писем читателей процитированы им уже в "Городских прогулках"). Будем надеяться, что Е.А.Земская, племянница и крестница Булгакова, отыщет письма Некрасова.

По теории "5-й руки" (можно выйти при желании на любого человека Земли, один из примеров приводил Резо Габриадзе), Некрасова и Булгакова соединяло множество рук. Упомянуты были уже Е.С.Булгакова, родные писателя, обитатели Дома Турбиных...

Были еще общие друзья и знакомые. Помимо А.М.Борщаговского, П.А.Маркова осмелимся назвать К.С.Станиславского (Ивана Васильевича в "Записках покойника" и некрасовского экзаменатора в "маленьких портретах").

Выявление этих связей — через "домпостройкиизумительной" — одна из задач выставки.

В булгаковском фонде б. "Ленинки" (РГБ) хранится несколько фотомонтажей Андреевского спуска. (Скорее всего, это присланные Некрасовым фотографии, подаренные Е.С.Булгаковой. По акту №220-76 все книги В.П.Некрасова должны были уничтожаться. В "с/х" — спецхран — попали и его письма к Е.С.Булгаковой).

У Михаила Булгакова два младших брата (да еще четыре сестры...) оказались в Париже. У Виктора Некрасова старший брат — Николай — погиб в 1919 году. Николай Некрасов почти ровесник Ивана Булгакова. Может быть, бессознательно Некрасов разыскивал в Париже Ивана Булгакова, о чем потом писал в "Городских прогулках".

Н.А.Булгаков был награжден французским орденом, как и В.П.Некрасов (как и Ю.А.Башмет) ...

З.Н.Некрасова (урожденная Мотовилова) была доктором, о котором и через много лет вспоминали благодарные пациенты. (Вместе с мамой Виктор Некрасов был на похоронах Ахматовой. Знаменитое ахматовское "Когда человек умирает, изменяются его портреты/ По другому глаза глядят, и губы/ Улыбаются другой улыбкой" почти одновременно с другим — "Памяти М.Б.-ва". Портрет Булгакова работы Дмитриева хранится в Бахрушинском музее. Булгаков в своем кабинете стоит спиной к зрителю. Фото Некрасова "со спины" сделано фотографом БДТ Стукаловым на балконе в Пассаже). "Изменяются" и портреты дома. В записной книжке Булгакова, подаренной ему пасынком Женей — "Юджином-прокурором", в 1936 году, накануне отъезда в Киев, сохранилось несколько рисунков. Два из них были "опознаны" Л.Яновской по надписям: "Лист каштана" и "Десятинная". Один опознала я — это рисунок дома №13. Булгаков не заходил в него в 1936 году, но в Киеве — здесь у Некрасова ошибка, отмеченная еще В.А.Нелли в его воспоминаниях — побывал. В те же примерно дни, что были сделаны фотографии Некрасова на балконе в Пассаже, была сделана фотография дома на Андреевском спуске. И еще один портрет дома выполнила в подарок писателю (по просьбе его друзей) Люба Раппопорт. В ответном подарке на своей любимой книге, где он выступал не только автором текста, но и художником, Некрасов написал: "Люба, спасибо за Турбиных!".

Среди многочисленных, совершенно удивительных вещей, прибывших на выставку из Парижа — от Виктора Кондырева, сына и друга Некрасова — цикл фотографий. Виктор Леонидович заснял интерьеры Некрасовской квартиры в Париже по указаниям Виктора Платоновича: "И это сними, и вот это...".

Снимки были сделаны в 1985 году и вполне отразили артистическую натуру создателя интерьеров. Те же интерьеры на снимках, сделанных спустя два года, 3 сентября 1987 — в

день смерти Некрасова — явственно показывают, что и вещи, книги, игрушки застыли, покинутые хозяином дома навсегда.

Фотографии кабинета Булгакова стали уже "классическими", как и он сам стал "классиком", если воспользоваться формулой Анджея Дравича.

Буча — там прошло "беспечальное детство" Булгакова. Там же, в доме потомков художника Пимоненко после войны бывал Некрасов.

Булгаковских рисунков известно не так много, но они частично опубликованы. Впрочем, изобразительное искусство — не булгаковская стихия, зато их может объединить еще опера и музыка. Некрасовских, профессиональных, гораздо больше и о них, в основном, вспоминают. Сохранилось множество автошаржей, раздаренных Виктором Платоновичем друзьям. Слова Эренбурга: "Вот Некрасов, он понимает живопись..." записал в свой дневнике Ярослав Голованов.

Возможен еще один "поворот" темы. Связи, накопленные самим Домом Турбиных с Булгаковым и Некрасовым.

Константин Паустовский. "Доктор Пауст", однокашник Булгакова по 1-й гимназии и спутник Некрасова в путешествиях. На выставке представлена книга Паустовского с автографом Некрасову (из собрания А.С.Ершова)

Еще один парижский подарок — "любимая" книга Некрасова (не "Белая гвардия").

Виктор Кондырев надписал ее мне от себя "но от имени ВПН". Год 1936. "Проти формалізму, натуралізму і спрощенства в мистецтві". Язык и стиль статей напоминает о постановлениях 1963 года. И — под одной обложкой оказались Булгаков и Некрасов... Председатель оргкомитета Союза архитекторов Украины Й.Ганс в статье

"Проти формалістичних перекучень в архітектурі" клеймит "засуджений нашою громадськістю конструктивізм" та тих, хто не відмовився від "Корбузе" — "ряд товаришів, зокрема архітектори Каракіс, Шехонін, Венгеровський, Тацій, дипломанти Некрасов, Мігай, Круча та інші". Досталось "поровну" изобразительному искусству, и кино, и музыке. "Театральный" отдел открывает знаменитая статья "Зовнішній блиск і фальшивий зміст" Про п'єсу М.Булгакова в філіалі МХАТ. Прочитуємо з книжки, а не з "Правди" за 9.III. 1936: "Життя Мольєра, його творчість, його боротьба — вдячна тема для драматурга. Геніальний письменник ХУП віку, один з найпередовіших борців проти попівщини й аристократів, один із найяскравіших реалістів, який боровся за матеріалізм проти релігії, за простоту, проти зіпсованості і манірності — таку біографію дуже трудно, здавалось би, перекутати і споганити. Однак саме це й трапилось у Булгакова з "Мольєром".

Еще одна книга, где рядом Булгаков и Некрасов ("помянут тебя, помянут меня"): Семен Липкин "Жизнь и судьба Василия Гроссмана". Анна Берзер "Прощание". Анна Берзер вспоминает о том, что ей сказал однажды, улыбаясь Василий Семенович:

— Как вам нравится, что у Сталина осталось только два защитника?

— Кто же это? — спросила я.

— Я, — ответил он, — и Виктор Некрасов.

Оказывается, они — единственные из писателей, кто не дал при переиздании книг переименовать Сталинград — в Волгоград" (с. 253)

— Как Некрасов? — спрашивал он.

И в ответ на мои слова об очередных "неприятностях" один раз сказал :

— Нет, все-таки он счастливчик...

И добавил:

— Его печатают (с. 255).

Семен Липкин, рассказывает, что его "юношеская слабенькая поэмка об убийстве селькора на Одешине" была принята в альманахе "Недра", но цензура зарезала стихи.

"Я был в замешательстве, не знал, что мне делать. Уйти или чего-то ждать. В глубине комнаты сидел человек, лицо которого мне показалось не только красивым, но и значительным. Что-то было в этом лице необычное, несоветское, что-то из прежней жизни.

Посмотрев на меня, он дернул головой в сторону, и я подумал, что этот человек почему-то мной недоволен. Не потому ли, что цензура запретила мою поэму? Позднее я узнал, что он страдал нервным тиком. Незнакомец был в мятом, заношенном, кургузом пиджаке., в накрахмаленной манишке, галстук бабочкой, из-под рукава с потертыми краями виднелись старорежимные твердые манжеты. Он мне сказал : "Выше голову, мой юный пиит, вы начинаете в лучших русских традициях — с цензурного запрета". Это был Булгаков. Он великодушно предложил мне пообедать с ним в Доме актера у Страстной. Мы направились к площади Ногина, чтобы сесть в пятнадцатый номер трамвая. На площади чернела большая толпа: давно не было трамвая. "Видно, давно нет трамвая", — тонко заметил я, а Михаил Афанасьевич сказал : " Меня не то удивляет, что трамваи не ходят, меня то удивляет, что трамваи ходят".

Гроссману мой рассказ (дальнейшее продолжение которого здесь неуместно)//... ах, как жаль, что мы не успели поговорить с Липкиным, если бы вовремя эту книгу прочесть...// запомнился. Подобно всем нам, Гроссман еще не знал "Мастера и Маргариты", но всегда воспринимал Булгакова как чудо русской литературы...(с. 78).Чуть ранее Липкин приводит отзыв Булгакова о рассказе Гроссмана "В городе Бердичеве", напечатанном в апреле 1934 года в "Литературной газете" (этот рассказ стал основой фильма "Комиссар" Александра Аскольдова , одного из первых исследователей творчества Булгакова)

."А Булгаков сказал : "Как прикажете понимать, неужели кое-что путное удастся все-таки напечатать?"(с. 5).

Еще одной общей знакомой оказалась Н.К.Крупская, у которой на приеме (с разницей почти в 10 лет) довелось побывать писателям. Булгаков сам написал об этом, а за Некрасова написала тетушка С.Н.Мотовилова.

В журнале "Всемирное слово" (№1 за 1991 год) Булгаков и Некрасов снова оказались рядом. Александр Алексеевич Нинов (автор статьи о Некрасове в 5-м томе КЛЭ) собирался издавать собрания сочинений Булгакова и Некрасова, но — увы, не успел этого сделать...

На одной странице газеты "Московские новости" оказались Булгаков и Некрасов в 1987 году, в сентябре. Рядом с некрологом "Умер Виктор Некрасов" сообщение об утверждении названий вновь открытых астероидов, которые вращаются между орбитами Марса и Юпитера. Планете 3453 присвоено название "Достоевский", планете 3469 — "Булгаков", а планета 3509 получила имя "Пастернак".

В этой "перекличке" Булгакова и Некрасова мы не касаемся "киевского" аспекта творчества писателей. Связи Некрасова и Булгакова не только в том, что они "соседи" во времени и пространстве (разделенные двадцатью годами и полутора кварталами древнейшего "Боричева"), "компатриоты". Они явили, "высловили" свой киевский патриотизм на страницах книг, переведенных на множество иностранных языков.

Скрытый "киевоцентризм" Михаила Булгакова, доказанный Мироном Петровским, у Виктора Некрасова — декларированный, на "поверхности"

"...скажу с присущей мне правдивостью — таки-да! (Простите киевский акцент, я все же киевлянин...)"

Литературоведы (даже не дамы) пишут "трогательно , с этим ничего уж не поделаешь!"

В одной статье сказано: "Некрасове Булгакознавство, щоправда, є самісіньке Києвознавство, чиста, рафінована археологія Київського Тексту. Некрасов/... \першим встановив науково-філологічний теодоліт на щабель Андріївського узвозу."

Но слова Г.Кипниса из той же статьи хочется напомнить:"... два великих письменника у двадцятому столітті — кияни: у першій половині -Булгаков, у другій — Некрасов".

Смысл булгаковских предсмертных слов: "...чтобы знали, чтобы знали" можно отнести и к памяти о "том" Некрасове...

126. Паустовский Константин Избранное. М.: Моск. рабочий. — 1961. Автограф на титульном листе: "Дорогому Виктору Платоновичу Некрасову с давней любовью и благодарностью за его большую правду и большой талант. 12/XII.61.К.Паустовский (Из собрания А.С.Ершова)

127. Ржевская Елена. Была война. М.: Сов. писатель. — 1980. Автограф на авантитуле:

"Музею М.А.Булгакова, — Дому, который был дорог Виктору Некрасову. Апрель 2004. Ел. Ржевская.

128. Крамов И.В. в поисках сущности. Литературно-критические статьи. Алма-Ата. Жазушы. — 1980. (123–124 — дар Елены Ржевской).

129–144. Волынский Л.Н. Книги. Публикации в газетах и журналах. Фотографии. (Из собрания семьи Волынских)

145. Немировский Юрий. Песня трех апреля (Неправильная поэма). К.: Радуга. — 2002. Автограф на авантитуле:

"Я — только дочь. Но — неблагодарным потомком зайдя в этот дом, вышла с ожившей памятью и щемящей душой. Спасибо! Маша Немировская. 16.10.04.

146. Дубов Николай. Родные и близкие. М.: Сов. писатель. — 1982. Автограф на титульном листе:

"Милым, верным друзьям Фанечке и Борису. С любовью. Ник. Дубов. ноябрь.82."

147. И.С.Соколов-Микитов. Давние встречи. Л.: Сов. писатель. — 1976.

148. Толкачев Зиновий. Виставка творів. Каталог. К.: 1983.

149. Снегирев Гелий. Роман-донос. К.: Дух і літера. — 2000. — 504 с.

150. Снегирёв Гелий. Автопортрет 66. К.: Дух і літера. — 2001. — 224 с. (148–149. — Дар Ф.Г.Снегирева)

151. Плющ Леонід. Свідчення історії. К.: 2002 (Дар Т.Плющ)

152. В.Некрасов, Р.Нахманович и С.Глузман. Киев, 1972 (?). (Фото из собрания Р.Нахмановича)

153. Фотография Яна Палаха стояла у Некрасова на столе в рамочке. (Дар Р.Ванера).

154. Иоселиани Отар. Жил певчий дрозд. М.: Искусство. С автографом: "Тане для Вики. Отар. 27.X.2004."

155. Некрасов и И.С.Соколов-Микитов. Карачарово.

156–157. Некрасов и Лунгины. Париж. (Фото из собрания Е.Лунгина)

I. Автографы

1. Открытка В.П.Некрасова Л.Н.Волынскому от 17/XII.1962 из Арля (Собрание семьи Волынских)
- 2—4. Письма и открытки В.П.Некрасова И.В.Кончаковской на Андреевский спуск,13 (Музей М.Булгакова в Киеве)
5. Записка (б/г) карандашом: "Саша! Я взял Андреева. Верну 10/X. В.Некрасов (Речь идет о книге Вадима Андреева "Детство", 1963 или 1966 года издания)
6. Письмо В. Тендрякову(б/д) карандашом Крас. Пахра. Ватутенки. Средняя аллея,7
- 7—8. Рекомеудации — характеристики А.Парниса
9. Открытка В.П.Некрасова И.Г.Пятигорскому от 7.1.1957 (5—9 собрание А.Е.Парниса)
10. Письмо В.Некрасова З. Толкачеву 10.XI.48.(Копия, архив семьи Толкачевых)
11. Письмо В.П.Некрасова Б.С.Рюрикову 16/IV.52.(Копия, архив Ф.С.Горер)
- 12—33. Письма В.Некрасова А.Борщаговскому (Копии, архив А.М.Борщаговского).
- 34—42. Письма В.Некрасова С.Славичу (Копии, архив С.К.Славича)
- 43—87. Письма В.П.Некрасова Ю.Б.Дулерайну из Женевы, Парижа, открытки из Японии, Киля и др. за 1974—1982.С приложением копий писем В.П.Некрасову из Киева от Гелия Снегирева (от 28.06.78 из Киева), Валентина Селибера и Олега Лапина(от 8.02.82).
- 88—97. Письма В.П.Некрасова Паоле Утевской (копии, оригиналы в Музее Одной улицы)
- 98—111. Письма и открытки В.П. и З.Н. Некрасовых, С.Н.Мотовиловой, А.С.Берзер Б.Н.Галбмилион-Зильберман (Копии, оригиналы в музее Яд-Ва-Шем в Иерусалиме).
- 112—146. Письма и открытки В.П.Некрасова О.А.Лопину (Собрание Ю.В.Павленко)
- 147—149. Конверты с самодельными марками (автопортрет в стиле Анненкова и Чехов в стиле Модильяни) Н.А.Аль из Парижа в Ленинград
- 150—219. Письма и открытки М.Н.Клигерману-Пархомову. (ЦДАМЛіМ).
- 220—238. Письма и открытки Шломо Эвен Шошану (Копии, ЦДАМЛіМ)
239. Телеграмма Н.Ф.Богорад (Копия, архив семьи Богорад)

II. Книги с автографами В.П.Некрасова

1. В окопах Сталинграда :М.: Сов. писатель, 1947
Дорогой Фелисите на память об одном заводе.В..Некрасов. 29/1.48
Надпись на авантитуле .Верстка с авторской правкой подарена Феле Май, правка на стр. 5, 81, 82, 83. (Из собрания Григория Гельмутовича Канторовича)
2. В окопах Сталинграда: М.:Роман-газета 9 (21) и 10 (22). 1947
Паоле Утевской, моей верной спутнице... Из Союза домой. В.Некрасов. 20/II 48
3. В окопах Сталинграда: С гравюрами на дереве художников. Ростовцевых. М: ГИХЛ 1951
Евгении Львовне Утевской
в знак искренней любви и уважения. 24/VI 51. В.Некрасов
4. В родном городе: Повесть. — М.: Мол. гвардия, 1955. — 260 с.
Дорогой Паоле От Вики 19/VII 55
5. Первое знакомство: Из зарубежных впечатлений. — М.:Сов. писатель, 1960. — 206 с.
Рисунки, фотографии и оформление автора.
Дорогим Утевским на память о другой Италии, не совсем той, в которой снималась Баула, хотя и в этой было не плохо. В.Некрасов.19/VI. 60

6. Вася Конаков: Рассказы. — Художник Белюкин А.И. — М.: Воениздат, 1961, — Бауле! Вика! 1/X.61.
7. Кира Георгиевна: Повесть. Художник Б.А.Маркевич, — М.: Сов. писатель, 1962. — 149 с. Дорогим Утевским от Вики 8/V 63
8. Вторая ночь: Рассказы. — Художник Д.С.Громан, М.: Сов. Россия, 1965 — 117 с. Дорогим Утевским в знаменательный день выхода "сигнала" "Мандрівників" Вика 22/VII 65 (2—8 из собрания А.Е.Парниса)
9. Первое знакомство (без суперобложки).
С Новым Годом, дорогая Люба! В.Некрасов. 31/XII 68
Спасибо за Турбиных! ВН (Из собрания Л.Б.Раппопорт)
10. Избранные произведения: Повести, рассказы, путевые заметки. — М.: Худ. лит., 1962. — 685 с.
Надпись на титуле:
Рафуля! Ты (Ты, а не Вы) потерял мой ножик, так не ищи. Люблю (тебя). Это правда. Вика.
11. В жизни и в письмах: Рассказы с постскриптами. Маленькие портреты. Чертова семерка: — М.: Сов. писатель, 1971. — 255 с. К фотопортрету на обложке пририсована тросточка. Надпись на авантитуле:
Рафуле! Вика. 10/XI.71 (10—11 Из собрания Р.А.Нахмановича)
12. В окопах Сталинграда: Повесть/Пер. з рос. М.Шумила. — К.: Дніпро, 1971. — 249 с. Надпись на титуле:
Дорогой Надежде в надежде на... В.Некрасов. 10/II.71 (Из собрания Н.Т.Стрижак)
13. Nelle trincee di Stalingrado. Arnoldo Mondadori Editore.
Ade Rybacuk — Viktor. 27/VIII.67
14. La seconda notte Arnoldo Mondadori Editore.
Аде Рыбачук — Вика (это я написал по-итальянски). 27/VIII.67
15. Di qua e di dall' oceano Arnoldo Mondadori Editore.
Ade Rybachouk — Viktor Nekrasov. 27/VIII.67. (13-15 Из собрания Ады Рыбачук)

III. Произведения В.П.Некрасова

1. Некрасов Виктор. СТАЛИНГРАД. Роман. Окончание. // См. Знамя. — 1946, №8—9 С.38-145. / с 3 по 37 стр. опубликовано: "О журналах "Звезда" и "Ленинград" из постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946/(Из собрания А.Н.Поцелуйко)
2. Некрасов В., Гасовский П.: В.Г.Заболотный. К.: Мистецтво, 1947, -40 с., ил., портрет В.Г.Заболотного нар.худ. СРСР О.О.Шовкуненко. ("Майстри мистецтв України").
3. Некрасов В. В окопах Сталинграда. — Воениздат, 1948. — 340 с.
4. Некрасов В. В окопах Сталинграда : Ленинград, 1948. -355с .(Из собрания А.И.Штильмана).
5. Некрасов В. В родном городе. Повесть. Окончание. // Новый мир. 1954. — №11. — С.98—178 // Начало см. Новый мир, 1954, №10.
6. Некрасов В.П. В родном городе: Повесть. — М: Мол.гвардия. 1955. — 260 с.
7. Некрасов В. Посвящается Хемингуэю. // Лит. газета. — 1959. — 23 июля.
8. Некрасов В. Почему это не сделано? // Лит.газета. — 1959. — 10 октября
9. Некрасов В.П. Судак: Рассказ. — М.: Худ.лит., 1960. — 54 с. — (Рассказы сов. писателей)
10. Некрасов В. Вася Конаков: М.: 1961.
11. Некрасов В. Чао, Джулиано! (в пер. на итальянск. П.Звeterемича), Realta Sovietica. 1962
- 12—13. Некрасов В. По обе стороны океана. // Новый мир, 1962. — №11, №12.
14. Некрасов В. В окопах Сталинграда. Серия "Великая Отечественная.". С вырезанными (лезвием) на титуле и с. 17 (библиотечных номеров). М.: Худ. лит., 1966. — 518 с.

15. Некрасов В. Новые памятники. // Дек. искусство. — 1966. — №12.
16. Некрасов В.П. Путешествия в разных измерениях. Художник Медведев — М.: Сов. писатель, 1967. — 437 с.
17. Некрасов Виктор. Дом Турбиных // Новый мир. — 1967. — №8, — С.132—142.
18. Некрасов В. В окопах Сталинграда. Юрий Бондарев. Последние залпы. М.: Известия, 1968. — 495 с. (Приложение к журналу "Дружба народов").
19. Некрасов В. Посвящение Хемингвею. Пер. на иврит Шалом-Гектим. // Ламерхав. Израиль. — 1969. — 27 июня
20. Некрасов В. В жизни и в письмах. Рассказы с постскриптами. / Художник Вл. Медведев — М.: Сов. писатель. 1971. — 255 с.
21. Некрасов В. Записки Зеваки. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1976. 176 с. (Из собрания А.Е. Парниса)
22. Некрасов Виктор. Из дальних странствий возвратясь... // Время и мы. — 1979. — №48-С.5—41; 1980. — №49 — С.5—35; 1981. — №61, , С.166—242.
23. Некрасов Виктор. Праздник, который всегда и со мной... // Стрелец. — 1985. — №2; 1986. — №№1,9.
24. Некрасов В. Опять о любви к евреям... // Новое русское слово. — 1986. 1986. — 24 февр.
25. Некрасов В. Бесценный документ. // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1986. — 25 мая.
26. Некрасов В. Об "окопной правде" и прочем. // Русская мысль. 1986. — 26 декабря.
27. Некрасов В. Маленькая печальная повесть. Вступ. ст. Михаила Геллера. Обложка Danuta Niekrasow-Heller. — London. Overseas Publications Interchange Ltd. — 1986.
28. Некрасов Виктор. Бабий Яр, 45 лет // Новое русское слово. — 1986. — 28 сент.
29. Некрасов Виктор. Сергей Юрский в Париже // Русская мысль. — 1987. — 27 февр.
30. Некрасов Виктор. Классика нашего поколения // Новое русское слово — 1987. — 1 марта
31. Некрасов Виктор. И слово Человек я пишу сейчас с большой буквы // Русская мысль. — 1987 — 6 марта (Памяти П.Г. Григоренко)
32. Некрасов В. Как важно быть несерьезным. // Панорама. — 1987. — 8 сентября.
33. Некрасов В. Городские прогулки: Повесть // Юность. — 1988. — №7. — С. 7—31.
34. Некрасов В. Из цикла "Маленькие портреты": Памяти Анны Ахматовой. Твардовский. Коктебель: / Дружба народов. — 1988. — №8. — С. 226—231.
35. Некрасов В. Маленькая печальная повесть. // Дружба народов. — 1989. — №5. — С. 107—142.
36. Некрасов В. В окопах Сталинграда. Рассказы. М.: Правда. — 1989. — 512 с.
37. Некрасов В. Из неопубликованного // Дружба народов. — 1995. — №3 — С. 25—58.
38. Некрасов В. Из парижских тетрадей / Предисл. Г. Анисимова // Дружба народов. — 1996. — №1. — С. 108—122.
39. Некрасов В. Праздник, который всегда и со мной... Страницы наследия / Предисл В. Кондратьева, послесл. В. Быкова // Знамя. — 1990. — №5. — С. 14—53.
40. Некрасов В. Рассказы: Мама, Старый уличный фонарь, Джулька, Туська. // Радуга. — 1990. — №10. С. 94—105.
41. Некрасов В. Маленькая печальная повесть: Проза разных лет. / Сост. и авт послесловия А.С. Берзер. — М.: Кн. палата, 1990. — 394 с. (Попул. б-ка)
42. Некрасов В. Написано карандашом: Повести. Рассказы. Путевые заметки. К.: Дніпро, 1990. — 700 с.
43. Некрасов В. Десять лет во Франции. // Всемирное слово. — 1991. — №1. — С. 28—29.
44. Некрасов В.П. В окопах Сталинграда: Роман. Бёль Г. Где ты был, Адам? / Пер с нем..., предисл. В. Кондратьева. — М.: Мол. гвардия, 1991. — 415 с. / Два лика войны /.
45. Некрасов В.П. В самых адских котлах побывал... Сб. повестей и рассказов, воспоминаний и писем. / Предисл. В.А. Потресова. Оформл. Е.А. Вильчинского М.: Мол. гвардия, 1991. — 446 с.: ил.
46. Некрасов В.П. И жив остался...: Рассказы. Письма. / Вступ. ст, сост. В.А. Потресова. — М.: Книга, 1991. — 446 с.

47. Некрасов В.П. По обе стороны океана; Записки зеваки; Саперлипопет, или если б да кабы, да во рту росли грибы.../Сост. А.Парниса. М.: Худлит., 1991. — 1986. 398 с. (С автографом составителя).
48. Некрасов В.П. Записки зеваки: Роман. Повести. Эссе./ Составитель А.Парнис. М.: Exlibris, 1991. — 1986. 621 с. (С автографом составителя).
49. Некрасов В. Из дальних странствий возвратясь...//Феникс-ХХ.— 1993. — П-Ш.— С. 8—101
50. Некрасов В. За два месяца до начала войны.//Украина-экспресс. — 1996. — №5.
51. Некрасов В. Дом Турбиных./Сост. Кончаковский А.П., Малаков Д.В. — К.: Кий, 1998. — 254
52. Некрасов В. Письма из Франции. Публ. Л.Ващенко, Ю.Павленко.//Крещатик. — 2001. — 2(12)
53. Некрасов В. От слова "любить"/Пуб.Кондырева В. Вступ.заметка Дубшан Л.//Звезда. — СПб., 2001. — №8. — С. 88—94. (Очерк об И.С.Соколове-Микитове, написанный для неосуществленного сборника "Лежа на диване").
54. Некрасов Виктор. СОЧИНЕНИЯ. Повести. Рассказы. Пьеса. Путевые заметки. Маленькие портреты. Статьи. Эссе. Письма./Составители Григорий Анисимов, Виктор Кондырев, Лазарь Лазарев. М.: Кн. палата, 2002. — 1232 с.
55. Некрасов Виктор. Два выступления по радио. Персональное дело коммуниста Юфы. //Егупец. — 2003. — №13, 169—208.
56. Некрасов В. Записки зеваки./Сост., пред., прим. В.А.Потресова. М.: Вагриус — 2003— 604 с.
57. Некрасов В. Кира Георгиевна. Повесть. Paris. Institut D'etudes Slaves. 1983.
58. Victor Nekrassov. Un regard plus autre chose. Traduit du russe par Daria Olivier. Gallimard. (57—58 Дар Французского Культурного Центра в Киеве).
59. M.Bulhakow. Biala gwardia. Przelozyli: Irena Lewandowska I Witold Dabrowski. Zamist poslowia: Wiktor Niekrasow. Dom Turbinow. PIW, 1972.
60. Mikhail Bulgakov. The White Guard. Translated from the Russian by Michael Glenny with an epilogue by Viktor Nekrasov. Our deepest appreciation for the preservation of the memory of this magnigical writer! A hero for The world to enjoy! Thank you! Susanna & Ilia Gorodisher.
61. Некрасов В. В родном городе. Пер. на иврит. Израиль. 1956. (Дар С.Квенцель)

IV. О Некрасове

1. Проти формалізму, натуралізму і спрощенства в мистецтві. К.: Мистецтво, 1936. (С автографом В.Кондырева).
2. В окопах Сталинграда.Ленфильм 1956. Рекламная афишка.Автор сценария — В.Некрасов. Режиссер-постановщик — А.Иванов. В ролях: Керженцев — В.Сафонов, Люся — Т.Логинова, Чумак — Л.Кмит, Фарбер — И.Смоктуновский
3. Л.Лазарев, С.Рассадин, Б.Сарнов. Липовые аллеи. Пародии. Встреча с Хемингуэем (Виктор Некрасов), М.: 1966. — 88 с.
4. Ю.Івакін.Парнаський циркульник.пародії. Мій друг Богорад і таблиця множення(Віктор Некрасов)К.: Рад. Україна.— 1970. —//Бібл. Перця № 142, С. 27.
5. Виноградов И. На краю земли.//Новый мир. — 1968. — №11.— С. 227—247. (2—5 из собрания А.Н.Поцелуйко)
6. Виктор Платонович Некрасов. А.А.Нинев. КЛЭ, т.5, с. 174—76. М.: Сов.энциклопедия, 1968
7. Раскин Александр. Очерки и почерки. Пародии. Шарж. Кукрыниксы. М., 1968.
*Про него пустили анекдот:
 Дескать, он — Некрасов, да не тот...
 Но Некрасов — человек упрямый.
 И теперь все говорят: тот самый.*
8. Viktor Niekrasov. MALY SLOWNIK PISARZY SWIATA. W-wa.: 1972. (Bulhakov-87, Niekrasov — 359)
9. Каталог выставки скульптора М.И. Гельмана (автора скульптурного портрета В.Некрасова 1954 года). К.: 1972. С автографом М.И.Гельмана. (8—9 Из собрания А.И.Штильмана)

10. Письменники Радянської України. К.: 1973
11. Свободный человек на свободной земле. Беседа с В.Некрасовым вел С.Довлатов.// Новый американец. — 1980. — №4, 7—13 марта.
12. "Купите наши души!" Опыт энтомологического литературоведения.//Крокодил, 1985, №32, ноябрь
13. Free voices in Russian literature. 1950s—1980s. A Bio-Bibliographical Guide. Edited by Alexander Sumerkin Russika Publishers INC/New York, 1987. — P. 298—299. Nekrasov, Viktor Platonovich (1911-)
14. Скончался В.П.Некрасов.//Новое русское слово. — Нью-Йорк. — 1987. — 5 сентября.
15. Памяти Виктора Некрасова.//Рус. мысль, Париж, — 1986.— 11 сентября года.С. 11—12—13.
16. Почетный еврей Советского Союза. Маркиш Д.// Маарив. (Израиль). 11сентября 1987
17. Умер Виктор Некрасов.//Московские новости. — 1987, 13 сентября.
18. Кондырев В. Памяти Некрасова. Перст судьбы. 28.08.1987.// Континент, №55. С. 125—28
19. Ланцман Лина. О покойном Викторе Некрасове.//Наша страна. — (Израиль). — 1987. — 2 октября.
20. Синявский А., Розанова М. Некрасов...//Синтаксис. — 1987. — №19. С. 3—7.
21. Конечный Виктор. Некоторым образом драма. Непутевые заметки. Письма. Сов. писатель, — 1989. — С. 138—290.
22. Парійський Є. Письменнику, киянину.//Київ.вісник. — 1990. 21 жовтня. (Меморіальна дошка В.Некрасова. Скульптор В.Селібер, арх. В.Романов)
23. Письменнику-воїну.//Літ. Україна. — 1990. — 15 лист.
24. Холодный М. Окопи Виктора Некрасова.//Донбас-Донецк. 1990. — №1.— С. 95—104.
25. Lila Loungina. Les Saisons de Moscow (1933—1990) PLON, Paris.
26. Липкин С. Жизнь и судьба Василия Гроссмана. Берзер А. Прощание. М.: Книга, 1990.
27. Орлова Раиса. Копелев Лев. Мы жили в Москве. — М.: Книга, 1990.
28. Борщаговский А. Записки баловня судьбы. М.: Сов. писатель, 1991. — 400 с.
29. Эткинд Ефим. Homo Ludens.// Всемирное слово, 1991. — №1. — С. 30.
30. Аль Н., Голованова Т. В ритме души...//Всемирное слово, 1991. — №1. — С. 31—34
31. Парнис А. Как трудно быть русским писателем. В.Некрасов. Через сорок лет.// Социум. — 1991.— №6—7, С. 96—110
32. Гладилин Анатолий. Меня убил скотина Пелл.М.: СЛОВО. — 1991. — 272 с.
33. Глэд Джон. Беседы в изгнании. Виктор Некрасов. с. 265—276. — М.: Кн. палата, 1991.
34. Бабий Яр. "Библиотека-Алия", К.: 1991, С. 182
35. ...Привязанность наша была взаимной. (Из переписки Виктора Некрасова с Ананием Рохлиным)//Радуга. — 1991.— , №6.— С. 86—92.
36. Май Феля. О Викторе Некрасове, каким я его помню.//Правда Украины. — 1991, 21июня.
37. Корогодський Р. Окопи Сталінграда і окопна психологія. Голос України. — 1991. — 5 липня.
38. Холодный М. Некрасов, Київ і 60-ті роки.//Молода гвардія. — 1991.— 30 серп.; 31 серп., 3 вер., 6 вер.
39. О Викторе Некрасове. Воспоминания (Человек, воин, писатель). /Сост. М.Н.Пархомов. К.: 1992. — Укр. письменник. — 336 с.
40. Галинский А.//Столица. — М., 1994. — №23. — С. 31—32. Письмо В.Некрасова
41. Лакшин В.Я. Берега культуры. М.: 1994. Умер Виктор Некрасов. С. 229.
42. Кипнис Г. В гостях у Шломо Эвен Шошана, друга Виктора Некрасова.//Правда Украины. — 1994. — 16 августа.
43. Волинский Теодор. Двадцать лет спустя, или киевский парижанин.//Зеркало недели. — 1994. — 22 октября.
44. Рохлин Ананий. Люди большой души и горячего сердца. О четырех поколениях семьи Мотовиловых-Некрасовых.//Зеркало недели. — 1994. — 19—25 ноября .
45. В окопах Виктора Некрасова. ТОМЪ II. Представление в двух картинах съ прологзмъ. Декораторъ Н.Дронников. Париж. 1995. (С автографом автора-декоратора).

46. Галбмиллион Белла. О Викторе Некрасове. //Русский акцент. 1997. — №11 (33).
47. Шпаликов Геннадий. Екатеринбург. У-Фактория, 1998. В.П.Н. Жаль мне только, жалко только — И тогда, да и теперь — ничего не знаю толком О тебе и о себе. С. 129. В.П.Некрасову. 29 октября 1974 года. Письмо В.П.Некрасову. С. 639.
48. Милецкий Авраам. Наплывы памяти. 1998.Иерусалим. "Филобиблон".
49. Знаменская (Рогозовская) Татьяна. Тот самый Виктор Некрасов. //Аргументы и факты. 1996. — 25 июня.
50. Круглый Лев Полжизни до книги, полжизни после. // Рус. Мысль. — 1996. — июнь
51. Вышеславский Леонид. Виктор Некрасов и Ван Гог. К.: 1996.
52. Сверстюк Евгений. Отчий дом Виктора Некрасова. //Зеркало недели. — 1997. — 6 сентября
53. Некрасов В. Киеву — 1500 лет. Публ. А.Подопригоры. //Зеркало недели. — 1998. — 25 июля.
54. Ямпольский Борис. Избранные минуты жизни. СПб.: Акрополь, 1998. 200 с.
55. Борисов Олег. Без знаков препинания. Дневник 1974—1994. М.: АРТ. 1999. — 368 с.
56. Конончук И.Платоныч. //Независимость. — 1999. — 6 февраля.
57. Бабич Ирина Париж для того, чтобы...//Калейдоскоп. — 1999. — 17.6 и 24.6.(Израиль)
58. Хандрос Борис. Здравствуй, Вика.(Интервью с В.Е.Селибером). // Зеркало недели. — 1999. — 26 июня .
59. Зернова Р. Последний дворянский писатель: Встречи с Виктором Некрасовым// Время и мы. — М.: Нью-Йорк. — 1999. — №142. — С. 238—248.
60. Снегирев Гелий. Роман-донос. К.: Дух і літера. —2000. — 504 с.
61. Снегирёв Гелий. Автопортрет 66. К.: Дух і літера.— 2001. — 224 с.
62. Музей М.А.Булгакова в Киеве. Непутеводитель. Татьяна Рогозовская. К.: Либра. — 2000. С. 30. Письмо В.П.Некрасова из Парижа О.А.Лапину.
63. Раневская Фаина. Дневник на клочках. СПб.:2000. Подготовка текста Юрия Данилина. С. 88—89. Письмо Ф.Раневской В.Некрасову и его к ней из Осло 26.VIII.76.
64. Деген Иона. Некрасов. Израиль. //Окна/ — 2000.21.12 С. 28—31. Из книги: Мои учителя.
65. Віктор Некрасов: Портрет життя. Рекомендаційний показник. (До 90-річчя від дня народження та 5-річчя присвоєння імені Віктора Некрасова бібліотеці №7 Подільського району). К.: 2000. 37 с.
66. Виленский Юрий. Виктор Некрасов. Портрет жизни. К.: Информ. сервис, 2001. — 288 с. (С автографом автора)
67. Кипнис Григорий. Корпункт. На перекрестках встреч. К.: Альтпресс, 2001. — 263 с.
68. Щеглов Марк. На полдороге. Слово о русской литературе. М.: Прогресс-Плеяда, 2001. — 320 с./Правда жизни (о повести " В родном городе", — С. 182)
- 69.Колинько Владимир. Д'Артаньян на колхозной конюшне. //Труд. — 2001. — 15 июня.
70. ПарнисА. Отокопов Сталинграда доPlace de Stalingrad. //Библио-глобус.— 2001. — №8(17)
71. Поташний Юрий. Я никогда не унижу своего читателя ложью. //Зеркало недели.— 2001. — 16 июня.
72. Парнис А. В окопах не отсиживался. //Столичные новости. — 2001. — 19 июня.
73. Глузман С. Человек без мрамора. // Столичные новости. — 2001. — 19 июня.
74. Виленский Юрий. Три музы Виктора Некрасова. //Зеркало недели. — 2001. —21 июля
75. Давыдов А. Сюжеты и портреты. Сост. Давыдова Л.В. СПб.: 2001. — 184 с.
76. Плющ Л. В карнавалі історії. Свідчення. К.: 2001
77. Дулерайн Юрий. Некрасов был всегда разным, но никогда — покорным. //Новое русское слово. Нью-Йорк. — 2001. — 28—29 июля .
78. 100 великих украинцев. К.: Орфей , М.: Вече , 2001. — 97. Виктор Некрасов. с. 561—566.
79. 100 найвідоміших українців. К.: М.: 2001. — 97. Віктор Некрасов. с. 561—566
80. 100 великих украинцев. К.: Орфей, М.: Вече,2002. — 97. Виктор Некрасов. с. 562—568 (статья Т.Рогозовской).
81. 100 найвідоміших українців. Вид. 2-е, випр. і доп. К.: Орфей, М.: Вече, 2002. — 97. Віктор Некрасов. с. 561—566. (Тетяна Рогозовська)

82. Ольшанская Евдокия. Вернуться не удалось... //Зеркало недели. — 2002. — 13 апреля
83. Ким Юлий. Белеет мой парус. М.: 2002. С. 280—288. (Два рассказа Виктора Некрасова).
84. Смоктуновский Иннокентий. Жизнь и роли. М: 2002. С. 67—71.
85. Конечкий Виктор. Эхо. (Вокруг и около писем читателей). СПб, 2002. С автографом составительницы Т.В.Конечкой)
86. УМСА-Press в Архангельске. Встречи с Н.А.Струве: Лекции, интервью, беседы. Архангельск: Община храма Сретения Господня, 2002, — С. 107.
87. Хелемский Яков. Повесть о Викторе Некрасове. //Радуга. — 2002. — №10. — С.99—142.
88. Действующие лица и исполнители, или третьего не дано. Протокол закрытого партийного собрания первичной парторганизации при журнале "Радуга" от 16 сентября 1968 года. Вступ. заметка и публ. Антроповой И. //Вопр. лит. — М., 2002. — Вып. 3. — С. 132—151.
89. Кравець В.В. В.П.Некрасов. Поезія та проза. Війна та мир. //Русская литература накануне третьего тысячелетия. Вып. III. К.: Логос, 2002. — С. 94—103.
90. Войнович Владимир. Портрет на фоне мифа. — М.: Эксмо-пресс, 2002. — 192 с.
91. Когут Л., Резников С. Виктор Некрасов. //Интервалы. — 2002. С. 132—133. Портрет Некрасова работы А.Г.Крюгер-Праховой.
92. Легенды Дома Турбиных. К.: Кий, 2003. Собрал и записал Анатолий Кончаковский. ("Прогулки по Алексеевскому спуску") с. 9—22. (Автопортрет В.Некрасова из собрания Р.Заславского).
93. Смехов Вениамин. Турист с тросточкой. Театр моей памяти. С автографом автора. М.: Вагриус, 2002. ("Мой XX век")
94. Юрский Сергей Игра в жизнь. М.: Вагриус, 2002, ("Мой XX век")
95. Козаков Михаил. Актерская книга. М.: Вагриус, 2002, ("Мой XX век")
96. Яковлев Александр. Омут памяти. М.: Вагриус, 2002, ("Мой XX век")
97. Никитин Алексей . Доживем до юбилея? //Правда Украины. — 2003. — 27 февраля .
98. Попова (Рогозовская) Татьяна. Виктор Некрасов возвращается в дом Турбиных. //Зеркало недели. 2003. — 9 авг.
99. Рогозовська Т. Віктор Некрасов. Повернення в рідне місто. 2003. //Київ та кияни. Вип. 3, С.279
100. Заславский Р. Париж глазами старого мечтателя. //Радуга. — 2003. — №3. — С. 42—112.
101. Шелест П. Справжній суд історії ще попереду. За ред. Шаповала Ю.К.: Генеза. — 2003.
102. Анисимов А. Наш Виктор Платонович. //Киевский телеграф. — 2004. №13, апрель.
103. Браверман Фаина. Дорогами памяти. К.: Институт Иудаики, 2004. Парижская встреча. С. 98—105.
104. Довбня Анатолий. Опальный лауреат, однофамилец классика. // Санкт-Петербургские новости. — 2004. — 7 мая.
105. Агрест-Короткова Светлана. Кинотаврский треугольник. Киев—Москва—Сочи. К.: Глобус-пресс. 2004. — 420 с.
106. Аксенов Василий. Десятилетие клеветы. Радиодневник писателя. Парижанин из Сталинграда. М.: Эксмо, 2004
107. Кияни. Біографічний словник. — К.: Фенікс, 2004.
108. "Постепенно опариживаюсь..." Переписка В.П.Некрасова с В.Л.Кондыревым. //Звезда. — 2004. — №10. С.145 — 180.

V. Справочники

109. Состав Союза кинематографистов СССР (по организациям) на 1 июля 1966 года.
110. Справочник Союза писателей СССР. 1966
- 111 — 112. Телефонные справочники по Киеву 1954 и 1976.

VI. Документы и фотографии

1. Некрасов-"маршал" с автографом Дулерайнам в 1983 году.
2. Некрасов и Ю. Дулерайн на демонстрации в Нью-Йорке в защиту советских евреев 1975 г. В углу снимка плакат: "Отпусти народ мой".
3. 12 мая 1956 года. 20 лет окончания института в квартире Некрасова в Пассаже. (Справа налево) Синькевич Е.Ц., Каракис И.Ю., Гельман М.И., З. Н. Некрасова, Синькевич Л.В., Грузис Л.И., Виктор Платонович Некрасов
4. На Пятой Авеню в Нью-Йорке. Генрих Габай, Наум Мандель (Коржавин), В. Некрасов, Ю. Дулерайн. 1975.
5. Наум Мандель (Коржавин), Вероника Штейн, Галя Некрасова. В нижнем ряду: Ю. Дулерайн, И. Дулерайн, В. Некрасов. Нью-Йорк, осень 1975.
6. Некрасов в маске Брежнева
7. Ю. Дулерайн, И. Дулерайн, Некрасов. Нью-Йорк, 1978.
8. Ирина Дулерайн и В. Некрасов. Нью-Йорк, 1980
9. В. Некрасов и Ю. Дулерайн в парижском корпункте Радио Свобода. 1981
10. Лиля Лунгина, В. Некрасов, Ю. Дулерайн, С. Лунгин. Париж, 1981 (?)
11. В. Некрасов. Нью-Йорк, 1983. (1, 2, 4—11 — собрание Ю. Дулерайна)
12. А. Сахаров, В. Некрасов, В. Войнович, Е. Боннэр. 1973. (Из архива Виктора Кондырева)
13. Александр Воловик и Виктор Некрасов, Сестрорецк, 1949.
- 14—16. В. Некрасов, май 1954. (Новоселье в Пассаже)
17. Вера Адуева на Мамаевом кургане. 1957 (Героиня книги "Эхо")
18. Н.С. Хрущев рассматривает карту полета. Рядом Л.Л. Корбер
19. В. Конецкий с М.Л. Корбером.
20. В. Некрасов в Париже с Е.М. Шишмаревой. 1981
21. Некрасов в Норвегии. ("Чего-то не похож на Вику Н. В. Конецкий")
- 22—24. Кладбище Сент-Женевьев Де-Буа. 1999. (13—24 Из архива Т.В. Акуловой-Конецкой.)
- 25—30. Некрасов в Сталинграде. 60-е. (Из архива А.Рохлина)
- 31—33. Некрасов в Веймаре в 1948 г. Фото М. Шибалиса. (Из собрания А. Парниса)
- 34—130. Некрасов в Киеве в конце 60-х. Снимки Владимира Колинько.
- 131—208. Фотографии Некрасова и его родных, интерьеров квартир в Киеве и Париже. (Снимки из архива В.Л. Кондырева)
209. Фото 5-го выпуска техников путей сообщения, 1926—1929. (Из архива П.Ю. Наголкина).
- 210—221. Некрасов с друзьями. 1951—1969. (Из архива Н.Т. Богорада)
- 222—224. В. Некрасов в Киеве. Снимки Бориса Стукалова. 1971.
- 225—226. Некрасов на похоронах Ахматовой. Снимки Валентина Брызгина (222—226 Из архива Р.А. Нахмановича)
227. Справка "Группкома Печерського райжилуправління м. Києва" літер. секретаря В.П. Некрасова. Дана Парнису А.Е. 10 июля 1968 г.
228. Конверт с марками и открытка из Израиля А.Е. Парнису (Г. Квенцель, 1976): "Горячий привет тебе от бывшего твоего работодателя, который гостил у нас в течение 10 дней в сентябре-октябре. Очень здорово было погулять и поговорить с ним, скучает за всеми знакомыми, удивляется молчанию. О тебе — очень тепло, в особенности вспоминал твои отношения с его матерью".

229. Удостоверение к медали "За оборону Сталинграда" лейтенанта Е.Г.Парниса.
230. Пригласительный билет на вечер памяти В.П.Некрасова в литературном музее 28.09.1988 года. Москва (227–230 Из архива А.Е.Парниса)
231. Дело С.Ф.Глузмана (копия из архива СБУ-КГБ).
232. Пригласительный билет на вечер 90-летия Некрасова. 2001. Киев.

VII. Фильмы

1. "В окопах Сталинграда" (Солдаты). 1956. Ленфильм. Автор сценария В.Некрасов
Режиссер А.Иванов. В ролях: В.Сафонов, Т.Логинова, Л.Кмит, И.Смоктуновский
2. Город зажигает огни (по мотивам повести "В родном городе"). 1958. Ленфильм.
Режиссер В.Венгеров. В ролях Н.Погодин, Е.Добронравова, О.Борисов, Л.Алешникова, Ю.Любимов, А.Соколов, А.Фрейндлих, Д.Франько, Ю.Мажуга, Витя Перевалов.
3. Неизвестному солдату (документальный фильм). 1962. Автор сценария В.Некрасов.
Режиссер Р. Нахманович
4. Сын солдата. Автор сценария В.Некрасов. Режиссер Р. Нахманович
5. Жил человек. Автор сценария В.Некрасов. Режиссер Р. Нахманович.
6. 38 минут в Италии. Автор сценария В.Некрасов. Режиссер И.Гутман.
7. Парижский альманах. 1988. Ведущий Лев Круглый. (Подарок Н.А.Аль)
8. Виктор Некрасов на Свободе и дома. 1992. Студия Укркинохроника, Киев. Режиссер Р. Нахманович
9. Парижская Одиссея Виктора Некрасова. 2002. Студия "Контакт". Режиссер Н. Мащенко
10. Дом Турбиных. Реж. А Марьямов. АНО культуры кинообъединения "Мастер", 2003 г.

VIII. Предметы

1. Ручка, подаренная В.Конечкому В.Некрасовым в Париже. "Футляр от ручки Довлатова. В этой коробке ручка В.П.Некрасова, которую он мне подарил в Париже, а сама коробка из-под подарка мне от С.Довлатова из Нью-Йорка: прислал в благодарность за хорошее упоминание о С.Д. в очерке о В.П.Некрасове. Январь 1988. В.Конечкий.
2. Карта Парижа. (1–2 от Т.В.Акуловой-Конечкой).
3. Указатель квартир дома в Пассаже (от В.Н.Судына)
4. Пепельница пластмассовая, Нью-Йорк (подарок Некрасова Олегу Лапину, от Ю.В.Павленко)
5. Пепельница керамическая, Рим (подарок Некрасова Яну Богораду, от З.И.Богорад)
6. Пенал с карандашами, кнопками, резинкой и точилкой
7. "Этим открывалось пиво. Вам от ВП"
8. "Спички с письменного стола, после смерти сохранил!"
9. Копия карты Парижа, висевшей у Некрасова в Пассаже (6–9 от В.Л.Кондырева)
10. Медаль "За оборону Сталинграда".
11. Оловянный солдатик, "портрет" Александра 1 (?)
12. Оловянный солдатик, в черкеске, "с горном".
13. Макет корабля "Три Святителя".

В ЖИЗНИ И В ПИСЬМАХ

Хроника жизни и творчества В.П. Некрасова

1911

17 (4 по ст. ст.) июня 1911 г. в Киеве на Владимирской улице родился Виктор Платонович Некрасов. Родители: отец — банковский служащий Платон Федосеевич (1878—1917) и мать — врач (урожденная Мотовилова) Зинаида Николаевна (1879—1970) Некрасовы.

1911–1914

Раннее детство провел в Швейцарии (в Лозанне мать заканчивала учебу на медицинском факультете) и в Париже (где З.Н.Некрасова работала врачом в военном госпитале).

1915

Семья возвращается в Киев. Живет на Кузнечной улице.

1916

"...в пятилетнем возрасте, сидя на чьих-то плечах, я видал Николая II, приезжавшего в Киев..."

1919

"В 1919 году трагически погиб мой брат Коля. Ему было восемнадцать лет. Это было в Миргороде. Красные проводили обыск. Нашли французские книги, решили, что он шпион, и убили, засекли шомполами, бросили в реку",

1920

"Дорогая Вера, как живешь? Я поступил в гимназию Науменко. Там я подружился со многими мальчиками. Я еще в старшем — приготовительном классе. У нас идет война с 1-ым классом. В Киеве поляки и я каждый день смотрю на маршировку. Я в четверг 21 мая по новому увидел большевистский аэроплан, которого в тот же день подбили поляки. Я стал собирать коллекцию иностранных марок и если можешь то пришли мне пожалуйста, марок только не Русских.

Я теперь читаю очень интересную книгу про Индейцев "Черная птица и Орел снеговых гор". Приезжай к нам, целую тебя". ОТ ВИКИ НЕКРАСОВА

(Из письма В.Н.Мотовиловой-Ульяновой в Лозанну)

1921

Читаю газеты с десятилетнего возраста. Помню еще Греко-турецкую войну, Вашингтонскую конференцию по морскому разоружению, нескончаемый поток борисефимовских Чемберленов(помню одну из,очевидно, последних карикатур на въевшегося в печенки "незадачливого" премьера — Борис Ефимов стоит на коленях, держит в руках очередную челюсть и монокль сэра Остина и подпись: "Прости. Читатель, опять Чемберлена нарисовал!"), помню "Пролетарскую Правду на синей бумаге (я бегал ее читать, вывешенную на каменной стене возле университета), помню и рождение первой киевской "Вечерки" — но это уже позже.

1922

"Единственное в моей жизни Полное собрание сочинений увидело свет (в одном экземпляре!) в 1922 или 1923 году. Состояло оно из шести томов. Страницы были пронумерованы, через каждые десять или двенадцать значилось — глава такая-то. Текста, правда, не было, считалось, что со временем я восполню этот пробел. Безжалостные варвары, немецко-фашистские оккупанты, сожгли этот раритет вместе с домом и шкафом, где он хранился, — маленькие, сшитые нитками странички, с обязательным на каждой обложке "Издательство Деврієнь, Кієвъ, 1922 г." (в те годы я был монархистом, носил в кармане карандаш и на всех афишах приписывал "ъ").

1923

"Еще в школе мы с друзьями — было это в 1923 году, а нам по двенадцать лет, издавали — нет, не газету, а журнал. Назывался он почему-то "Зуав", потом, очевидно из

патриотических побуждений, переименован в "Маяк", и вышло, если не ошибаюсь, пять номеров."

"Слаб в вычитании, путается в умножении, никакого понятия в делении" — первая четверть 1923—24 года, уч-ка 3-й группы 43-й ЕТШ В.Некрасова"

1926

Окончил 43-ю трудовую школу.

1929

Окончил железнодорожную профшколу. Работает на строительстве Киевского вокзала.

"Вокзал был весь в лесах — и снаружи, и внутри, и я бегал по ним, как матрос по ряям \.../. Я был счастлив и горд. Снял своего любимца со всех возможных точек и фотографии отправил в журнал "Глобус". Их напечатали. Гордость и счастье дошли до предела".

"...25 декабря 1929 года я с трепетом душевным сел в лифт большого... дома в Денежном переулке, поднялся на самый верх и нажал кнопку в дверях с табличкой: "Председатель комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями Анатолий Васильевич Луначарский".

1930-1931

"Году в тридцатом или тридцать первом получил я очередное задание — повидать Корнея Ивановича Чуковского и что-то, не помню уже что, передать ему...

— Доложите, что пришел Некрасов.

Из комнаты рядом с прихожей раздался веселый молодой хохот.

— Неправда, неправда... Некрасов давно умер. Это я знаю точно. — И опять хохот.

— А ну-ка введите этого самозванца"

"В 1931 году я послала Крупской моего племянника с письмом, в котором просила ее поддержки. Моего племянника Надежда Константиновна встретила очень приветливо. Он был тогда юношей лет двадцати. Она выслушала его внимательно, сказала, что помнит, что я "кипяtilка", всегда "кипячусь", и просила его, так как он ехал дальше в Ленинград, на обратном пути зайти опять к ней. Его, как и меня, она очаровала своей мягкостью и простотой". (С.Мотовилова. Минувшее. "Новый мир", №12, 1963. Отдельный оттиск с автографом А.Парнису: "Первопричине" напечатания моих мемуаров находки каменного века С.Мотовиловой. 20—1—64).

1930-1936

Учеба на архитектурном факультете Киевского строительного института

1932

"Из ряда вон выходящее событие. Мы, жалкие второкурсники Киевского строительного института? получили письмо с Олимпа, от самого бога, кумира, родоначальника, законодателя, от самого Юпитера — от Ле Корбюзье... Это было почти то же, что получить письмо от Льва Толстого."

".. вынужден был рассказать о первом своем, напечатанном в журнале, произведении Нет, не об "Окопах Сталинграда", а о статье, посвященной филателии, напечатанной в журнале "Советский коллекционер" за 1932 г."

1934-1937

Учеба в Студии Киевского Государственного Русского Драматического Театра(КГРДТ)

Из приказов по Студии (ЦГАМЛИ)

8.II.1934. Нижеперечисленным учащимся студии с 1-го января 1934 г. устанавливается стипендия в размере 75 р. в м-ц... 9. Любомирский. 10. Некрасов. 11. Локштанов.

28.IV.1935. т. Некрасова за недостаточно аккуратную посещаемость перевести из 1-й категории (стипендий — 100 р. + 6 р.50 к. хлебная надбавка) во вторую (90 р.+ 6.50).

10.X 1935 г. т. Левит, Литвинова, Некрасов и Гольденберг не явились на лекции по истории театра, предпочитая присутствовать на суде по делу тов. Орлова. (Строгий выговор). Повторение прогула со стороны указанных товарищей повлечет механическое исключение из студии.

19/IV.37. — 50-е представление спектакля "Большой день". Дирекция отмечает... бес-
сменных исполнителей... учащихся студии: Янсон, Лившиц, Некрасов.

14.V.37. Гастрольная поездка в города Днепропетровск и Запорожье.

14.IX.37. Учащиеся студии КГРДТ т.т. Литвинова А.В., Левит М.С., Каганович Б.Н., Лифшиц Г.Н. и Некрасов В.П., успешно закончившие курс Студии, переводятся с 1/IX в состав труппы КГРДТ, как актеры вспомогательного состава с окладом по 200 рублей каждому.

14.IX.37. Актеру т. Некрасову за систематические несвоевременные явки, согласно правил внутреннего распорядка театра, — на спектакли — ставится на вид.

20.IX.37. Актера тов. Некрасова В.П. за самовольное оставление работы и выезд из Киева по личным делам без разрешения руководства театра уволить с работы с 17/IX.-37

1937

Окончил театральную студию при Киевском театре русской драмы.

"Как ни странно, но в юные, актерские годы свои мечтал сыграть не только Хлестакова или Раскольникова, но почему-то и... Якова Свердлова. Шел в те годы фильм о нем. Такой себе интеллигент-революционер в пенсне. Как раз для меня. Худенький, небольшого росточка".

1938

12 июня 1938.

— Кто тут к Константину Сергеевичу? Они ждут...

— Ну, рассказывайте.

Растерялся, не знаю, о чем рассказывать. Что-то мычу. Второй вопрос: "Это вы?" — смотрит на меня. "Да, я". Ни тени улыбки. Затем спрашивает, что я делаю в Киеве. Я моментально успокаиваюсь и довольно связно рассказываю. Интересуется моим акцентом, работаю ли я над его уничтожением, говорю, что да, хотя фактически этого нет

Вступительный разговор окончен, приступаю к чтению. Первым читаю "Юргиса", рассказ, написанный мною самим, но выдаваемый за психологический перл какого-то никогда не существовавшего латышского или литовского писателя Сकोчилися

— Кого-кого? — наморщил брови Станиславский.

— Сकोчилися. Антанаса Сकोчилися.

Станиславский закивал головой.

— Да-да, знаю...

Я внутренне улыбнулся.

Рассказ написан был в монологической форме, с общением со слушателем, о том, как и почему человек убил своего лучшего друга Юргиса. Прочел хорошо, лучше, пожалуй, чем на всех репетициях. Никакого волнения, внутренняя собранность, чувствую себя хорошо. Старик слушает внимательно, правда, один раз мне показалось, что он зевнул, не раскрывая рта...

В Студию я так и не попал. К осени Станиславского уже не было в живых (я оказался последним человеком в его жизни, которого он прослушал)...

Театральная моя карьера так и не состоялась. И все же день 12 июня в моей жизни остался одним из самых значительных, незабываемых — Великим днем".

1938-1941

Работает актером, режиссером, театральным художником в театрах Владивостока, Кирова (Вятки), Ростова-на-Дону.

1941

"... в апреле 1941 года... приехал на три дня из Ростова, где служил в театре Красной Армии, менять паспорт. 4 апреля 1941 года — я навсегда запомнил этот день — я уехал из Киева, чтоб вернуться в декабре 1944 года уже в погонах".

1941-1944

28 августа 1941 г. призван в армию. Служил в действующей армии командиром взвода. Полковым инженером, заместителем командира батальона. Участвовал в боях в Сталинграде, в Украине, в Польше. В 1943 г. в Сталинграде вступил в партию. Награжден медалью "За отвагу" и орденом "Красная звезда". Дважды тяжело ранен. В 1944 году после второго ранения в Польше (в Люблине) и лечения в госпитале демобилизован в звании капитана.

Г.Нальчик Кабардино-Балкарской АССР. Кабардинская, 3. Аптека №1.

Б.Н.Галбмиллион

Обратный адрес: ППС 1687; 850 СИ В.Некрасову

27.VI.42. Получил сегодня Ваше письмо, Белочка. Очень рад, что деньги мои Вамгодились — все равно они гниют у меня в кармане. Обо мне не беспокойтесь. Хотя мы сейчас и на самом жарком участке фронта, но Ленька Серпилин пишет мне, что я родился под счастливой звездой (ведь с зачетами мне всегда везло), поэтому я вполне уверен, что из этой катавасии выйду живым и невредимым. Подробно обо всем не напишешь, но зато при встрече я замучаю вас своими рассказами.

27/X.42. Посылаю Вам, Белочка, деньги с некот.запозданием, т.к. мирная жизнь моя уже кончилась и я познал уже все прелести войны. Подробнее обо всем в письме, кот. Напишу, как только стану посвободнее. Получил от Зильки большое, подробное письмо. Привет детишкам. (Из архива Б.Н.Галбмиллион)

1943

31.XII.1943 в газете "Советская Украина" ("Правда Украины") опубликована статья "В новогоднюю ночь". Из письма И.П.Чужого: "Я удивлен был подписью под ней. Не могло быть такого совпадения. Тут и имя, и гвардии капитан, и Киев, в который Вас должно было потянуть в первую очередь".

1944

"10 апреля 1944 года, в день освобождения Одессы, скомандовал: "Раздеться! За мной!" — и, заражая бойцов личным примером, ринулся в довольно-таки ледяные волны вновь обретенного моря".

1945-1947

С марта 1945 по июль 1947 г. работает (по приглашению А.М.Борщаговского) в газете "Радянське мистецтво".

Публикации В.Некрасова в газете "Радянське мистецтво":

№6, 13 травня 1945 року Співаймо славу перемозі

№8, 23 травня 1945 року Іван Платонович ЧУЖОЙ

№15, 14 липня 1945 року РОЗМОВА про Київ

№29, 3 жовтня 1945 року Театральний художник

"...осенью сорок пятого года укатил за границу — в Польшу, Австрию, Чехословакию".

— Как вам нравится, — жаловалась моя строгая тетка знакомым. — Керосин стоит бешеные деньги, а мой племянник завел керосиновую лампу со стеклом, при копилке, видите ли, ему неудобно, и целыми вечерами пишет свое гениальное произведение.

Знакомые сочувствовали, а со временем, когда "гениальное" произведение увидело свет, попробуй они хоть что-нибудь критическое по поводу него сказать — тетка горло перегрызла бы".

1946

"Радянське мистецтво", 9 квітня 1946, №15(53) Художня Прага

"Историческая" телеграмма 20.6.46:

"Подписал договор Знаменем на сорок две тысячи пойдет восьмом девятом номерах".

В журнале "Знамя" (1946, №8—9, 10) опубликована повесть "Сталинград".
"Радянське мистецтво", вівторок 27 серпня 1946, №35(73)
Плоди бездумності (Художній салон в Києві)

1947

Некрасов В., Гасовський П. "Архітектор В.Г.Заболотний". К., "Мистецтво" 1947. Серія "Майстри мистецтв України". 40 с. Ілл. Портрет В.Г.Заболотного нар.художника СРСР О.О.Шовкуненка.

31.1.47. Уважаемый тов. Сурис!

Получил Ваше письмо — мне переслали его из "Знамени". Ничего кроме удовольствия доставить мне оно, конечно, не могло. Мнение фронтовика мне дороже всех остальных мнений. И если фронтовик говорит — "это хорошо", ей-богу же, мне наплевать, что критик говорит — "это недостаточно идейно". А за очень малым исключением они говорят именно так.

Недавно в Москве состоялось обсуждение "Сталинграда" — сначала на Президиуме Союза писателей, а затем в военной секции Союза. Самому побывать на них мне не удалось, но из стенограмм я узнал, что в "Сталинграде", мол, все хорошо, только идейности не хватает — Керженцев перед атакой мечтает о тихой послевоенной жизни, вспоминая прошлое, вспоминает не работу, а собственную квартиру. Валега не советский ординарец, а дореволюционный денщик, и т.д. и т.д. За что же, говорят, Керженцев дерется, во имя чего? Во имя уютного уголка на берегу тихой речушки? Это не советский человек... Говорит же он в том же месте, что "я больше всего люблю покой"... Разве может советский человек больше всего любить покой?

Мне кажется, что люди, говорящие все эти вещи, меньше всего представляют себе психику человека на фронте. Не знаю, как Вы, но я на войне больше всего мечтал о сне, но честное слово — это не основная черта моего характера...

Впрочем, все это чепуха.

Повторяю — Ваше мнение, мнение человека, который делал войну, а не описывал ее, — для меня во много раз ценнее.

Вы пишете, что учитесь в Академии художеств. Значит, художник? До войны я тоже этим делом немножко грешил. Интересно, как Вы показываете войну. Надеюсь, не лакируете — это, по-моему, самое страшное в искусстве.

Теперь очень в ходу выражение "художественное обобщение" — и под ним почему-то подразумевают отход от истины и изображение людей и событий не такими, какими они были, а какими хотелось бы, чтобы они были. Тут-то и рождается фальшь, от которой тошнит и которой, к сожалению, сейчас очень и очень много...

Ну да ладно — черт с ними.

Жму руку

В.Некрасов

Киев, 16.2.47. Дорогой Борис — отчества не знаю!

Ей-богу — мне очень приятно, что Вы так близко принимаете к сердцу все, что касается моего "Сталинграда". На критику — официальную критику — я, конечно, плюю (всем известно, по каким причинам она пишется), а вот к письмам читателей (людей, которые за свои высказывания вознаграждения не получают) отношусь совсем иначе. И не потому, что письма пишут люди, которым книга нравится, а потому что пишут люди, которые могут и имеют право судить... Вот и все!

Теперь малость пофилософствуем. Вы очень удивитесь, но знаете ли Вы, что я не очень люблю Хемингуэя (хотя 75% выступавших на президиуме товарищей склоняли во всех падежах это имя, говоря о "Сталинграде").

Собственно говоря "не очень люблю" — это не совсем точно. Увлекался я им, конечно, страшно, и в основном, до войны.

Недавно же я перечел "Пятую колонну и 37 рассказов" — и очень многое мне не понравилось — особенно пьеса. Наряду с этим обожаю его "Рог быка" и рассказ про старого матадора, ведущего свой последний бой — помните? Вообще же мне кажется, что Хемингуэй очень часто ломается и кокетничает — а эти качества я не очень люблю.

Последняя же его вещь — "По ком звонят колокола" (кажется, так она называется — на русском языке она не вышла, я читал рукопись, к тому же основательно отредактированную) — мне было просто скучно читать...

А "Прощай, оружие" — это все-таки вещь!

Кстати, мне очень интересно было бы почитать Ваши "хемингуэиновы"... Ни одной минуты не верю, что все они неудобопечатаемы.

Если есть охота — пришлите.

Картину, о которой Вы пишете, по-моему я видел — в Загорске у Игоря Грабаря, но мельком только.// "Ночной бой" И.Е.Евстигнеева, 1946//.

Все остальное, что было в Москве на выставке, — все это спекуляция...

Ну, Бог с ними — их дело. Пишите. Жму руку.

Ваш В.Некрасов

(Б.Сурис. Сосед по фронту. "Нева", 1990, №10, с. 200—201)

Постановлением Совета Министров Союза ССР за повесть "В окопах Сталинграда" Некрасову присуждена Сталинская премия второй степени.

(Переведена по сведениям автора на 36 языков, издана свыше 120 раз тиражом в несколько миллионов экземпляров).

"Радянське мистецтво", 18.06.1947, №25 (115):

Моя работа над повістю "В окопах Сталинграда"

Думка написати повість про Сталинград народилась у мене ще в армії. Народилась, правда, не в самому Сталинграді — там просто не було часу про це думати, — а через рік, в резерві, незадовго до початку Нікопольської операції. Але в резерві мені удалось написати тільки шість сторінок. Почався наступ. Знову за писання удалось взятися тільки через півтора роки — в Київському Окружному госпіталі, наприкінці 1944 року.

Записок і щоденників ніяких на фронті я, звичайно, не вів. Зробив спробу ще з самого початку війни, але мені здалося це заняття нудним та марним, і я кинув.

Персонажі повісті в основному взяті з життя — хоч із деякими з них доля стикнула мене вже після Сталинграда. Прізвища, звичайно, змінено. Тільки Валега-ординарець зберіг у повісті своє справжнє прізвище. Я зробив це навмисне. Влітку 1944 року він був поранений десь на Віслі, потрапив у госпіталь і сліди його загубились. Може моя повість потрапить коли-небудь йому в руки і допоможе нам налагодити перерваний зв'язок... Я був би цьому дуже радий.

З прототипом мого Чумака я після боїв на Дінці лежав три місяці у бакинському госпіталі, потім ми потрапили в різні частини, обмінялися кількома листами і зв'язок обірвався. Де він зараз, чи живий, — я не знаю. Лисого до останнього часу був в окупаційних військах у Німеччині. Де він зараз — також не знаю. Доля Ширяєва і Фарбера мені теж невідома. Сєдих, здається, став лейтенантом і воював у Маньчжурії, Ігор же Свідерський — взагалі персонаж наполовину вигаданий, наполовину збірний.... Ось і все, що я знаю про героїв своєї книги.

Зараз я працюю над п'єсою. До війни я досить довгий час працював у театрі. Полюбив його. Ось і захотілося спробувати свої сили в цьому, на мій погляд, найважчому літературному жанрі.

Тема п'єси... Важко сказати. В загальних рисах— це п'єса про тих же офіцерів, що і "В окопах Сталінграда", тільки без погонів.

Віктор Некрасов, лауреат Сталінської премії

Київ 20.2.47. Дорогой Шура!

Податель сего наш киевлянин, сотрудник "Сталинского племени" — Николай Иванович Дубов. Он написал пьесу — все теперь пишут, даже я — и весьма интересуется ее качествами и дальнейшей судьбой. //Микола Дубов "Біля порога". П'єса на 4 дії, 5 картин. "Мистецтво" Київ — 1949. На республіканському конкурсі 1947 р. На кращу сучасну радянську п'єсу присуджено третю премію". (Сост.)

Если не трудно — прочти и поделись с автором своим мнением, порекомендуй куда с ней дальше двигаться. Послал тебе открытку — но ты упорно молчишь. Когда собираешься быть в Киеве? Как дела? Что хорошего в Москве?

Крепко жму руку.

Твой Вика.

10.II.47. Шурочка, дорогой! Сделай божескую милость — высылай мне ваш журнал. В нашем благословенном городе достать его нет никаких сил. А ты всегда можешь стащить лишний экземпляр журнала и переслать мне. Благодарен буду тебе по гроб жизни — честное слово. В нашей чертовой редакции даже Литературки нет — приходится в Пр. Украины бегать подшивку читать.

А насчет пьесы — увы, я кажется, тоже свихнулся... Но трудно же чорт возьми!

В апреле или мае думаю быть в Москве. Собираешься ли ты в Киев? Ох, до чего он паскуден сейчас... Ну, будь здоров. Как успехи? Сценарии? Пьесы? Твой Вика.

(Из архива А.М.Борщаговского)

Открытка. Киев. Пушкинская 41, кв. 23, Мironу Михайловичу Зильберману .

Обратный адрес: Москва, Арбат 54, кв. 86. Некрасову.

9.VII.47. Дорогие друзья!

Буквально три слова, чтоб вы потом меня не ругали, что, мол, как стал... и т.д. Замотался... А конкретно пока еще ничего. Читают, хвалят, критикуют, но пока еще люди, к самой постановке пьесы отношения не имеющие. Числа 20-го мать будет в Киеве. Расскажет все подробно. А за сим целую и т.д. Ваш Вика. (Из архива Б.Н.Галбмилион)

1948

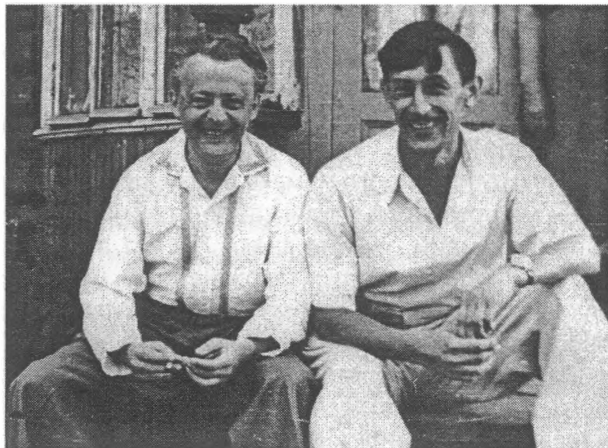
29 марта. Вечер у Виктора Некрасова. Маленькая неряшливая комнатка где-то на Сивцевом Вражке. Облупленный рояль. Голландская печь. На изразцах переводные картинки. Нас встречает человек среднего роста, черноволосый. Лицо остроугольное — острая челка пересекает лоб, прямой красивый нос, острые редкие усики, острый подбородок, чуть оттопыренные уши. Он одет в бархатную коричневую блузу, такие же штаны. Выражение интеллигентное, мягкое. Хорошие вдумчивые глаза.

Мы мигом разговорились, заспорили. Обаятельный, честный, простой человек.

Нет! Такие не бывают удачливым.

30 марта. ...умная и острая баба говорит о Некрасове: "Инфантилен. Он умен и честен не как 35-летний, а как 22-х".

(Давид Самойлов. Поденные записи. М. 2002, т. 1)

Киев Ленина 68, кв. 40. Зиновию Шендеровичу Толкачеву.
Обратный адрес: Москва 2 Плотников пер. 17 кв. 6 Некрасову
10.XI.48. Дорогой Зиновий Шендерович!

Не думайте, что я о Вас забыл. Просто не хотелось писать, пока нет чего-либо конкретного. Я показывал кое-кому Ваши работы, но большинство, ознакомившись со всем, самоустранилось. Недавно я встретился с Дехтяревым. Это, по-моему, хороший, искренний человек. Он всем очень заинтересовался. Попросил позвонить через два дня. Вчера я у него был. Он посоветовался насчет вас со своими друзьями — Шмариновым, Кибриком и др. Решили, что самое лучшее, если вы приедете в Москву и поговорите обо всем с Шелиховым. Встречу с ним они вам организуют. Вообще отношение к Вам и Вашим работам у этих художников очень хорошее. Дехтярев обещал, как только у него в изд-ве (он главный художник ДЕГГИЗа) появится работа, дать Вам заказ. Просил оставить Ваш адрес, что я и сделал. Вот вкратце и все. В Киеве буду числа 20-го. Тогда обо всем и поговорим подробнее. Я считаю, что Вам в Москву необходимо приехать. Это единственный правильный путь. Крепко жму руку. Ваш В.Некрасов

(Из архива семьи Толкачевых, предоставлено С.Н.Цаликом)

1949

Открытка. Киев Саксаганского 44 кв 24. Паоле Владимировне Утевской

Обратный адрес: Москва 2, Плотников 17/6. Некрасову

21/III.49. Цель гробового молчания, дорогая Паола? В жизни у Вас это не получается, а в переписке, увы, да... О Ваших делах узнаю от матери — это никуда не годится. Даже не звоните ей — я не говорю уже о заходить... Чорт знает что! Хочу знать все подробности Ваших и вообще киевских дел. Пишите же ж! Привет матери. Ваш Вика (Из собрания музея Одной улицы, Киев)

Киев 1/XII.49. Дорогой Шура!

Только сейчас от Абрама Акимовича /Гозенпуда\ узнал твой адрес и решил напомнить о своем существовании.

Я, к сожалению, не могу похвастаться своими литературными успехами. За три с лишним месяца своего киевского существования не сделал ничего путного. Затем получение квартиры в отстраивающемся сейчас Пассаже и на это уходят все силы и энергия. Занятие это более чем противное, но я, стиснув зубы, добросовестно таскаюсь по Горсоветам и другим инстанциям. Дом уже скоро месяц как принят комиссией, но где-то в верхах идет еще глухая, подспудная борьба и до сих пор нет еще решения Совета Министров, без которого почему-то невозможно заселение И так "подождите, дня через 2—3..." тянется уже целый месяц. Можно спятить... из-за этой чортовой квартирной канители никак не могу вырваться в Москву. (Из архива А.М.Борщаговского)

1952

16.IV.52. Главному редактору "Литературной газеты" Б.С.Рюрикову

Уважаемый Борис Сергеевич!

Очень был бы Вам благодарен, если б Вы могли принять и поручить кому-нибудь из Вашего аппарата разобраться в деле подателя этого письма — Марсея Павловича Городисского.

Тов. Городисский — человек, которого я хорошо знаю более двадцати лет — один из крупнейших киевских адвокатов-криминалистов, 28 лет проработавший в этой области и заслуживший всеобщее уважение своими знаниями, культурой и честным отношением к работе.

Сейчас, без малейших оснований с его стороны (о чем говорят все имеющиеся документы), он, приказом Министра Юстиции УССР (как ни странно, но совершенно искажающим действительный ход событий) исключен из Коллегии защитников.

Зная, что Ваша газета интересуется вопросами советской адвокатуры и видя в этом случае грубейшее нарушение правил, я порекомендовал тов.Городисскому обратиться к Вам в надежде, что Вы ему поможет в этом деле.

С искренним уважением В.Некрасов. (Из архива Фаины Семеновны Горер)

2/VIII.52. Дорогие Зильки!

Как видите — я застрял надолго. Через неделю уже 2 месяца как я тут. Работаю вовсю. Мечтаю к сентябрю вчерне все закончить. Немножко мешает улучшившаяся погода, но, откровенно говоря, это не так уж и плохо.

Что нового в Киеве? Как Крещатик и его торты? Обнимаю всех вас и целую. Вика
(Из архива Б.Н.Галбмилион)

Открытка Паоле Утевской.

Обратный адрес: Рига, Майори, Некрасову

10/IX.52. Дорогая Баула!

А я все еще здесь. И не хочется ехать в Киев. И пробуду еще 10 дней. И если б дом не закрывался, может и еще остался бы — уж больно хорошо работать.

А как у вас в Киеве? Чем занимаетесь? Я здесь разузнавал относительно молодых латышских писателей на русском языке. Есть такие и привезти можно будет. Тут со мной теперь живет один очень славный переводчик с латышского на русский — местный еврей Глезер. Он все разузнает, что Вам надо и поможет достать. Привет маме и дяде. Ваш Вика.(МОУ, Киев)

27/XII.52. Ув. тов. Пригодий!

Рекомендую Вам товарища Марковича Петра Леонидовича, как человека, который хорошо знает русский и украинский языки и который очень неплохо делает переводы. Если помните, месяца два тому назад я обращался к тов.Борецкому с просьбой дать тов.Марковичу какой-нибудь перевод. Тогда их как раз не было, но речь шла о том, что через какой-то промежуток времени они появятся. Не настало ли уже это время? Жму руку. В.Некрасов..(ЦГАМЛИ)

1953

Открытка Паоле Утевской.Обратный адрес: Черкассы, ул.Шевченко 430.Бездуган А.Я. для меня

16/V.53. Дорогая Баула! Вот уж завтра неделя, как я тут. Живу превосходно. Много работаю. Никто не мешает. Все на меня дышат как на ладан (см. письма читателей писателю Некрасову).Погода как будто (тьфу-тьфу!) начинает устанавливаться. По вечерам хожу в кино. Одним словом — лафа. А что у Вас? Что из Москвы? Как дружба с Дубовыми? Бываете ли у нас? Жду подробного отчета обо всем. Большой привет маме и дяде. Ваш Вика. (МОУ, Киев)

3/XI.53 Крым, Коктебель(!). Дорогой Шура!

... Я, как ты видишь по обратному адресу, не в Киеве, а в Коктебеле. До 30-го была чудная погода — купался, ходил в горы и т.п — все разъехались, сказка! — но сейчас и до нас докатилась ледяная волна — сижу и работаю, завернувшись в два одеяла и с подушкой на ногах. Послезавтра уезжаю, чтоб на праздник попасть в Киев. Поработал хорошо — почти совсем приблизился к концу. Отдохнул тоже хорошо. Твой Вика (Из архива А.М.Борщаговского)

1954

Открытка: Московская обл. Красногорск. Губайлово. Садовый тупик №1. А.М.Борщаговскому

Обратный адрес: Киев, Крещатик 25/10. В.Некрасов

2/I.54. Поздравляю всех троих с начавшимся уже Новым годом и желаю в нем успехов еще больших, чем в минувшем.

Читаю сейчас в четыре руки с мамой твой "Флаг". Обо всем судить еще не могу, но первое замечание уже есть — растянуто. Мне кажется, надо быть экономнее. Сужу это после основательного сжимания своей собственной вещи. Спасибо И.А.Сацу — он основательно

выжал из нее лишнюю воду. Сейчас, слава богу, уже кончил и отправил в Москву. Жду решения. Получилось листов 13. По моему самый раз. Еще раз желаю счастья, здоровья и богатства. Крепко обнимаю и целую всех троих. Вика.

Открытка: Москва, ул. К.Маркса 19 кв. 10
Александру Михайловичу Борщаговскому
Обратный адрес: Киев, Крещатик 15 (новая нумерация) кв. 10. В.Некрасову
...Декада наша, слава богу, приходит уже к концу...
Привет всему твоему семейству. Обнимаю. Твой Вика. (Из архива А.М.Борщаговского)

Открытка: Киев Красноармейская №7/9 кв. 7 Михаилу Ноевичу Клигерману
Обратный адрес: Ереван, Баграмяна 3, Литфонд ССП Арм. В.Некрасову
4/VII.54. Севан. Дорогой Миша!

Только здесь, приземлившись, прочел твою повесть. Замечаний у меня много — и по Одинцову и по Роговому и по другим. Напишу обо всем в письме. Сейчас же посылаю открытку, т.к. идет машина в город и я не хочу, чтоб ты думал, что я сукин сын. Рукопись высылать не буду — не доверяю здешней почте.

Мы здесь уже третий день. Пока на весь Д. Тв. одни. Откровенно говоря, это не плохо. Но, очевидно, не надолго. Место чудесное. Прохладное, прозрачное озеро, скалы, пляж. Погода изумительная. Вот только одолевают бараниной. Писем, увы, никто не пишет. Привет Лиде от меня и мамы. Твой Вика.(ЦГАМЛИ, Киев)

Открытка. Москва Арбат Трубниковский пер. 6 кв. 21. Паоле Владимировне Утевской
Обратный адрес: Ереван, Севан, Дом Творч. писат. В.Некрасову

7/VII.(54). Привет, дорогая Паола, из далекой Армении! Живем и не тужим. Озеро, горы, маленький островок и на нем мы с матерью. Купаемся, загораем, едим форель. Что еще надо? Путешествием своим очень довольны — и Днепром, и Одессой, и "Россией" и всем Кавказом. Увы, через неделю все это уже кончается — 17-го надо уже быть в Киеве. Что делается в Москве не знаю — никто не пишет. Авось Вы сообщите. И о своих успехах тоже. Желаю успеха. Ваш Вика.

Приписка: Милая Паола, с высоты 2000м шлем свои наилучшие пожелания успеха в борьбе и блестящей победы над всеми препятствиями, кот. выпадут на Вашу долю. Вы представить себе не можете, как тут чудесно! Я решила через 5 лет (когда мне минет 80 л.!) повторить с Викторией этот же маршрут. Крепко целую. З.Некрасова (МОУ, Киев)

Открытка. Одесса Большой Фонтан Дом Отдыха Писателей.
Михаилу Ноевичу Клигерману. Обратный адрес Сухуми В.Некрасову.
27/VIII.54. Дорогие Лида и Миша!

Привет вам с другого конца Черного моря. Мой курорт уже кончается. Завтра вылетаю в Москву. Прошедшей неделей очень доволен. Поработал и позагорал, на славу — лучший вид отдыха. Хозяева очень милы и любезны. Дачка маленькая, очень славная, буквально в двух шагах от моря. Пляж — большой, пустынный. Купаюсь по 3 раза в день. Правок, в общем, оказалось не много — главным образом, партсобрания и кое-какие уточнения в Сергее и Феде. Вчера они были шефом одобрены. На сегодня остались еще кое-какие мелочи. А как вы отдыхаете? Как поездили? Много ли купаетесь? Здесь погода чудесная — обидно даже в Москву уезжать. Впрочем не думаю там особенно задерживаться. Ну — поправляйтесь и отдыхайте. Ваш Вика.

(ЦГАМЛИ, Киев)

В журнале "Новый мир" (1954, №10, 11) опубликована повесть "В родном городе". ("Идейно ущербное произведение", по мнению официозной критики).

б/д Москва Г-242, ул.Чайковского №13 кв.23(во дворе)Ольге Исаевне Гудзенко
Киев, Крещатик 15,кв.10 В.Некрасов
Многоуважаемая Ольга Исаевна!

Откликаюсь с таким запозданием на полученное письмо, т.к. только сейчас получил его, случайно зайдя в Союз Писателей, где оно пролежало больше месяца.

К сожалению, с Семеном Петровичем я почти совсем не встречался, хотя любил и его и его творчество.

Но в Киеве есть его друзья и я не сомневаюсь, что они сочтут своим долгом сделать то, что, к сожалению, не могу сделать я. Я им незамедлительно передам просьбу комиссии.

С искренним уважением. В.Некрасов (РГАЛИ, 2207-216-1)

1956

В журнале "Молодая гвардия"(1956, №3) опубликован рассказ "Сенька".

Пишет сценарий фильма "В окопах Сталинграда".

Авио (sic!— Сост.)

Открытка из Н. Гагры. Дом Творчества Писателей

18/VI.56. Очень ты меня как-то огорчил своим письмом, Мишенька! Но, ей-богу, не надо вешать носа. А то, что не пишутся рассказы — бывает. Ох как часто у меня это бывает... Ты ничего не пишешь о том, звонил ли ты в Москву Дроздову. Неужели он до сих пор не вернулся из отпуска? Боюсь, что все-таки надо тебе съездить в Москву. Понимаю, что это не легко, но только это может сдвинуть все дело с мертвой точки... Что слышно с вашей газетой. Не могут же ее просто так уничтожить. Что-то вместо нее будет. Привет Лиде и маме от меня и мамы. (ЦГАМЛИ, Киев)

Н.В.Щегловой-Кашменской

14/IX.56. Дорогая Неонила Васильевна!

Не могу передать Вам то чувство горя, которое я, как и все друзья Марка, испытал, когда узнал о его кончине. Словами этого не передашь... До сих пор как-то не могу прийти в себя. Вы знаете, как мы все любили Вашего сына и понимаете как трудно нам примириться с мыслью, что его уже нет с нами.

Я только что получил известие от Игоря Александровича о Вашем приезде и очень жалею, что находясь далеко от Москвы, не могу сказать Вам того, что в письме так трудно написать.

Как часто в Киеве, мы с мамой и Яней вспоминали Вас и Марка, нашу жизнь в Коктебеле... И последний раз, когда мы с Симой были у вас, могли ли мы думать, что видим нашего дорогого и такого веселого друга в последний раз...

Разрешите мне Вас обнять, дорогая Неонила Васильевна, и сказать Вам то, что Вы и сами знаете — мы, друзья Марка, потеряли в его лице настоящего, хорошего, умного и бесконечно чистого друга... Ваш В.Некрасов

(автограф в книге : Марк Щеглов.На полдороге.Слово о русской литературе. М.: Прогресс-Плеяда, 2001.)

14/X.56. Натали!

Не ругайте меня за столь запоздалый ответ... Но Вы, вероятно, в курсе всех треволнений, которые за это время произошли. Вчера только (вторично) вернулся из Москвы. Бои были жаркие. (Все с братьями-военными).И хотя пока победа на нашей стороне, успокаиваться все еще нельзя.

(Из письма Н.Шапориной. "Экран-89", Рига)

1957

Обратный адрес: Л-д, гост.Европейск. №18 В.Некрасову

7/1.57. Дорогие Исааки!

Мать так наполнила открытку, что мне некуда оказалось втиснуться. Простите, что до сих пор не написал — сами понимаете, как мы здесь вращаемся. С Худсоветом был полный порядок. Отнеслись более чем либерально, утвердили (иными словами должны уже появиться и деньги) и все поправки мы будем уже делать в режиссерском сценарии, на кот. отводится 45 дней. Это, конечно, не значит, что мы пробудем здесь 1,5 месяца. Надеюсь все сделать за неделю, потом уедем, а к концу работы Володи на/д\ рабочим сценарием вернусь для утверждения его. С "Окопами" все еще неясность. На Худсовете присутствовал Зам министра культуры РСФСР Семенов, кот. я спросил как обстоят дела. Он сказал, что своего высокого мнения о картине он не меняет. Что она стала даже лучше после "стены", но ее показывали Жукову и тот сказал, что в армии, мол, не принято критиковать начальство (суд над Атрас.) и в начале слишком много оборванцев в отступлении. Тем не менее, как сказал Семенов, изменений в картине делать не надо и на экран она выйдет. Когда? Вот на этот вопрос он не ответил. Выйдет — будьте спокойны...

За сим обнимаю и целую. Вика. (Собрание А.Е.Парниса)

28.II.57. Дорогой Мишенька!

Вчера получил твою открытку из Голицына и очень ей обрадовался...

Специальная комиссия пересматривает у нас сценарный портфель — чтоб не было мрачности и теневых сторон.

Живу я в "Европейской", т.е. на самом бойком месте, друзей много, а это ты сам знаешь, к чему ведет. Сейчас я, правда, превратился в затворника, никого не принимаю. На студию не хожу, но работается как-то не очень легко. Просто, очевидно, устал.

Мать с Ниной провели здесь три недели. Гуляли во всю и обе остались очень довольны.

"Окопы" как будто выйдут все-таки на экраны. От всех переделок я отказался (а требовал их не более не менее как нынешний гость в Индии). Кроме одной — надо было все-таки бросить кость. Называться фильм будет "Солдаты" — по мотивам повести такого-то такой-то. А в общем все до чертиков надоело.

Целую тебя и Лиду. Твой Вика (ЦГАМЛИ, Киев)

В апреле 1957 г. поездка в Италию.

Открытка. Вид Турина.

Дорогие Зильки! Привет вам из Турина. Приехали вчера, а сегодня уже уезжаем. Впечатлений масса, а впереди еще больше. Жаль только, что погода испортилась — льет проливной холодный дождь. Кроме всяких других прелестей, здесь в Италии я окончательно убедился, что конструктивизм это вещь. Особенно подкрепило меня вчерашнее посещение завода пиш.машинок Olivetti. Блеск! Ну, обнимаю и целую всех вас. Надеюсь, Белочка уже поправилась. Вика. (Из архива Б.Н.Галбмиллион)

Открытка. Venecia. Palazzo dei Dogi Par avion/

17/IV.57. Привет из ставшей наконец солнечной Италии. Турин, Милан, Венеция позади. Вчера приехали в Равенну — "Красную Романью", как они здесь говорят. Прием исключительный! Люди такие, что с ума сойти можно. Хочется записывать. Но нет ни одной свободной минуты. Сегодня выезжаем на машине во Флоренцию, потом Рим и Неаполь. В Силицию, увы, вероятно, не успею. Целую. Вика.

5 мая. Был на венском балете "Айс-ревю". Приятное разноцветное зрелище. У Лунгиных видел Некрасова, приехавшего из Италии, и его неизменную старушку маму, глуховатую, оживленную, удивительную старушку лет 80 от роду. (Д.Самойлов, с. 281)

(По "делу" Гроссмана меня специально вызывали из Киева в Москву, в ЦК. Считалось почему-то, что я могу повлиять на Гроссмана.)

1958

В журнале "Москва" (1958, №2) опубликован рассказ "Судак".

В журнале "Новый мир" (1958, №7, 8) опубликованы очерки "Первое знакомство", написанные на материале поездки в Италию. По мотивам повести "В родном городе" снят фильм "Город зажигает огни" (режиссер В. Венгеров).

1959

Из п/о Ст. Руза Моск. обл. Д/Тв. им. Серафимовича.

24/I.59. Дорогой Мишель!

Наконец-то ты откликнулся. А то мы начали уже несколько даже беспокоиться. Ты ничего не пишешь о том с какого числа у вас путевки. Удалось ли передвинуть? Но так или иначе, мы здесь встретимся. Здесь чудо как хорошо. Путевки нам продлили до 25/II.

В смысле работы я успел написать только статью для "Искусства кино", которую я не уверен, что они примут — очень уж она антидовженковская. Не примут — попытаюсь в "Н. Мир" ее тиснуть. Вот такие дела. Последние 2 дня пришлось отстранить лыжи — потеплело, но надеюсь, к твоему приезду опять настанет зима. Поставлю на лыжи — учти. Привет Лиде. Целую. В.

5/II.59. ...С книгой в "Сов. Писе" все благополучно. Решили-таки издавать. Надо спешно подготавливать иллюстрации и оформление, чем и собираюсь заняться, как только разделаюсь с "архитектурной" статьей для какого-то сборника. Киностатью мою тоже приняли, несмотря на ее антидовженковость. Обязан этим, кажется, Фурцевой, кот. недавно собрала редакторов и укоряла их, что в журналах у них мало споров и дискуссий. Ну что ж, мне это на руку... (ЦГАМЛИ)

В журнале "Искусство кино" (1959, №5) опубликована статья "Слова "великие" и простые", направленная против ложного пафоса. Официозная критика обвиняла Некрасова в подрыве основ искусства соцреализма.

В "Литературной газете" (1959, 10 октября) опубликована статья "Почему это не сделано?", в которой Некрасов резко критиковал власти за пренебрежение к памяти Бабьего Яра.

1960

10/II.60. Дорогой Мишель!

Сам знаешь — в домах творчества свободного времени не бывает. Вот уже осталась неделя до конца нашего первого срока (а мы взяли уже второй), а фактически (в смысле работы) ничего не сделано. Сделано правда главное — начато, даже в трех вариантах, но все-таки по метражу ничтожно. Надо наверстывать. Последние пять дней совсем не работал — ездил в Москву (правда, на один только день), потом принимал, уже здесь, итальянского графа с женой-миллионершей, потом два дня очухивался. Не хотелось работать, а сегодня, как видишь, начал, но с писем — надо все-таки и о друзьях помнить.

Здесь — сам знаешь — хорошо, снежно, лыжно. Много солнечных, морозных дней. Сейчас только потеплело и попасмурнело. Здесь и Володя с Норой, а с завтрашнего дня и Лунгины. Недавно, после сдачи экзаменов приехал Юрочка. Есть тут и Аниксты, которые шлют вам большой привет. Есть и всякие подонки, но они не мешают. Приехали Ваншенкины — тоже шлют привет.

Московские мои дела более или менее благополучны. В "Совписе" книга должна выйти в конце февраля, что, конечно, может оказаться и концом марта и апреля. Но в общем печатают. В "Воениздат" некоторые сомнения... вызвал "Сенька". Я там вписал одну ненужную фразу, и, очевидно, пойдет, если не прицепится цензура. Ильинская хочет и последний мой рассказ включить (я ей еще не давал), но боюсь тут уж все заартачатся. — В "Гослите" Владыкин был мил и ласков — предложил включить в однотомник даже "Первое

знакомство" (прошлый раз активно был против) и где-то в апреле будет, по-видимому, заключен договор. — В "Нов. Мире" рассказ собираются печатать в 5 №, кое-что, конечно, из него выкинувши. Может быть от этого он стал даже и лучше. Единственное, до чего еще не договорились — это убирать или оставлять последнюю фразу. Впрочем, все это не так уж важно. Жене Воробьеву звонил, но он был не то в Переделкино, не то в Голицыно.

Вот так-то обстоят дела. А что у вас нового? Над чем и как работаешь? Расплевался ли со студией? Как Дубачи? Всеобщее здоровье? Как перенесли оспу? Здесь у всех это происходило очень бурно, с высокой т° и лежанием. Мы с мамой вышли без потерь, хотя чешемся до сих пор.

Завтра жду к себе в гости Лазаря со стенограммами обсуждения моей статьи среди архитекторов. Из-за идиотской накладки я на это обсуждение не попал, но вообще-то, Литгазета, хотя и собирается статью давать, но крутит и дрейфит основательно...

Ну вот и все как будто. Привет большой Лиде и маме — от меня и мамы. Обнимаю и целую. Пиши!

15 февр. 60. Леониду Вышеславскому, поэту, редактору журнала "Радуга".

Леня! С огорчением узнал, что вы разошлись с Волынским. Напугал Серпилин? Так ведь он всегда всего боится, м.... Ван-Гог один из крупнейших художников-реалистов, о котором у нас досих пор ничего не писали. И все из-за трусости, боясь низкопоклонства. Неужели же и ты свое "царствование" начнешь с трусости? Позвони Волынскому и восстанови отношения. Вещь надо печатать!..

О Хемингуэе. Думаю, сейчас самое время его печатать... Никаких официальных запретов свыше на его "Колокол" не было. Учти, подумай, взвесь. Этим можно создать журналу всесоюзную славу. В будущем году перегоним по тиражу "Юность" — увидишь. Все. Жму руку. В. Некрасов

(Леонид Вышеславский. Фантастические события на планете Вышеславия. К., Головна спеціалізована редакція літератури мовами національних меншин. 1996., С. 118.)// Леонид Волынский принес в редакцию свою повесть о Ван-Гоге "Дом на солнцепеке" и рукопись перевода романа Хемингуэя "По ком звонит колокол", на публикацию которого запрет был негласный.

27.II.60. Мишель!

С сегодняшнего дня сиротеем — уезжают Лунгины и Тендряковы. Вся надежда теперь на Соколова-Микитова, кот. собирался в конце месяца приехать сюда.

Что у тебя нового?

Я понемножку работаю. Но без особого азарта. За это время сделал 30 стр. Ваншенкины уехали. Костя на меня слегка в обиде, т.к. что-то не очень хотелось общаться. А Аниксты мне очень понравились. И сын их — студент-архитектор. У нас круглосуточно валит снег — вот уже четвертый день. Красиво — но для лыж неважно — все заметает. Обнимаю. Привет Лиде. Вика.

В журнале "Новый мир" (1960, №5) опубликован рассказ "Вторая ночь".

28/II.60. Многоуважаемая тов. Голубева!

Сообщаю просимые вами данные.

Родился 17 июня 1911 г. в Киеве в семье врача. Учился в трудшколе, в профшколе и наконец в Строительном институте на архитектурном факультете, который закончил в 1936 г. Одновременно учился в театральной студии при Киевском Театре Русской драмы. В результате получилось так, что архитектором я почти не работал, а до самой войны работал актером и театральным художником в театрах Киева, Владивостока, Кирова и Ростова-на-Дону.

С 1941 по 1944 был на фронте. Дважды ранен. В 1945 г. после госпиталя демобилизован. Два с половиной года работал в газете "Радянське мистецтво" зав.отделом искусства.

С 1947 г., как говорится, перешел на творческую работу. Первое худ. произведение было опубликовано в журнале "Знамя" в 1946 г. — повесть "В окопах Сталинграда".

В 1949 г. в Москве, в театре им. Станиславского была поставлена пьеса "Опасный путь" (в печати опубликована не была). В 1954 г. повесть "В родном городе" (Жур. "Новый мир"). В 1958 г. путевые заметки "Первое знакомство" ("Новый мир").

Несколько рассказов опубликовано в журнале "Молодая гвардия" ("Сенька"), "Москва" ("Судак"), "Советская Украина" ("Рядовой Лютиков", "Август-Фридрих Вильгельм").

Сейчас в "Воениздате" выходит отдельная книга рассказов, а в "Сов. Писателе" — "Первое знакомство".

Насчет сборников точно сейчас не помню. "Рядовой Лютиков" печатался, кажется, в сборниках "Детгиза" и еще в каком-то, кажется, "Воениздата" (какой-то из них назывался "Солдаты родины") еще, если не ошибаюсь, в "Сов. Пис." сборнике "Советские рассказы за 1957 г.). "Судак" печатался в таком же сборнике за 1958 г.

Вот как будто и все.

На фронте награжден был орд. "Красная звезда" и мед. "За отвагу".

Выборные органы. С 1947 г. до последнего съезда писателей был членом Правления и президиума Союзов писателей СССР и УССР. На последних съездах обоих союзов не переизбран.

С искренним уважением. В. Некрасов (РНБ. Отдел Рукописей. Ф.1075, собр. 168).

б/д Авка! Где-то на следующей неделе в редакции "Литгазеты" должно состояться обсуждение моей статьи. Специально приглашаются архитекторы. Я попросил пригласить и тебя, но т.к. они могут "забыть" это сделать: прошу тебя позвонить из Суханова по телефону Б 8-54-03 Нине Сергеевне Филипповой (зав. отделом науки) и спросить на когда назначено это обсуждение. Не плохо было бы, если б ты захватил с собой кого-нибудь из стоящих ребят. Твое присутствие мне очень важно, т.к. Литгазета что-то дрейфит и считает, что моя статья может принести вред... молодым архитекторам. Итак, жду.

Мой моск. телефон Д 2-21-32 — фамилия хозяев Лунгины.

Только что прибыли в Малеевку. Обнимаю. Вика

7.III.60. Дорогой Ава!

Спасибо за "Моспроектовец". Вот тебе уже и первый отклик. А второй между прочим появился в варшавской "Трибуна людю", тоже краткое содержание. Кстати, в Литгазете мне не без труда удалось отстоять тот самый абзац, кот. в "Моспроектовце" выведен жирным шрифтом, о том, что у нас нет теории.

Было бы неплохо, Авка, если б и ты с ребятами как-нибудь откликнулись в "Литгазете". Они ждут всяких откликов. Вот поговорили бы о национальном, на что у меня не хватило места и знаний. А? Стенограмму совещания покажу тебе, когда вернусь в Киев в конце марта. Сам я на него не попал, но вообще любопытно. Будь!

(Авраам Милецкий. Наплывы памяти. Иерусалим "Филобиблон" 1998)

16/V.60. Дорогой Мишель!

Завтра кончается первая неделя нашей ялтинской жизни. Похвастаться солнцем и теплом, увы, не можем. Из пиджаков, а то и плащей не вылезали. О купании не хочется и думать. Иными словами все создано для работы, которой Леля усиленно занимается, а я, подонок, все кружусь, все кружусь... Комнаты чудесные — на третьем этаже, с балконами и сказочными видами на Ялту, порт, море... Из знакомых только Ушаковы да уехавший сегодня литфондовский Гусев... Из моих знакомых есть еще москвич Марк Жилков и Савич и обязательные везде Овруцкие... А что у вас за это время произошло нового? Черкни. Какие новости у Дубыча? Привет Лиде. Вика.

24/V.60. Мишель!

К тебе просьба. Если Нинка уехала, не получив моей открытки, посмотри в фотомагазинах нету ли киноплёнки для моего АК-8 (16 мм 2х8) и, если есть, пришли мне сюда

маленькой посылочкой. Мы решили тут снять "итальянский" кинофильм. Если в магазинах нет, возьми у меня в столе, в моей тумбочке внизу — такие синенькие картонки, на них написано "Обратная печать, киноплёнка". Ярославский Совнархоз". Пришли две штуки.

У нас уже настоящий Крым.купаемся, ездим на Золотой пляж. Работаем и даже втянулись. Не пьем. Одним словом, все хорошо. Обнимаю. В.

Открытка. PRAHA Sv. Mikulase

3/VII.60. Шлю привет из Праги!

Чудесный все-таки город. И народ приветливый. И пиво хорошее. И вообще хорошо.

Обнимаю. Вика. (ЦГАМЛИ)

Открытка. Вид Праги.

3/VII.60. Привет из Праги! Здесь здорово, весело и красиво. Правда, несколько утомительно. Но без этого ни одно путешествие не обходится. Целую. Вика. (Из архива Б.Н.Галбмилион)

29/VII.60. Дорогой Мишель!

Вот уже четвертый день мы в Карачарове. Конечно, не Ялта и не Малеевка (750 отдыхающих!), но зато под носом Волга и в пяти минутах Иван Сергеевич. Сегодня после 1,5 месячного перерыва взялся за работу. Вернее, прочитал, наконец, отпечатанное Евой. Сегодня или завтра приезжают сюда Лунгины. Здесь пробудем до 9-го. 11-го вылетаем из Москвы в Ригу. Не знаю, застанет ли вас эта открытка, но на всякий случай желаю счастливого путешествия и хорошего отдыха в Ялте.

Жду письма в Дубулты. Мать шлет привет. Вика.

5/VIII.60. Дорогой Мишель!

Не знаю, получил ли ты мою открытку в Киев, боюсь, что она уж не застала вас, поэтому пишу в Ялту — думаю, придет как раз к вашему приезду.

Мы здесь мерзнем. Сначала задыхались от жары, а теперь дрожим от холода. Место чудесное — Волга, пляж — вернее купайся, где хочешь, — лодки, но, увы... Сейчас что-то не очень хочется этим пользоваться. Самый раз работать. Но этим я тоже не переутомляю себя. Иван Сергеевич предложил работать у него (не домик, а сказка), но придя туда я предпочитаю говорить со стариком — это в 100 раз интереснее. Иногда пропускаем по маленькой. К сожалению, с ним живет сейчас жена и внук — это несколько портит (и мне и, главное, ему) уют наших встреч. Здесь Лунгины и всем нам вместе очень хорошо. Несколько портит настроение наидерьмовейшее питание... Мама уже поболела животом, на очереди сейчас Симка с Павликом.

Вот так и течет жизнь. А через четыре дня уже уезжаем. Что-то нас ждет в Дубултах? Говорят, там тоже холодно. И море холодное. Ну да черт с ним — вот там-то и поработаю. Ну, будь здоров, веселись, купайся, загорай и не слишком увлекайся наперстками. Привет Лиде от меня и мамы. Целую. Вика. Пиши в Дубулты. Рига, Дом Тв. пис.

14/VIII.60. Дорогой Мишель!

Вчера получил ваше письмо. Рад, что у вас хорошая погода и хорошие комнаты. У нас комната тоже хорошая — в белом доме (с колоннами) на 2-м этаже с балконом. Погода рижская — то дождь, то солнце. Здесь Раечка с Сашкой, Борщаговские. Остальные меня мало интересуют. В Москве был один день. В Гослите одностомник сдается в типографию. "Знакомство" включили. Богорада выкинули. Подписан (мною пока) договор. Объем 37,5 л. Тираж — 100 тыс. Говорят, теперь это двойной гонорар. Сейчас должны выплатить 50% одинарного тиража. Вот так-то, Мишенька. Загорай и отдыхай. Привет Лиде.

24/VIII.60.

А мы были в Таллине! Сказочный, средневековый город. Проехали на автобусе через всю Эстонию. Лил дождь и все-таки было чудесно. Здесь по-прежнему — иногда проглянет солнце, а в основном сеет дождь. Купаюсь только по утрам. Работаю. В общем, доволен. Возможно на 2—3 дня задержимся — все зависит от работы. Обнимаю. Вика. (ЦГАМЛИ)

Открытка. Вид Таллина

24/VIII.60.

А мы были в Таллине! На автобусе туда и обратно. Город чудесный, сказка! Целый день мокли, но остались в восторге. В остальном без перемен. Солнце не балует и все-таки хорошо. Работаю, правда не переутомляясь. Купаюсь ежедневно, но это т.сказать в виде физзарядки. За сим обнимаю и целую.Вика. (Из архива Б.Н.Галбмиллион)

В ноябре 1960 г. поездка в США.

Открытка. Вид Нью-Йорка. Empire State Building at night.

3/XI.60.

Привет из столицы капитала! Все идет О'кэй! Вчера утром был еще в Москве, потом гулял по Брюсселю, а ночью уже мчались по 7 авеню, где и поселились в отеле в 3-х шагах от Эмпайр-билдинга. Обнимаю! Вика

Открытка. Вид Брюсселя

Привет, дорогие друзья, из Брюсселя, где мы задержались на 2 дня по дороге в Москву. Обнимаю и целую всех. Вика. (Из архива Б.Н.Галбмиллион)

Открытка. Вид Брюсселя

18/11.60. Привет, друзья, из Брюсселя!

Америка уже позади. Обо всем при встрече. Впечатлений — дай бог! В Москве пробуду, вероятно, недельку. Целую. Вика.(ЦГАМЛИ)

Открытка. Таллин. Уголок на Вышгороде.

Москва В-311, проспект Ломоносова 19 кв. 90 Борщаговским

30/XII.60. Дорогие Борщи!

Я, вероятно, опять проклят в вашем доме. Тем не менее, позволю себе все-таки поздравить все ваше семейство с Новым годом и пожелать всего, что только можно в таких случаях пожелать. А за одно поздравляю и Светлану с великим шагом в ее (и ее мужа) жизни, на который я до сих пор не решился. Обнимаю и целую всех. Мать также. Вика. (Из архива А.М.Борщаговского)

б/д. Ах, Боря, Боря... Как мне стыдно, что я тебе подарил фотографию, снятую на Таймс-сквер — одном из самых порочных мест в мире...

Как хотелось бы мне подарить тебе фото на фоне Кремлевской стены или хотя бы гостиницы "Россия"...

Что делать... Мне стыдно и больно... Прости, Боря... Учти только одно, — что глядя в небо Нью-Йорка (на этом фото), я все понимаю... Труднобы, дискриминация, безработица и поддержка агрессора... Больно... Особенно мне, коммунисту... Больно... В. (подробнее не сейчас) (Ренессанс, №3 — 1993. Интервью Галины Булгаковой с Борисом Гопником о Викторе Некрасове)

1961

29/V.61. Дорогие Клигера!

Вот уже прошла неделя! Я совсем отошел. Киев и все тому подобное позади. Тихо и спокойно. Жары нет. Солнца, правда, тоже было не густо, но с сегодняшнего дня, кажется,

что-то устанавливается. Народ терпимый. Милые наши Савичи. О.Берггольц — тихая и хорошая... Общений особых ни с кем нет. Живем степенно. На пляже был всего лишь два раза. Вода прохладная, но терпимая. Мать, слава богу, еще не рвется. Ходит. Каждый вечер ходим в город в кино. Кормят относительно неплохо.

Я бездельничаю полностью. Леля пишет очерков. Жены треплются. Одним словом, все честь-честью. Из Москвы ни звука. А что у вас? Черкните. Привет от мамы и Рабиновичей. Целую. Вика.

21/VI.61. Дорогие Клигера!

Спасибо за поздравление. 17-е отметили по всем правилам. Народу было человек 15, среди них Савичи, Богорады в количестве 4 штук (плюс Марк с женой) и еще несколько незнакомых вам людей. Выпили в меру, но хорошо. На большой террасе с видом на Ялту, при свете луны. На след, день мотнули на автобусе в Коктебель. Слов нет, чтоб описать, во что его превратили. Запаковали окончательно. Заборы везде, набережные, подпорные стенки, сплошные запреты и везде плакаты, лозунги и бюсты. Тьфу! Ноги моей там не будет.

Мы продлились до 14/VII. Жара. Леля работает, я по-прежнему бездельничаю. Об Италии ни звука. Позвони Дубычу и передай ему мою благодарность за поздравление. Отдельно ему не пишу, т.к. он открыток не любит, а я на большее не способен. Обнимаю. Мать шлет привет. Вика.

30/VIII.61. Дорогие Клигера!

Хамство, сам знаю, но Москва есть Москва — ты, Мишка, тоже это знаешь. Но за две недели все же кое-что сделал. 1) Вставил Киру Георгиевну в план "Сов. писателя" после довольно бурного заседания правления, длившегося 4 часа.

2) Вырвал из Гослита 10 кусков, в идее компенсации за перевод однотомника (из-за бумаги!) в план 62 года. (Борецкий обещал выпустить его в конце этого года).

3) Встречался с Сурковым, кот. лично передал мое письмо в высшие инстанции... с сопроводительным письмом от своего имени.

Это дела. Кроме того, встречи и выпивки. Игорь, Изя, Гранин (он сейчас на Кубе), Марлен и многие другие. Три дня назад вернулись из деревни Лунгины, а сегодня приехала из Киева... мама. Хочу ей показать французскую выставку и вообще проветрить ее (маму). Она привезла с собой Киру Георгиевну... на итальянском. Эйнауди выпустил ее еще 2 августа. А? Каково? В Москве холод и дожди. А у вас?

По сценарию Некрасова снят фильм "Неизвестному солдату".

В журнале "Новый мир" опубликована повесть "Кира Георгиевна". Официальная критика осудила повесть за "мелкотемье".

1962

21/I.62. Дорогой Мишель!

Заканчивается уже четвертый день нашей малеевской жизни. На лыжи еще не стал — все оттепель, но завтра уже не выдержу. Вчера приехали Рабиновичи. Живем на 2-м этаже почти друг против друга — мы в 29-й в сторону Вертушинки, они в 22-й — на фасад. Иван Сергеевич внизу, но хотим и его перевести поближе к нам. С И.С. мы в первый же день выпили 3 бутылки — 2 водки, одну коньяку и остались очень довольны. А вообще с этим делом здесь туго — в буфете нет, в Глухове очень редко, надо ходить в Рузу. Да и там не всегда бывает.

Я пока не работаю — хочется просто сначала отдохнуть от городской суеты, да и с мыслями как-то собраться. Три дня в Москве прошли в общем тихо и трезво.

И.С. кланяется обоим. Что нового в Киеве?

3/II.62. ...С Ив. Серг. хорошо — по вечерам, когда есть что, выпиваем, а когда нет — просто треплемся.

9/II.62. ...Я всю жизнь чешусь, ничем не обжираясь.
70-летие И.С. в мае. "Н.М" заказал статью.

12.II.62. Дорогой Авка!

Спасибо за письмо. Рад, что ты, наконец, вырвался в Суханово. Как там? Лыжи? А какие еще развлечения? И до какого ты там? У нас все хорошо. Не могу похвастаться работой, зато лыжами не пренебрегаю. Лес тут чудесный и снег хороший. А киевляне все жалуются на теплынь.

Мы продлились здесь до 1 марта. 2-го будем в Москве и не меньше недели там пробудем...

Привет тебе от Лёли. Между прочим, если хочешь сделать хорошее дело, дал бы ты прочесть его очерк о Ср. Азии отдыхающим у вас архитекторам и пусть они напишут свой отзыв в "Новый мир". Дело в том, что ташкентское начальство подняло уже по поводу его очерка бучу. Клевета, мол, и пасквиль! На какой-то конференции интеллигенции Лёлю со страшной силой поносили. В основном, конечно, начальство — секр. ЦК и председат. Союза Писат. в том числе. Поэтому всякого рода положит. отклик о его очерке очень помог бы и ему и "Н.миру".

За сим обнимаю и желаю хорошо отдохнуть. Мать шлет привет. Вика. (А.Милецкий. Наплывы памяти)

13/V.62. Дорогие Клигера!

Сегодня я сидел все-таки в Ялте на балконе, настраивался на творческий лад и завтра вроде как собираюсь засесть.

22/V.62. ...Перешел на новый график. Работаю до завтрака (с 7 до 9) и вечером с 5 до 7. Посередине ездим на Золотой пляж.

23.VII.62. ...Если в Киеве пойдет "Великолепная семерка" — мчитесь! Роскошный ковбойский фильм.

5/VII.62. Стихи(?) Стыдобушка...

9/XI.62. Лейпциг. Дорогие Клигера!

Кончается второй день немецкой жизни и сейчас начнется первый фестиваля. Устроились хорошо и даже денег малость подкинули — правда, больше, чем на сувениры не хватит. Спутники приличные (тьфу-тьфу) .Обнимаю. В.Некрасов (ЦГАМЛИ)

Открытка. Вид Лейпцига. Лейпциг, ГДР, "Астория" №138 В.Некрасову. Лейпциг

9.XI.62. Дорогие Зильки!

У вас теперь самая большая семья, поэтому и открытка вам самая большая. Приехали мы сюда вчера, пробыв полдня в Берлине (видели и даже снимали "стену"). Устроились хорошо, в "Астории". Через час начнется фестиваль. Иностранцев съехалось много. Продлится он десять дней. А что ожидает дальше (Франция?) посмотрим. — Компания у нас шесть человек — в общем ничего, приличная. Обнимаю всех. Вика.

Открытка. Вид Парижа (Нотр-Дам)

8/XII.62. Привет из Парижа от меня и...Корбюзье, у которого просидел вчера около 2-х часов. наших писем он, конечно, не помнит, но просил прислать фото-копии. А вообще все чудесно. Обнимаю и целую всех! Вика.

(Из архива Б.Н.Галбмиллион)

8/XII.62. Париж Пигаль

Дорогие! Сегодня первый день, что могу присесть за стол и всем написать. Все идет чудесно. Немного много приемов и корреспондентов, но и это стерпеть можно. На этой Пигаль я пил виски и смотрел стрип-тиз. Целую. В. (ЦГАМЛИ)

Открытка. Арль. Мост, который рисовал Ван Гог.
Киев Мало-Васильковская 23 кв. 12 Л.Н.Волынскому
17/XII.62. Арль

Увы, Леличка, этот мост на новом месте — его перенесли. И вообще Арль пострадал от войны — того кафэ тоже нет, на его месте построено новое. Не знаю, почему, но Ван Гог почему-то в Арле не очень рекламируется. А городок чудесный. И Авиньон тоже, хотя совсем другой. Короче — да здравствует Прованс! Обнимаю и целую всех! Вика.

(Из архива семьи Волынских)

Поездка в Париж с А.Вознесенским и К.Паустовским.

В журнале "Новый мир" (1962, №11, 12) опубликованы путевые очерки "По обе стороны океана", написанные на материале поездок в Италию и США. (№11 не выдавался из библиотек не из-за повести А.Солженицына "Один день Ивана Денисовича", а из-за очерка Некрасова).

1963

В газете "Известия" (1963, 19 января) напечатана редакционная статья "Турист с тросточкой", где уничтожающей критике подвергнуты очерки Некрасова "По обе стороны океана". Статью написал Мэлор Стуруа. Начало травли и первое персональное дело.

23.02.63. Дорогой товарищ Лобач-Жученко!

Вас, вероятно, несколько удивило, а возможно, даже немного и задело мое столь долгое молчание. Не ответить на такое милое и веселое письмецо может только в конце окаменевший человек, к которым я пока себя еще не отношу.

Все дело в том, что я три месяца не был дома и только сейчас есть возможность ответить на все письма, накопившиеся за этот срок.

Предложение ваше более чем соблазнительное, и я постараюсь приложить все усилия, чтобы воспользоваться им. Отвечаю пока несколько неопределенно, т.к. до июля еще четыре месяца, а как они сложатся (успею ли кончить и сдать начатое или наоборот потребуются перерыв) одному Аллаху ведомо.

Тем не менее благодарен и тронут Вашим предложением и надеюсь, если посчастливится попасть в Ваш экипаж, что не подкачаю.

За сим крепко жму руку и буду рад, если Вы мне еще черкнете несколько строк.

Еще раз простите за задержку с ответом. В.Некрасов.

Адресат — Борис Борисович Лобач-Жученко, правнук писательницы Марко Вовчок.

Родился в 1899 году, воспитывался в Морском корпусе, штурман морской авиации, яхтсмен, литературовед, фактолог, участник гражданской и Великой Отечественной войн, подполковник в отставке, пенсионер. У него возникла "дерзкая мысль", а не пригласить ли Виктора Некрасова старшим матросом на "Ленинград" — яхту-компромисс "Альфе" после появления в "Новом мире" (№9, 1962) рассказа Некрасова "Санта-Мария" или Почему я возненавидел игру в мяч: "В конце концов я все-таки восстановил каравеллу. Сейчас она по-прежнему стоит на своем месте, и попутный ветер по-прежнему никогда не изменяет ей. Обидно другое: буквально через три минуты после катастрофы мальчишки как ни в чем не бывало начали свою игру в мяч, начисто забыв о Колумбе, бом-брамселях, гиках, стеньгах, клотиках и соленых брызгах. С тех пор я навсегда возненавидел игру в мяч и еще больше мне захотелось убежать юнгой на корабль. А может на "Альфу" нужен библиотекарь?" // "Записки о путешествии на яхте "Ленинград" в августе 1957 года из Ленинграда в Москву с фотографиями, картами и выпиской из вахтенного журнала славной яхты "Ленинград". Записки составлены капитаном яхты Б.Б.Лобачем-Жученко. М., 1957 г.

18.11.63. Спасибо большое, Борис Борисович, за записки. Прочел, как говорится, с удовлетворением и рад был бы быть участником и "героем" будущих записок. Авось удачно сложатся обстоятельства. Впрочем, не будем загадывать. Крепко жму руку. В.Некрасов. ("Слово і час", К., 1993, с. 83—85)

14.III.63. М.Клигерману

...Зайди ко мне, возьми там "В окопах Сталинграда" (в книжном шкафу в коридоре на средней полке и отправь заказную бандероль по адресу Italia Milano Via Bianka di Savoia 20 Arnoldo Mondadori. Editor.

19.04.1963. Зреет мысль о чести.

Честь в наше время важнее, чем совесть. Совесть — непрочное и раздвоенное.

Честь — пушкинское, точное начало.

Единственный молодец Вика Некрасов — человек чести.

Самойлов Д. Из дневника. Публ. Г. И. Медведевой, примеч. И. Дмитриевой// Литературное обозрение. — М., 1990. — № 11. — С. 93—103.

13/V.63. Мишель!

Ах, Ялта, Ялта! Ничего не скажешь...Тишина и покой и никакого телефона! Солнце. Тепло. Вчера уже купался.

25/V.63. За 6 дней 35 стр. Правда, моих, а не твоих.

7/VI.63. ...У меня уже 80 стр. кому они сейчас нужны, кроме Аси, не знаю. Но дую ежедневно.

26/VI.63. ...Телеграмма от Збанацкого, чтобы я прибыл в Киев 26-го. Я ответил, что не могу сейчас, т.к. на моем попечении 84-летняя мать, которую не могу оставить без себя и с собой взять тоже не могу. Ну их Реакции пока нет. Погода у нас чудесная.

12.VII.63. Шломо Эвен Шошану

Дорогой Шломо!

Мне передали из Киева Ваше письмо, которое меня очень обрадовало и тронуло. Спасибо за память, внимание, высланные книги. Рад, что Вы остались довольны своей поездкой в Советский Союз, что повстречали интересных людей. Мы с Исааком Григорьевичем тоже с удовольствием и теплом вспоминаем вечер, проведенный вместе с Вами. Такие встречи бывают нечасто и тем приятнее, что они оставляют по себе хорошее воспоминание. Сейчас я с мамой в Ялте. Вот уже 2 месяца. Отдыхаю и работаю одновременно. Здесь очень хорошие условия для работы. И погода хорошая, т.что купаюсь во всю. Но всему приходит конец — через 3 дня надо уже возвращаться домой. Большой привет Вам от мамы, которая тоже вспоминает о том уютном вечере. Крепко жму руку. В.Некрасов. (ЦГАМЛИ)

9.IX.63. Дорогая Ляля!

Только что звонил Вам (11 ч. утра), но никого не застал.

Что и говорить — я очень тронут, но, ей-богу же, положение не так катастрофично. Ведь в Киеве тоже миллион друзей, да и на книжке кое-какие хвостики киношные еще остались. Но т.к. будущее все же не совсем ясно — принимаю дукаты с благодарностью, не сомневаясь, что впереди меня ждут горы золота. Как кто-то сострил — "Мы еще увидим небо в алмазах... величиной с овчинку".

У меня без перемен. Обком не мычит, не телится. Посему я пригвожден к Киеву. Если же, в конце-концов, оторвусь от этой гири, мечтаю с Шурой вырваться на Дальний Восток. Может Вы отпустите его со мной. Я буду следить за ним, выпивать его водку и, если надо, тащить его через тайгу и сопки на собственной спине. Ей-богу, никогда больше у нас не подвернется такого случая...

Мать тоже очень тронута и обнимает вас. Особенно интересуется Аленкой. Если вы, преодолевая лень, черкнете ей 3-4 строки о детях, она будет очень рада. Я тоже.

За сим обнимаю и целую всех вас вместе взятых.

Когда придет Шурка — пусть позвонит мне. Лучше утром, часиков так в 11, или вечером — после одиннадцати.

Еще раз — спасибо. Обещаю и впредь держать хвост трубой. Ваш Вика.

(Из архива А.М.Борщаговского — ответ на присланные деньги-“дукаты”)

Открытка. Алушка. Вид с моря.

24.XII.63.

Мощь! Красота! Сегодня. Считается, что наступила зима — 0°, но солнце вовсю. А позавчера была +20°, изнывали в пиджаках. Народу мало, тишина, покой. Пару дней акклиматизнись и за работу. Приехала Ася — устроили все чудесно. Кормят? Белого хлеба сколько угодно... Одним словом: сказка. Целую. Вика.

Мать шлет привет.

Открытка. Ялта вечером

30/XII.63. С Новым годом, Клигера! Желаем и пр. А Ялта — сказка! Тихо, тепло и хорошо работается. Обнимаем! З.и В.Некрасовы.Передай привет Володе и всем киношникам. (ЦГАМЛИ)

б/д. Открытка-шутка. Вид Флоренции. Погашение марок и почтовый штампель весьма умело нарисованы Некрасовым.

URSS Kiev

Киев. Крещатик 17. кв. 28. А.М.Милецкому

Firenze — ! Видишь, Авка, я точно почувствовал, что эта открытка тебе понравится. Привет. Вика.

1964

24.I/64. Дорогой мой Мишель!

Наконец-то я кончил свое французское творчество (еще два листа, всего, значит, вероятно) и могу приступить к оплате своих эпистолярных грехов. О нашем житье-бытье ты знаешь уже от Яньки. В дополнение могу сообщить, что зима у нас уже кончилась и опять засияло солнце. О Киеве, а в будущем о Москве думаю с ужасом. Хочу жить в Ялте, если никак нельзя на Лазурном берегу... Вик.

ВИЗИТ ЗАВЕРШЕН

10.2.64 (ТАСС)

8 февраля с.г. для переговоров с руководителями ЦК КПСС прибыл в Москву член КПСС, член Правления Союза писателей СССР (?) В.П.Некрасов.

На Рижском вокзале, не украшенном флагами, писатель был встречен друзьями и приятелями, представителями общественности г.Киева. После рукопожатий и объятий писатель и сопровождающие его лица отбыл в отведенную ему резиденцию на Кутузовском проспекте. После устроенного в его честь обеда и обмена необходимой информацией писатель отошел ко сну.

На следующий день в 10—15 состоялась встреча писателя с руководящими работниками ЦК КПСС. Со стороны писателя присутствовал В.П.Некрасов, со стороны ЦК КПСС т.т. Поликарпов и Беляев. Беседа продолжалась 1,5 часа и прошла в обстановке партийной откровенности и лицемерной непосредственности и искренности. В тот же день В.П.Некрасов отбыл самолетом в Ригу. На Шереметьевском аэродроме его провожал С.Л.Лунгин. На Дубултовском вокзале писатель был встречен ликующими родственниками и друзьями. Тут же на вокзале В.П.Некрасов сделал следующее краткое заявление: “Я очень доволен своей поездкой в Москву и результатами переговоров. В ходе бесед затронуты были интересующие обе стороны вопросы и обсужден широкий круг литературных проблем”.

На приеме, устроенном в честь писателя А.С.Берзер, была распита неполная четвертинка, после чего В.П.Некрасов удалился на покой.

НАШ КОММЕНТАРИЙ

По имеющимся сведениям, беседа была конструктивной и полезной. Обсуждались вопросы печатания трудов В.П.Некрасова в Советском Союзе. Было сказано, что рукопись, находящаяся в Киевском издательстве (называвшаяся все время "Камчаткой", что было опровергнуто В.П.Некрасовым) по договоренности т.Поликарпова с т.Скабой будет издана не в 1966, а 1965г. Было сказано, что будут даны указания изд-ву "Сов.писатель" продолжать работу над "Обеими сторонами океана", а также над однотомником. Что касается "Месяца во Франции", то они были подвергнуты не очень убедительной критике (недоосвещение роли Ф.К.П. и т. под.) и предложено было сделать соответствующие дополнения и уточнения для печатания очерков в "Новом мире". Оставшиеся в Дубултах несколько дней В.П.Н. собирается посвятить именно этой работе. (Из письма М.Н.Пархомову-Клигерману)

Открытка. Камчатка. Ключевский вулкан.

Обратный адрес: Петропавловск-Камчатский, Партизанская, 44.

28.V.64. Как у вас в Киеве?

Цвітуть знов каштани? Купається? Загораєте? Мы пока что делаем это на своих гостиничных койках. Но впереди захватывающие маршруты — вулканы, гейзеры, море, Командорские острова. Пока знакомимся с начальством, кот. должно обеспечить транспорт и т. под. Что у тебя слышно в "Н. мире"? Черкни пару слов. Целую. Вика. (ЦГАМЛИ)

12/VI.64. Привет, дорогие Борщи, с Камчатки! Все — восхитительно и интересно. Облетели восточное побережье до Олюторки, выходили в море за камбалой, поднялись по реке Камчатке до реки Быстрой, летали над вулканами, обедаем всеми видами лососей... Одним словом, не жалею, кроме того, что надо скоро возвращаться. К 24/VI должен быть в Москве — в этот день маме 85! Целую. Вик.

19/VI.64. Дорогой Мишель!

Дорвались, наконец, до почты, купил кучу открыток, вот и пишу всем. Письмо твое получил. Сейчас нахожусь на Командорских островах, сегодня должны уйти на материк, а 22-го собираюсь выехать в Москву. Открытку эту опушу уже в Петропавловске. О всех впечатлениях (а их миллион!) расскажу при встрече, сейчас же ограничусь самым сенсационным сообщением — камчатский месяц оказался самым трезвым в моей жизни!!!

И не из-за отсутствия водки, а что-то так — не хотелось ни мне, ни Ромке. Вот какие бывают на свете чудеса. Ну, обнимаю. Вика.

23/VII.64. Ну, что ж, Мишель, все уже как-то притерлось. Ко всему привыкаешь, даже к санаторию. Важно войти в колею, а это произошло. Да и целебный прибалтийский воздух оказал свое действие.

Не могу сказать, чтоб я здесь очень веселился, но зато приступил уже к работе — один рассказик уже есть, начат второй.

До вчерашнего дня погода была чудесной — я даже по утрам (7 ч.!) купаюсь, пока мама принимает душ, потом, после завтрака идем с ней на пляж, вечером, конечно, кино, посредине где-то обед, сон, прогулки. В общем, не очень незаметно, но летит как-то время.

Вариант с Ригой, конечно, очень соблазнителен, но, увы, ничего не получится — денег в обрез до Киева. В "Н.М." без изменений. 7-й № в ЦК до сих пор, а главный мой защитник рядом с вами, в Дубултах. Очень было бы здорово, если б вы с Марком прикатили сюда. Управитесь ли вы только за один день? Если б дело было в Ялте или Малеевке, я б организовал ночевку, а здесь я человек чужой и народу столько, что негде плюнуть. Вообще курортник что надо — северные сочи, — а я-то думал, что Паланга тихая, уютная дыра...

Красиво-то здесь красиво, ничего не скажешь, но евреев... Я это особенно почувствовал вчера на концерте Нехама Лифшицайте, той самой, которую в Киеве запретили, признав дешевой халтурщицей... Прекрасная певица и, хотя я ничего не понимал, даже расчувствовался. Эх, не было рядом папы Богорада...

Завтра по плану, мы должны ехать в экскурсию в Каунас, но сегодня что-то задождило, возможно и отменят.

Вот такие-то дела, Мишель... А что ребята говорят о твоих "Девяти баллах"? Здесь я ни с кем не общался, да и с газетами здесь туго — как и за всем дикие очереди — так что совсем отстал от литератур. жизни. М.б. и статья уже где-нибудь была?

Ну, будь, Мишель. Привет ребятам, Лиде. Пейте сколько влезет, я за вас здесь воздерживаюсь. Обнимаю. Вика.

31/VII.64. Дорогой Мишель!

Спасибо тебе за такие предложения, планы объединения, но, ей-богу, с меня что-то Прибалтики хватит. Ни на что конкретно пожаловаться особенно нельзя, все постепенно притерлось — просто надоела эта домо-отдыховская жизнь, надоевшие (особенно маме) завтраки и ужины и вообще...

Нет, Мишель, ты не прав — месяц этот не псу под хвост — все-таки новые места (ездили в Каунас, в Ниду, на обратном пути на пару дней задержался в Вильнюсе) — просто немного скучновато одному. Жизнь трезвенника, правда, на пару дней сорвалась. Встретился здесь с милейшим литовским писателем Казис Казисычем Борута (может, ты его и знаешь — друг Ивана Сергеевича, в какую-то из зим отдыхали вместе в Малеевке). Вот с ним-то, на машине его приятеля, ездили в Ниду — чудесное местечко на Куршской косе, где жил когда-то Томас Манн. В его домике теперь нечто вроде пансионата для начальства. Там встретили еще одного знакомого, уже по Ялте. Ну, ресторанчик, потом продолжили уже в Паланге. И на следующий день тоже. Все это было очень мило и без каких-либо особых заводов, но все-таки несколько часов мама была одна — а ты знаешь, как она любит оставаться одной, когда меня нет. Вот тут-то и нужно, чтоб кто-нибудь был рядом, под боком.

С работой — с мертвой точки сдвинулся (а это уже событие), но пока ограничился 24 страничками — три рассказика на камчатские темы. Мне хочется это сделать не очерками, как была Америка и Франция, а отдельными, связанными чем-то друг с другом, рассказиками. Многого я, конечно, здесь уже не сделаю, но все-таки начал, уже хорошо.

Итак, 8-го утром мы должны быть в Вильнюсе. Думаем 2–3 дня там пробыть. Казис Казисыч тоже там будет, покажет нам город. Может и вы, чтоб проветриться, приедете туда? Сообщение между Ригой и Вильнюсом хорошее — и дизелем и самолетом. Подумайте, а я через Казиса или его друга организую что-нибудь гостиничное...

Кстати о сберкнижке, на случай, если тебе и без меня потребуются деньги. Не знаю, как сейчас — думаю не лучше, чем раньше — но (проверь!) для того, чтоб с одной книжки перевести на другую, надо, чтоб счет был открыт не меньше месяца и чтоб на нем было не меньше 10 (быв. 100) рублей. Учти это...

С "Н.Миром" ничего хорошего. Из 7-го я уже выпал (Эренбург тоже). Но в 8-м я стою и Ася считает, что это даже лучше, т.к. успеет приехать Игорь Сергеевич, без которого, по-видимому и нет движения. Привет ему большой от меня, но говорить ему что-либо вряд ли стоит — он и так в курсе всех дел и сам по себе желает помочь.

Вот такие-то дела, Мишель. Лиде от меня и мамы привет. Ребятам тоже.

Работаешь ли ты? Или решил просто отдохнуть? Тоже правильно. А о Вильнюсе подумай и дай знать. Целую. Вика (ЦГАМЛИ)

2/VIII.64. Дорогие Борщи!

Где вы? Что вы? Я — после камчатского месяца вот уже скоро тоже месяц влечу курортное существование в Литве, в Паланге. Красота, роскошь и миллион людей. Это не для меня —

мизантропа и сноба. Камчатка, что-то милее по сердцу, как и вообще работающие милее отдыхающих... Но скоро уже кончаем.

На обратном пути заедем в Москву, числа 10-15. Несколько дней хочется еще погулять по Вильнюсу. Мать, конечно, со мной. Всем шлет привет...До скорого, если вы в Москве. Вика. (Из архива А.М.Борщаговского)

12.IX.64. Шломо Эвен Шошану. Дорогой друг!

Позавчера получил Ваше письмо, а сегодня и книжку. Спасибо вам и за то, и за другое. Увы, прочесть написанное вами, я не смогу — и вряд ли кто в Киеве сможет — но я знаю, что Вы написали тепло и искренно и за это Вам тоже большое спасибо.

Жизнь моя течет помаленьку. В мае и июне ездил в дальние края — на Камчатку и Командорские острова. Интересно очень. Вот об этом сейчас и пишу — на этот раз не в виде очерков, а в виде маленьких рассказов. Через месяц-полтора, если ничего не помешает, думаю закончить. После Камчатки ездил отдыхать с матерью в противоположный конец Советского Союза, в Палангу — литовский курорт на берегу Балтики. Поездил немного по Литве, по быв. Восточной Пруссии, неделю прожил в Вильнюсе — очень интересном, красивом и своеобразном городе. Подружился со многими литовцами. Сейчас в Киеве. Работаю. Несколько мешают гости, в эту пору года всегда проезжающие через Киев на юг или с юга, но я скрываюсь у товарища и там мы вдвоем работаем. Вот так и течет жизнь. Не собираетесь ли Вы опять к нам в гости? Всегда рады будем Вас видеть и принять Вас — и я, и мать, и Исаак Григорьевич, который передает Вам свой самый теплый, искренний привет. Крепко жму руку. (ЦГАМЛИ)

14/XI.64. Мишель!

Я постепенно, медленно закругляю Москву. Дела идут с экспер. Студией (Женя Воробьев); кино-хроникой, Географгизом и Ильинской. Как видишь, под конец развил деятельность. Но все это связано с визитами, встречами и т.д. Но думаю, что к четвергу закруглюсь. О приезде позвоню Гане, а ты нас встретишь на вокзале. Ладно? И еще просьба. Узнай в Союзе, как там с подпиской. Я список дал, но деньги не внес. В газетах напечатано, что принимают только до 25-го. Успокой эту девицу и скажи, что по приезде сразу внесу сумму. Целую. Вика. (ЦГАМЛИ)

1965

Открытка. Реставрированные жилые дома XV и XVII веков "Три брата" в Риге

15./I.65. Дорогой Мишель! Что ж — все очень хорошо. Народу мало — 25 человек. Комната хорошая — та самая — кормят хорошо, Лунгины рядом — в конторском домике (2 комнаты!). Жизнь тихая, спокойная. Из знакомых — Окуджава, ожидаются Сарнов и Рассадин, а в понедельник и Ася — мы вчера ей звонили. Погода хорошая — мать довольна. Целую. Пишите. Вик (ЦГАМЛИ)

Открытка. Вид Риги

24/I.65. Дорогие Зильки! Как вы там поживаете в славном нашем Киеве? Мы здесь припеваючи, в хорошей компании Лунгиных и Аси. И погода хорошая, и кормят хорошо. Одним словом мы всем довольны и в Киев не тянет. Обнимаем. Вика. (Из архива Б.Н.Галбмилион)

Открытка. Яхты на Лиелупе

24/I.65. Что-то не балуешь ты нас письмами, дорогой Мишель. Как дела, что слышно? Мы здесь блаженствуем в компании Лунгиных и Аси. Тихо, спокойно и очень уютно. Не пьем, немного работаем, гуляем, ходим в кино, на лыжах. Хорошо здесь зимой, ей богу. Есть Окуджава. Рассадин, Балтер, Сарнов. Общаемся. Но не очень. А твой-то Робка? Как его Чак разделал, а? Привет и от меня. З.Некрасова. (ЦГАМЛИ)

Открытие. Ворота Яна и портал церкви

28/I.65. Дорогой Мишель!

У нас по-прежнему все хорошо. Народу, правда, прибавилось — дошло (старожилы не припомнят) до 60 человек Но нам... никто не мешает. Лунгины уехали. Их место за столом заняли Балтеры. Дружим, в основном, только с Асей. К рукописям еще не приступила — все еще отходит от Москвы... У нас морозец, ветерок. Снежок. В комнатах тепло. Гуляем. Приступил к работе. Вот и все пока. Целую. В. (ЦГАМЛИ)

Вышел фильм "38 минут в Италии". Фильм по сценарию Некрасова "Жил человек..."

В журнале "Новый мир" (1965, №4) опубликован очерк "Месяц во Франции". Там же (№12) "За двадцать тысяч километров".

15.V.65. Дорогой Шломо Эвен Шошан!

Давно уже собираюсь Вам написать, да так как-то суетливо прошли последние месяцы, что руки не дотягивались до письма. Сейчас я с мамой наконец вырвался из московской суеты сюда, в Ялту и могу, наконец, оплатить все свои эпистолярные грехи. Здесь тихо, спокойно, не одолевает телефон и можно собраться с мыслями.

Дела мои сейчас идут не плохо. В №4 "Нового мира" вышли мои очерки о поездке во Францию в конце 1962 года. Вышла в Москве маленькая книжечка рассказов. Как только вернусь домой (а это будет в начале июля), обязательно вышлю экземпляр. В Киеве тоже должна выйти книжка рассказов, в которую войдут почти все написанные мной рассказы. Сейчас заканчиваю работу над небольшой (4 печатных листа) серией рассказов, связанных с моей поездкой в прошлом году на Камчатку.

Небольшую работу провел я и в кино. Скоро на экраны выйдет маленький фильм "38 минут в Италии". Это прогулки по римским улицам и кое-какие воспоминания о недавнем прошлом Италии. Сделано это в виде моего рассказа, который я сам с экрана и рассказываю. Съемки, правда, делал не я, а мой друг Илья Гутман, но я написал сценарий и мы вместе монтировали фильм. Вот то небольшое, что я успел за это время сделать.

Не знаю как у вас, а у нас в этом году что-то никак не наступит тепло. Думали поймать его в Ялте, но и здесь все запоздало и, боюсь, не скоро можно начать будет купаться. А хочется очень.

Что у Вас нового? Над чем работаете? Не собираетесь ли к нам в гости? Очень рады будем Вас приветствовать на нашей земле. Привет Вам большой от мамы и Исаака Григорьевича... Крепко жму руку. Ваш В.Некрасов. (ЦГАМЛИ)

6.6.65. Дорогие Клигера! Наконец-то вы на родной, советской земле. Приветствую вас!

Мы живем припеваючи. Погода — сказка! Нет утомительной жары и все время солнце. Море на уровне 17—18°. Ежедневно ездим на нашем автобусе на ВТОВский пляж. Сегодня воскресенье, автобус выходной, поэтому пишем письма.

С 30-го приступил к работе. Написано уже 20 (моих) страниц. Пишется сценарий. На вольную тему. "Теплушка" не пошла — не умею по чужим темам. Пишу нечто полуфантастическое, связанное с... Мамаевым курганом. Важно отгрохать 60 стр. и не возвращать аванс. На большее и не рассчитываю. Я писал об этом (об изменении темы) Жене Воробьеву, но он почему-то не отреагировал. Если будешь ему звонить, скажи, что я ему уже дней 10 как написал письмо.

Из "Сов. Писа" вернулась рукопись с рецензией какого-то... В.Трифонова. Возражает против идеализации Кеннеди, ленд-лиза и Иван Ивановича. Это основное, кроме того ряд мелочей. Буду продолжать политику выкручивания, пока не кончится Вьетнам и Доминик. Республика. Очевидно, все это надолго.

Я подал в Моск. ВОКС заявление на Замбию, Малави и Кению. Подбила Мирель Шагинян. Выслал уже анкеты и 24 фото. Характеристику должна выслать Галя. Иваны за этим следят. Поездка намечена на 2-ю половину июля. Говорят, с заездом в Лондон на три дня.

Ну вот и все мои новости. Остальное пища, сон, кино. Пьем редко. Но один раз метко. Спяну попали с Галей, женой Евтушенко, к рыбакам на корабле... Все кончилось мирно, но Рабиновичи достаточно переволновались, больше даже, чем мать, кот. Отнеслась ко всему стоически.

Ну вот и все, Мишель. Как там ребята? Гришка, Володя, киношники? Мы здесь до 1/VIII, т. что еще увидимся. Обнимаю. Вика. (ЦГАМЛИ)

10.6.65. Дорогой Шломо! Спасибо за письмо, которое мне переслали из Киева и за книги, которые. Я думаю, тоже туда уже пришли. Прошу передать мою благодарность переводчице. — Я в Ялте уже месяц. Отдыхаю и малость работаю. Здесь хорошо во всех отношениях. Крепко жму руку. В. Некрасов. (ЦГАМЛИ)

4/X.65. Дорогой Мишель!

Осталась последняя неделя. 11-го в 12-00 вылетаем всей шарагой, аж 8 человек. Отцы семейств уже соскучились по своим детям и женам, а я, как всегда, не рвусь в столицы, благо, погода до сих пор идеальная — купаемся и пр. Впрочем, "прочего" почти нет. Раз выпили с приехавшим на 3 часа Гелием и позавчера чуть-чуть на проводах Лунгиных. С работой так себе — за оставшуюся неделю должен поднажать — кровь из носу.

Прилагаю письмо Рафуле. Почитай его и поддержи меня. Не могу я сейчас делать "беседу" с молодежью. Ясно, слишком сейчас ей плохо — и не только у нас на Украине. Сбегай в киоск и купи №9 "Молодой гвардии". Получишь миллион удовольствия. Полистай "Повесть о моих друзьях-непоседах" Михаила Алексеева.

Привет Лиде от меня и мамы. Ася тоже шлет привет. Целую. Вика.

Прости за такую странную бумагу. Это случайно. (ЦГАМЛИ)

(Рисунки названия книги "Месяц во Франции" с Эйфелевой башней)

4/X.65. Дорогой Рафуля!

Не сердись на меня, но по зрелом размышлении я понял, что сейчас делать что-то серьезное о молодежи не могу. Не хочу быть сволочью. Не хочу, чтоб хорошие ребята надо мной (а заодно и над Вами) иронизировали и посмеивались. А может и хуже. Ей сейчас настолько трудно, что поверхностно о ней и с ней говорить нельзя. Давайте пока отложим. Не откажемся, а отложим — тем более, что договор я, слава богу, еще не подписал. Через неделю буду в Киеве — обо всем поговорим. Надеюсь, Вы меня поймете правильно, как любил говорить наш незабвенный Н.С. Обнимаю ВН. (ЦГАМЛИ)

1966

12/II.66. Дорогой Мишель!

Вот это зима так зима! Ниже 25° не опускается. А по утрам и вечерам и все 30°. И не холодно! В Киеве я при 0° гуляю с мамой и замерзаю от наших темпов, а тут сегодня погуляли с мамой целый час и хоть бы что. Правда, мать в валенках, а я в новых, зимних с каким-то начесом ботинках и уши вниз, но вот гуляли и домой не хотелось. Солнце, снег, громадные сугробы, под ногами скрипит и... совсем не хочется пить. Вот так-то...

Вообще здесь хорошо — тихо, малоллюдно, никто пока не липнет. Комната отличная, теплая, удобная, с умывальником и прихожей. Ванна и душ рядом. Кормят, судя по первым двум дням, не плохо. Из знакомых — Кардин и Добин (ты его не знаешь, ленинградец). Самое смешное, что один уже, а другой собирается писать книгу... обо мне...

Московско-совписовские дела мои рассматриваются друзьями как победа. Рукопись сдана в полном объеме (обе стороны, Франция и Камчатка с Мамаевым), к моему приезду собираются выписать одобрение, но я, как в том анекдоте со старым евреем и сыном — я им не верю. Встречались мы дважды, второй раз я просидел там 2 часа (я, Карпова, Вилкова и Л. Левин) и все крутились вокруг трех пунктов — Ив. Ив-ча, усов и ленд-лиза. С Ив. Ив-чем более или менее утряслось, с "усами" Вилкова утверждает — утрясется (Карпова брала меня на понт,

что на снятии "усов" настаивает ЦК и, что, если рукопись придется опять посылать в ЦК и что это и т.д.), а вот с ленд-лизом повисло более или менее в воздухе. Договорились окончательно решить этот вопрос к моменту верстки — одним словом все зависит от Вьетнама...

С кино дело хуже. Люди знающие (тот же Добин — он член Худсовета "Ленфильма"), говорят, что хлопот не оберешься. Ты понимаешь — мне это надо. Особенно сейчас. Мотаться в Л-д, туда и сюда, на всякие там утверждения и худсоветы. Был бы еще заинтересованный режиссер, а то даже Володька за четыре дня, что я был в Л-де, не нашел 0,5 часа времени, чтоб прочесть Джульянчика. Не нравится мне все это...

Вот так-то, Мишка. А у тебя что? Черкни. Привет Лиде. (ЦГАМЛИ)

21.6.1966. Виктор Некрасов в клубе архитекторов в Киеве, где обсуждаются планы памятника в Бабьем Яру.// Ал-ха-Мишмар. Израиль. (ЦГАМЛИ)

29 сентября 1966 г. на митинге в связи с 25-летием Бабьего Яра Некрасов произнес речь. Новое персональное дело, второй строгий выговор.

Авиа открытка. Крым, Ялта Платановая 11 кор. 2 кв. 47 С.К.Славичу
Обратный адрес: Москва Г-99 Просп. Калинина 31 кв. 8 Некрасову
9.XI.66. Дорогой Стась!

Вот и отгремели (впрочем и спокойно и почти трезво) праздники. В Москву вроде как возвращается тепло и сразу стало весело. Мы здесь с мамой с 24 октября — со дня ее именин, которые отпраздновали здесь, чтоб избежать киевского многолюдья. Я сдал здесь верстку в "Сов. пис." и написал сценарий для моего Гутмана об... Аргентине. Сегодня отношу. "Киношный" рассказ выйдет не в "Н.-М" (там в очередной раз обиделся на меня А.Т.), а в "Р.Т.". Как будто в №28. А в №12 "Декоратив. Искусства" статья о памятнике в Бабьем Яру. Ну обо всем связанном с этим при встрече, кот. когда-нибудь да состоится... Вообще я по тебе соскучился и с восторгом раздавил бы с тобой полбанки. Пишет ли тебе Ян? Я получил от него письмо из Усть-Камчатска. Обнимаю. Вика. (Из архива С.К.Славича)

"...декабрь 1966 года. Я в Москве. Делаю сценарий для документального фильма об Аргентине, в которой никогда не был".

1967

Открытка. Ленинград. Марсово поле

25/II. 67. Дорогой Мишель! Привет из зимнего, но теплого Репино.

Дом прекрасен. С народом особо не общаюсь. Приступил к лыжам. К работе все собираюсь — а осталось чуть более двух недель. А что у вас? Не забывайте.Пишите. Мать шлет привет. Целую. В. (ЦГАМЛИ)

2.III.67. Дорогой Шломо! Что-то давно нет от Вас никаких известий. Забыли нас? Не пишете, не приезжаете. Над чем сейчас работаете? Черкните, если не лень. Я сейчас с матерью под Ленинградом.в Репино — должен поработать, но больше занимаюсь лыжами и чтением.Здесь тихо, красиво. Удобно. Никто не мешает. Вот и поработать, а что-то ленюсь. Недавно получил из Иерусалима чудную книгу на русском языке стихов и рассказов Мириам... а вот фамилию, к стыду своему, сейчас забыл. Очень хорошая книга!!! В Киеве буду в конце марта. В.Некрасов (ЦГАМЛИ).

В журнале "Новый мир" (1967, №8) опубликовано эссе "Дом Турбиных".

28.X.67. Инне Васильевне Кончаковской письмо (в конверте). Музей М. Булгакова (Музей истории Киева) .

29.X.67. Дорогая Ирина, никогда не думал, что мой рассказ так всколыхнет в людях прошлое, а вот получилось, — и это еще одно доказательство неувядаемости Булгакова. За границей он уже стал "бестселлером" (в Италии, например), у нас зачитывают до дыр журнал "Москва" и фотографируют старое "Недринское" издание "Дьяволиады". "Мастера и Маргариту" отдельным изданием, конечно, никогда не издадут. Хорошо хоть, что одновременно вышел и каким-то чудом проскочил роман "Белая гвардия", самая моя любимая вещь Булгакова.

Кстати, я, оказывается, с Николкой ошибся. Николка — это Николай Афанасьевич, профессор, недавно умерший в Париже.

А Ваня-балалаечник, увы, спился, и следы растаяли где-то в парижских кабаках. А как хорошо, чтобы нашлись люди, знавшие его. Говорят, что славный парень (парень ли — уже за 50) — и смертно тоскует, не прижился и во Франции. А насчет Афона ужасно интересно! Надо расспросить у Елены Сергеевны и Надежды Афанасьевны, — которая и есть та милая старушка, о которой пишете Вы. А вот "Василисина" дочка на меня в дикой обиде, написала письмо, обвиняет в клевете, в оскорблении ее и лишилась, мол, сна.

И стало мне вдруг жаль эту... пожилую женщину. Ведь я, ей-Богу, не хотел ее обидеть, а вот получилось обидно: "и нет у нас никакой боженковской мебели, все это вы выдумали, все это клевета, чтобы получить гонорар".

Вот так у нее все обернулось. Засим жму руку. Спасибо за память. Где вы и что? Черкните. Виктор Некрасов. (Письмо Ирине Бошко//Книжное обозрение. — 1990. — 31 декабря)

1968

Бланк "Ленфильма" "В ОКОПАХ СТАЛИНГРАДА"

14 октября 1968 г.

Александр Ефимович Парнис на протяжении ряда лет выполняет по договору со мной обязанности моего литературного секретаря. Поскольку я, проживая в Киеве, печатаюсь (в качестве русского писателя) только в Москве, а мои возможности для поездок по многим обстоятельствам ограничены, А.Е.Парнис представляет мои интересы в Москве и ведет там все мои дела. В его обязанности входят переговоры с издательствами и журналами, библиотечные разыскания и т.д. Кроме того, А.Е.Парнис ведет в Москве собственную литературную работу, полезную и перспективную.

В нынешнем году мои обстоятельства (домашние и литературные) сложились таким образом, что я должен был пригласить моего литературного секретаря А.Е.Парниса приехать в Киев. Здесь он выполняет по моему поручению срочную работу, закончив которую он сможет возвратиться по месту жительства в Москву.

Убедительно прошу вас учесть все это при решении известного Вам вопроса. Если столь долгое отсутствие А.Е.Парниса в Москве по существующим правилам недопустимо, я вынужден буду расторгнуть соглашение с ним и просить его трудоустроиться в Москве.

Виктор Некрасов, Лауреат Государственной премии Киев, Крещатик, 15, кв. 10, тел 29-15-07

б/д. карандашом. В.Тендрякову. Крас. Пахра. (п/о Ватутенки). Средняя аллея, 7

Дорогой Володя! Миллион лет тебя не видел, в Москве бываю очень не надолго и кручусь, как белка в колесе. А увидеться бы хотел. Даже очень.

А теперь к делу. Этот молодой человек — Саша Парнис — обратится к тебе с просьбой, в которой, если можешь, не откажи.

За сим обнимаю и по-прежнему люблю. Привет семейству. Вика. (Собрание А.Е.Парниса)

4.12.68. Виктор Некрасов заступает за незаконно осужденных за протест против вторжения в Чехословакию.//Ламерхав. Израиль. (ЦГАМЛИ)

29.XII.68 С Новым годом, дорогой Шломо! Привет и наилучшие пожелания от меня, мамы и Исаака Григорьевича. Пусть Вам всегда будет хорошо! Обнимаю. В.Некрасов. (ЦГАМЛИ)

1969

27/I.69. Евдокии Мироновне Ольшанской

Дорогая Евдокия Мироновна! Давно-давно собирался Вам ответить и поблагодарить за фото (очень меня это тронуло), да всякие дела, главным образом мамин перелом ноги (все срослось, но еще не ходит), не подпускали меня к письменному столу. Сейчас искупаю свои застарелые эпистолярные грехи и спешу (!) от всей души поблагодарить Вас за милый и ценный подарок, а заодно, опять же с опозданием, пожелать Вам, как и всем нам, чтоб наступивший год был получше ушедшего. Всего Вам хорошего! В.Некрасов

Зеркало недели. №14 (№389), 13—19 апреля 2002 года

Открытка. Киев. Андреевский спуск, 13. Инне Васильевне Кончаковской

7.IV.69. Дорогая Инна Васильевна!

Никак не вырвусь к Вам один — одолели гости. Но вырвусь обязательно! Поправляйтесь! В.Некрасов (Музей М.Булгакова)

21/VIII.69 Дорогой Стасик!

Рад был твоему письму, а еще больше Асиной оценкой твоей вещи — мне по телефону она тоже очень хвалила. И ты прав — это поважнее, чем напечататься, хотя и второе не так уж маловажно.

Радуюсь, как и ты удаче (уже успех!) этих троих ребят. Интересно, на какой полосе опубликуют у нас все этапы победы...

Лето проходит и его как-то не видно — раза 4 был всего на пляже... Приглашают в Польшу — Польское Радио для участия в каких-то передачах, посвященных войне. Пустят ли? А сейчас жду к себе в гости Валегу! Вот так-то! Целую. Вик. (Из архива С.К.Славича)

В журнале "Новый мир"(1969, №9) опубликованы мемуарные очерки "В жизни и в письмах".

10.XI.69. Забавно с воспоминаниями В.Некрасова: он предпослал им несколько фраз, я прочел, охнул и схватился за свою красную тетрадь — почти то же самое! Придется переделывать. Как интересно получается : читаешь Некрасова и чувствуешь — о чем бы он ни писал, — какой хороший человек этот писатель, добрый и умница. И это ощущение у меня было всегда, задолго до того, что я узнал, что зовут Виктора Некрасова Виктор Платонович, что говорит он то-то, ведет себя так-то... Юлий Даниэль "Я все сбиваюсь на литературу". Письма из заключения. Общество "Мемориал". Издательство "Звенья", М., 2000.

1970

25.II.70. Открытка "Самарканду 2500 лет" Шломо Эвен Шошану

Дорогой Шломо!

Что давно нет от Вас известий. Напишите хоть три слова. У нас все по-старому, только сменили домработницу. Посылаю Самарканд — я был там в этом году. Жму руку. В.Некрасов. (ЦГАМЛИ)

Открытка. Евдокии Мироновне Ольшанской

16.IV.70. Дорогая Евдокия! Благодарю Вас за книжку стихов — тронут! Поздравляю Вас с её выходом и желаю дальнейших успехов. Жму руку. В.Некрасов. //"Зеркало недели" №14 (№389), 13—19 апреля 2002.

Открытка. Крым. Судак.

5/VI.70. Дорогие Клигера!

Вот такой у нас пляж. Народу не больше. Вода +21, солнце, ветерок, розы, маки, Лунгины, Марина и прочие прелести. Покой, тишина, прогулки в горы. Сон в большом

количестве. Работой не перегружен. Заявку написал. Симка ее перепечатает и отсылаю. 13-го появимся на 2 дня в Киев и назад, путевки продлены. Обнимаем. Целуем. Вика. (ЦГАМЛИ)

12.6.70. Виктор Некрасов клеймит осквернение кладбищ//Давар. Израиль.

В журнале "Радуга" (1970, №8) опубликована пьеса "Испытание".

20/VI.70. Дорогой Шломо!

Грустную, тяжелую весть Вам сообщу — 2 месяца назад умер мой самый близкий друг, известный Вам Исаак Пятигорский. Вот так-то: один за другим уходят друзья...

А что у Вас? Хотелось бы повидаться, но, боюсь, что дело это не скорое... Черкните хоть парочку строк. Ваш В.Некрасов. (ЦГАМЛИ)

24/X.70. Дорогой мой Стасик! Сегодня мамин день Ангела. Но ее с нами уже нет. Скончалась 7/X у меня на руках. Тихо-тихо, я даже подумал, что она еще не проснулась. Похоронили на Байковом, в одной ограде с бабушкой и тетей... Пусто ужасно. Вот год страшный... Целую. Вика (Из архива С.К.Славича)

1971

28.01.71. Киев Андреевский спуск 13, Инне Васильевне Кончаковской

Почтовая карточка. Сообщается адрес Зои Викторовны Кистяковской. Извинение — за задержку. Пожелание — выздоровления (Музей М.Булгакова)

1972

24/VI.72. Дорогой Мишель! Докладываю — пришел ответ от Иванова и Ирмы Тарсановой. Объединение одобрило мою заявку и передало ее в Главную редакцию. Окончательно решение, по словам Ирины произойдет где-то недели через 1,5–2. Письма очень милые — почему, мол, раньше ничего не присылал, всегда рады и т.д.

Вот так-то... Здесь по-прежнему прекрасно. Галка, наконец, начала купаться, что заметно отразилось на ее настроении и малость посвежела. Я более или менее бездельничаю, читаю Дюма и листаю Историю архитектуры И.Грабаря на предмет вставки чего-то о московской архитектуре (хранимой и прекрасно реставрируемой сов.властью) в свои "Прогулки".

Из новых появился Володя Корнилов и Евтушенко — доктор honoris causa каких-то двух американских университетов. Рассказывал, как его били и топтали ногами укр. националисты. Показывал шрамы. Приехала Мирель. Я стал еще чернее, вернее, лиловее. Вот и все новости.

К тебе просьба. Собери пришедшие письма, вложи в большой конверт (на полке слева от моего письменного стола, в одной из папок) и пришли сюда. Что в Киеве? Как Евуся? Что-то она Галке по телефону говорила, что собирается в больницу. Так ли это? За сим обнимаю. Привет от меня и Галки Лиде. Вика

12.X.72

В течение последних шести-семи лет А.Е.Парнис работал моим литературным секретарем. Кроме собственно секретарских обязанностей, А.Е.Парнис по моей просьбе выполнил ряд архивных и библиотечных разысканий, связанных с моей работой над киносценариями и прозой. Одновременно А.Е.Парнис занимался собственными разысканиями и исследованиями в области русской поэзии. Некоторые из этих его работ опубликованы и получили положительную оценку специалистов.

В качестве моего литературного секретаря А.Е.Парнис получает по договору 40 руб. в месяц. Вместе с литературными гонорарами его среднемесячный заработок составляет 80–90 руб.

Прошу рассматривать этот документ как рекомендацию А.Е.Парниса в групповой комитет литераторов. Виктор Некрасов (Из собрания А.Е.Парниса)

В.Кондыреву

15.10.72. Дорогой Витька!

Вместо книг посылаю очередную порцию "загранки". Заходил в "Мистецтво" к Саше — обещал взять на складе "Дельфы" и "Софию-Тырново". Бабеля, увы, достал только один экз-р, но, откровенно говоря, не так интересен, как думал. Как-то все воспоминания похожи друг на друга, да и большинство уже печатались (И.Эренбург, Паустовский, ещё кто-то). Наслаждаюсь сейчас купленным нами с тобой В.Дорошевичем — забыл уже когда читал... Разбираю по альбомам марки... Доделал "Трех святителей" — скульптуру на носу, под бугшпритом, и недоделанную Павликом корму. Одним словом, бездельничаю. Жду Ленинграда. Он, из-за Славки, все откладывается, процесс начался 12-го, кончится, очевидно, 20-го. Никого не пускают...

Приезжал сюда на 2 дня Пашка Лунгин. Внес струю молодости и веселия. Сашка втюрился в него по уши. И, кажется, взаимно. Они тайно (а в общем-то явно) малость пропустили у Сашки. Но все было в общем о'кэй! У меня — без новостей. Очевидно, будут тянуть до обмена п/билетов. Из РК не звонят. А я жажду трибуны! Этого они боятся больше всего.

Я, между прочим, решил тряхнуть стариной и "поднял" подшивки "Литгазеты" за минувшие годы — 47—48—49—50—51! Прелюбопытно и весьма поучительно. Все друг на друга срут! Но как! Приедешь — считаешь, получишь удовольствие! Ходил в кино. "Укрощение огня" — не смотри. Широкоформатное правительственное дерьмо про "ну как его, "глав.конструктора". Кирилл Лавров получил за это Нар. арт. СССР... "Признание полиц. комиссара" посмотри, прогрессивно, но интересно...Скучно, но любопытно, хотя в общем-то и мерзко "Вид на жительство" Про нашего, попросившего убежища в США... Обязательно пойди на "Благослови детей и зверей"!

У Сашки романчик. Деву не показывает. Пошел сейчас к ней на именины. Переоделся в мои джинсы и побегал за шампанским и цветами. — Во! Ну, будь! Целую семью. ВН

// Приписка: "Представляете,Таня? Решил пересканировать письма ВП и наткнулся на Ваших "3-х Святителей". Я о них совсем забыл! 20.3.04."//На мои вопросы о макете корабля "Три Святителя" В.Кондырев отвечал, что не помнит этого макета. В письме Галины Викторовны Олегу Лапину был вопрос, взяли ли они из Пассажа, где сторожили квартиру до переселения туда "короля Крещатика" — Ведин — "кораблик". А потом нашлась фотография, где Некрасов и Кондырев на фоне корабля. Павлик Наголкин — муж Зои Богорад. С его отцом Некрасов заканчивал техникум//(Из собрания В.Л.Кондырева)

20/XII.72.С Новым Годом, дорогие мои Борщи! Чтоб был он, как минимум, лучше прошедшего! Обнимаю! Вика. (Из архива А.М.Борщаговского)

1973

Открытка. Волгоград. Памятник-ансамбль "Героям Сталинградской битвы"

Фрагмент. Скульптор Е.Вучетич. Крым Ялта Платановая 11 кор. 2 кв. 46 С.К.Славичу

11/I.73. Привет из Сталинграда! Вот такое вот сейчас на том месте, где я когда-то воевал... А за спиной этой дамы с мечем студия телевидения, где мне пришлось сегодня выступать в связи с юбилеем. А завтра буду шляться по всем этим местам в одиночестве. Что-то вспомнится, когда отойду немного в сторону. Целую.Вика.(Из архива С.К.Славича)

В связи с тем, что Некрасов подписывает несколько писем в защиту преследуемых инакомыслящих, новое персональное дело. Исключен из партии " за то, что позволил себе иметь собственное мнение, не совпадающее с линией партии".

16.VII. 73. Мишель! Итак — первый срок позади, вчера начали второй. Жизнь прекрасна и бездумна. На погоду не жалуемся, вернее, в жару жалуемся, что жарко, в прохладе, как

сегодня, что холодно. Но все это в порядке вещей, как и жалобы на пищу и идиотский подбор фильмов. Так было, есть и будет...

Кругом хорошие люди — Лунгины, Марина, ну и еще кое-кто из неплохих — что еще надо?

А теперь о деле. Отдыхал здесь некий Володя Новохатько — заведующий в Московском Политиздате серией "Пламенные революционеры". У него вышли уже В.Корнилов, Окуджава, Володя Войнович и другие хорошие и не всеми любимые люди. Тиражи более, чем приличные — 200 тысяч.

Так вот он интересовался киевлянами. Я подсказал ему тебя. Подумай. Он собирается с тобой связаться. Парень очень симпатичный, умный и бывший моряк, почти твой коллега. А м.б. тебе имеет смысл самому написать — мы о тебе говорили и он ничуть не удивится. Скажи, что куда-то уезжаешь и В.П. велел тебе ему написать, чтоб не разминуться и чего-то там не прозевать.

Вот так-то... Как Лида, аллергии, давления и пр.? Галка более или менее молодцом. Еще не купается, ждет 24° в море, но гуляет и даже для этого встает в.... 6 ч. утра! За сим обнимаю. Галка кланяется. Вика. (ЦГАМЛИ)

1974

Черновик письма Генриху Беллю. Написано карандашом. 14,16.01.1973 (1974)

14/1.73. Дорогой Генрих!

Я нахожусь /сейчас\ под /сильным\ впечатление/м\ твоей статьи в "Ди Цейт", которую слушал вчера вечером по радио. Живя во второй половине XX века и находясь в 2-х—3-х часах лету от твоего Кельна, я лишен возможности прилететь к тебе, пожать тебе руку и поговорить обо всем /о чем так хочется поговорить\, о наболевшем, лишен даже возможности прочесть твою статью в газете, но, слава богу, радио сейчас не глушат и хоть с приемником в руках могу с тобой /общаться хоть\ правда односторонне, но пообщаться.

Так вот, я прослушал твою статью. Она не требует ни поддержки, ни слов благодарности — это ясно каждому /но еще не потерял остатки совести\. Просто мне хочется сказать тебе/и твоим друзьям — как важно \ а заодно и твоим друзьям — как важно в этот сегодняшний момент, который переживает сейчас русская литература, знать, что ты не один, что все, что происходит сейчас, у нас с Солженицыным и Сахаровым /волнует\ не только тебя касается русского.

Каждое утро я с трепетом разворачиваю газеты. Меня, правда, не удивишь. В сентябре прошлого года я читал "гневные" выступления ученых и писателей против акад. Сахарова, в 60-м против Пастернака, помню и начало 50-х годов /и тридцать седьмой\ и конец тридцатых. Сейчас я читаю Гэс Холла, статьи из "Руде право", "Трибуна люду", "Фолькстимме", "Нейес Дейчланд"...

Люби я гиперболы, я сказал бы что-нибудь вроде того, что /когда\ читаешь эти статьи, шевелятся волосы на голове или стынет кровь в жилах. Но я не люблю ни гипербол, ни штампов, говоря же проще — к этому привык.

Повторяю — меня не удивишь. Скольких прекрасных людей называли в свое время и предателями \и преступниками/ и врагами народа.

Ну, а теперь Солженицына... Не ново! И приемы не новые. Плевать на то, что читатель (наш русский, конечно) и понятия не имеет о чем идет речь, и никогда не читал и не прочтет Солженицынские "пасквили" и "варева", да и вообще в большинстве своем/увы\, даже не знает кто такой Солженицын. Враг — и все! (Вспомним шофера такси в известном письме Лидии Чуковской).

Итак — я ко всему привык, меня не удивишь. И все же я задаю себе вопрос. Ни тебе, ни кому либо другому, а именно самому себе. Кому этот позор нужен? Кому выгодна вся эта непристойность? \свистопляска/? Стране, народу, для поддержания чьего либо престижа? — русской литературе? Нет 1000 раз нет.

Оклеветать, оболгать, оскорбить Солженицына, конечно, можно.

Невозможно. Но он \Слава богу/ выше всего этого, вычеркнуть же его имя из литературы, увы, нельзя тоже — это не литературный словарь — там все можно.

И чего бы не навешивали на Солженицына его враги и завистники, им придется свыкнуться с мыслью, что вошел он в литературу прочно, по праву и навсегда —

Солженицын вошел в русскую литературу прочно и навсегда — и творчеством своим, и бескомпромиссностью /своей\ и бесстрашием. И мы— русские гордимся им!

Это уже стало аксиомой, а аксиомы, как известно, доказательств не требуют.

А теперь о том, из-за чего, собственно говоря, и загорелся весь сыр-бор, об "Архипелаге Гулаг". Как и большинство советских людей самого произведения я не читал, но, в отличие от большинства, о чем там написано /я\ знаю. И не из газет. Как у кого, даже из среды симпатизирующих автору людей, возникает не лишенный основания вопрос — а не перегнул ли Солженицын палку, не зашел ли слишком далеко, может и сам момент опубликования книги выбран неудачно?

Нет, не перегнул, не зашел, а удачных моментов, вспоминая тяжелое прошлое, вообще не бывает. Прошлое это было, и не просто прошлое, а история твоего народа, народа, познавшего столько, сколько не познал ни один народ в мире. Закрывать глаза на это прошлое — преступление. Обвинять в предательстве и измене человека, не желающего закрывать глаза — преступление не меньшее.

Я хочу знать — был ли XX съезд?

/Может быть его вообще не было? И XII-го тоже? И не выносил ли он резолюции — эти съезды — решения? И не принимали ли их единогласно и не требовали ли от всех нас претворять их в жизнь? И может эти решения отменены и в библиотеках их даже не выдают на руки?\

Принятое единогласно 1355-ю делегатами, представившими 7.215.505 коммунистов. И не голосовали ли за них в тот день 25 февраля 1956 года среди других делегатов 95 Героев Соц.Труда и 60 Героев Советского Союза? И не голосовали ли они тогда против так называемого культа личности, иными словами против террора, пыток и крови, которой залил страну Сталин? И не выносили ли тайно, ночью его тело из мавзолея?

Не сносили ли десятки тысяч памятников и бюстов /заполонивших в свое время города и села\, не сбивали ли барельефы и мозаики, не переименовывали Сталинград, а саму битву не называли ли битвой на Волге, не меняли ли Сталинским лауреатам значки на новые, с лавровой ветвью вместо портрета ?

А сейчас в Гори, на родине Сталина, я стоял перед его громадным памятником в центре города и бродил по залам музея его имени, где выставлены его портреты, /разглядывал\ фотографии и даже стихи, написанные им в 16-летнем возрасте. Специальный зал выделен даже для подарков тов. Сталину — это ничтожная часть того, что когда-то занимало все здание музея Революции в Москве. Бережно хранится под сенью колоннады и крохотный домик, в котором родился человек, имя которого нельзя было произнести без сопровождающих "гениальный" и "мудрый", а потом вычеркивалось из всех учебников.

Так кто ж он был? Герой или преступник? Мыслитель или тиран? Отец и учитель или завистливый, мстительный трус?

Ответа нет... В редких случаях можно услышать и то не слишком громко сказанное: "Допускал, конечно, отдельные ошибки, но его вклад в сокровищницу марксизма..." У иных и тех, что были когда-то "винтиками", вырывается другой раз более крепкое, более определенное: Хозяином был... Знал, что хотел... Нельзя России без крепкой руки"... Третьи молчат и ждут...

Писатель не может ни молчать, ни ждать. Он должен писать! Обо всем! Запретных тем у нас нет — как любят говорить у нас с высоких трибун съездов. О войнах и полевых станах, о героизме войны и буднях тыла, о борьбе и самопожертвовании, любви и ненависти, даже о цветочках (одно из стихотворений 16-летнего Иосифа Джугашвили начинается так:

*Раскрылся розовый бутон,
Прильнул к фиалке молодой,
И, легким ветром пробужден,
Склонился ландыш над травой...*

вот с чего он начинал...

— Но все это делай во имя... Во имя чего?

Ответ звучит банально — что поделаешь, — но он один : во имя торжества правды на земле!

Но тут же возникают тысячи — какая правда? Чья правда? Кому выгодная? С какой буквы — большой или маленькой? Ерунда! Правда есть одна. /И часто, ох как часто, горькая\ . И в большинстве своем горькая.

/Что поделаешь\И всегда она боролась с кривдой, ложью, обманом и с теми самыми "отдельными ошибками", которые стоили такой крови.

Дорогой Генрих!

Три дня назад я прослушал по радио твою статью, напечатанную в "Ди Цайт" и сразу же сел тебе писать. Последующие дни прибавили мне пороку — появилась статья в "Правде", а за ней, без сомнения, на наши головы посып\л\ется ворох "Гневных возмущений" академиков, писателей и э/к\скаваторщиков.

Пишу это письмо не только чтобы поблагодарить тебя за твое выступление — это само собой разумеется — а просто, чтобы сказать, как приятно знать, что есть где-то за тридевять земель человек, который не только думает о тебе, но и так же мучается, /переживает\ как ты и не боится возвысить свой голос в защиту /истины\.

Начну это письмо со слов благодарности Попову и Маркони. Только благодаря им мы можем иногда услышать друг друга, несмотря на все рогатки мировой разрядки...

Подумать только — во второй половине XX века я, находящийся в каких-нибудь 2-х -3-х часах лета от твоего Кельна, вынужден еще соображать, каким путем доставить тебе это письмо. Когда-то, задолго еще до авиации (?-нрзб), да и сейчас вроде есть и другой способ — лизнул конверт и бросил в почтовый ящик. Увы, все те же рогатки разрядки. В Хельсинки и Женеве до сих пор еще не могут решить не является ли это вмешательством в суверенные права государств и не нарушает ли это традиции и обычай той или иной страны. Итак, хвала и честь двум великим ученым, хотя и на них есть управа — нашлись же люди, которые придумали глушилки. Одно из самых позорных изобретений современной культуры.

Но, поговорим по существу. Бессмысленно оспаривать гнусные обвинения никому не известного Соловьева в "Правде" по адресу Солженицына. Они настолько лживы, злобны и беспомощны, что не требуют даже аргументации. Горько другое — "Правда" всё-таки есть "Правда" и читают ее миллионы, и многие верят. К сожалению, но это так.

Конечно же письма /бетонщиков и экскаваторщиков\ написаны руками циничных газетчиков — самим авторам глубоко на все наплевать — но много еще таких таксистов, вроде того, о котором писала Лидия Чуковская. "Я вот этими самыми руками хлеб собирал, когда был комбайнером, а он, видите ли, родину продает" — говорил этот малый /молодой шофер\ о Пастернаке, со всей искренностью презирая его.

Вот это, действительно, ужасно. Десятки, сотни тысяч людей верят /у нас\, что Солженицын и Сахаров действительно сторонники "холодной войны" и против разрядки. Я отнюдь не идеализирую нашу агитацию и пропаганду — уж больно она примитивна, но ведь все существующие в нашей стране средства информации к их услугам — газеты, радио, телевидение, лекторы, инструкторы, агитаторы. Обилие и однообразие этих средств вызывает, правда, соответствующую реакцию — радио выключают, а в газете читают в основном "спорт", но, так или иначе, яд все-таки действует. Я не встречал, правда, таких убежденно ненавидящих таксистов, как Лидия Чуковская, но от скольких людей я слышал удивленное: "И зачем им реально эта "холодная война" нужна, Солженицыну и Сахарову? Такие люди и не понимают"...

И говорилось это со всей искренностью и огорчением.

Вот в этом весь ужас происходящего... Верят, хотя и не понимают.

Далее. О том, из-за чего весь сыр-бор загорелся. "Архипелаг Гулаг". Отбросим — опять все обвинения в предательстве, клевете — тут все ясно — и прочих грехах, но может быть,

Солженицын где-то, действительно, перегнул палку, перешел границу дозволенного, выбрал неудачный момент для публикации? О моменте говорить не будем — вспоминать прошлое да еще и не очень веселое, отнюдь не радостно — идет ли борьба за разрядку или нет. Речь идет о другом — вспоминают ли о нем вообще. Кое-кому желательно — не вспоминать, зачем старое ворошить... Честнее же и не только вспоминать, но и /по\пытаться в нем разобраться. Если бы его — это прошлое — можно было бы вычеркнуть, но его не вычеркнешь — слишком много жизней и крови оно стоило! (Цгамлі)

(Черновики писем Г.Беллю датированы 1973, на самом деле это 1974 год. Прямо с письменного стола они попали в архив КГБ. Статья И.Соловьева в "Правде" за 14.01.74 называлась "Путь предательства". В "Откликах на статью" ("Правда", 16.01.74) было напечатано: "Злобные отклики вызвала статья "Правды" в некоторых из наиболее махровых реакционных органов империалистической пропаганды. Это вновь подтверждает, что антисоветчики и антикоммунисты за рубежом, как и их креатура, вдохновляются из одних и тех же источников").

17 января 1974 г. к Некрасову явились девять сотрудников КГБ с ордером на обыск, продлившийся 42 часа. В протоколе на 60 страницах — 100 пунктов.

12 марта 1974. Генрик Смит (специально для газеты "Нью-Йорк Таймс" Москва, 11 марта) Виктор Некрасов, премированный советских(?) хроникер второй мировой войны, рассказал сегодня о том, что, как ему сказали, его работы не будут больше публиковаться до тех пор, пока он не примет участия в осуждении Александра И.Солженицына и Андрея Д.Сахарова.

"Мне говорили, иногда прямо, иногда с улыбкой, что настало время сказать людям, по какую сторону баррикад я стою, — заявил г-н Некрасов, трижды раненый ветеран войны, в распространенном здесь письме, насчитывающем 1500 слов.

"Конечно, никто и не думает, что порядочный человек может позволить себе принять участие в этой позорной кампании клеветы, пролитой на головы самых достойных людей нашей страны — Сахарова и Солженицына — писал он. — Конечно это не цена за право работать и публиковаться."// Перевел А.Котляренко// ЦГАОО Украины.

13/II.74. Дорогой Стасик! Вот уже скоро 2,5 месяца, как ничего о тебе не знаю. Как и ты обо мне, впрочем, немного больше. Если будет охота черкнуть — мой адрес на ближайшие дни: Мос/ква\121069, ул Герцена 49 кв.52 Заманским для В. Я здесь уже третью неделю. Галка тоже. Киев, сам понимаешь, более-менее остоеб... Рафуля замучен работой и семьей. И Гаврилы всякие партнеприятности. Люсик ждет... У Лунгиных щенки. Ася в мраке. В лучшей из всех форме Володька В. Хочу знать о тебе! Целую. В. (Из архива С.К.Славича)

22 марта. Москва (Рейтер) Советы изгоняют сторонника диссидентов из Москвы в его родной Киев.

"62-х-летний г-н Некрасов, один из наиболее известных в стране писателей, пишущих о войне, и лауреат Сталинской премии в области литературы, рассказал друзьям в телефонном разговоре из Киева, что он и его жена были отправлены сегодня в первой половине дня самолетом в украинскую столицу"

//Перевел А.Котляренко// ЦГАОО Украины.

Гелий Снегирев "Роман-донос" За участю тижневика "Дзеркало тижня". Дух і Літера. Київ, 2000, С. 456. Печатається по "другому"— (ЦГАОО Украины)

21 мая 1974 г. ("Роман-донос" Г.Снегирева.) "Вернулся из Москвы Вика. Подал бумагу. Ну-ну. Вот эта бумага. Один экземпляр Ве-Пе подарил мне, другой —

21 мая 1974

Генеральному секретарю ЦК КПСС Товарищу Брежневу Л.И.
Уважаемый Леонид Ильич!

Я вынужден обратиться к Вам с этим письмом, так как все происходящее со мной и вокруг меня толкает меня на принятие определенного решения.

Условия моей жизни за последние годы сложились так, что я начисто лишен возможности работать. Вот факты. В мае 1973 г. я был исключен из партии, в которую вступил 30 лет назад в разгар боев в Сталинграде — об обстоятельствах этого исключения я в свое время вам писал. Два года тому назад, в марте 1972 г., был наложен запрет на издание моих произведений в Гослитиздате и с тех пор дорога к читателю мне закрыта.

Трудно, конечно, смириться с мыслью, что писателя, в свое время отмеченного Государственной премией за повесть "В окопах Сталинграда", книги которого изданы более чем 120 изданиями на 30 языках мира, полностью прекратили печатать. Но кому-то этого оказалось мало. Найдены были другие меры воздействия и наказания за то, что ты всегда стремился отстаивать свои принципы и убеждения. В январе этого года у меня на квартире был произведен 42-х часовой обыск и среди прочих вещей, изъятие которых может вызвать только недоумение, были отобраны и до сих пор не возвращены мои собственные черновые рукописи, которые я не успел даже перепечатать на машинке. В течение последующих шести дней я подвергнут был допросу. Не избежали обысков и допросов множество моих друзей. Интересовались в основном их взаимоотношениями со мной. Дошло до того, что одного из них — писателя и кинорежиссера Г.И.Снегирева за дружбу со мной исключили из партии и отстранили от работы.

В довершении всего последнее время я ощущаю явное нескрываемое внимание к моей особе. За каждым моим шагом следят. И не только следят. В марте сего года я был с женой выслан из Москвы по смехотворной причине — за нарушение режима о прописке (мы прожили у моего товарища более трех дней непрописанными!)

Без каких-либо оснований меня задерживает на улице милиция. В Киеве, в апреле месяце, продержали ночь в милиции из-за того, что при мне не было никаких удостоверяющих мою личность документов. В Москве, 6-го мая сего года, в день моего приезда, меня задержали на пути с аэродрома в гостиницу и без всяких объяснений продержали полтора часа в 88-ом отделении милиции, после чего, извинившись, отпустили. И хотя задержан был именно я, работники милиции объяснили задержку тем, что машина, которую вел мой товарищ, похожа была на другую, сбившую якобы какую-то девочку.

Все эти факты, значительные и более мелкие — являются цепью одного процесса, оскорбительного для человеческого достоинства, процесса, свидетельствующего об одной цели — не дать возможности спокойно жить и работать.

Я мог бы в этом письме перечислить все то полезное, что я, на мой взгляд, сделал для своей Родины, но все это, как я вижу, во внимание не принимается. Я стал неугоден.

Кому — не знаю. Но терпеть больше оскорблений не могу. Я вынужден решиться на шаг, на который я никогда бы при иных условиях, не решился бы. Я хочу получить разрешение на выезд из страны сроком на два года.

Ощущая явное недоброжелательство со стороны определенных органов, я обращаюсь лично к Вам, понимая, что решение таких вопросов требует самого авторитетного вмешательства.

Само собой разумеется, со мной должна выехать моя семья и дозволено мне будет вывезти необходимые мне книги и мой архив, как литературный, так и семейный, накопившийся за 63 года моей жизни.

Понятно, что такое решение принять было нелегко, — слишком многое связано у меня со страной, в которой я родился, рос, учился, работал, защищая которую дважды тяжело был ранен — но другого выхода у меня нет, меня на него вынуждают.

Писатель не может работать, зная, что каждую минуту к нему могут придти и забрать и не вернуть написанное. В ожидании Вашего ответа, с уважением. Виктор Некрасов
20 мая 1974 г. Киев, Крещатик 15 кв. 10. Тел 21-61-71. Некрасов Виктор Платонович

21 мая 1974 г. правление Киевской писательской организации исключило Некрасова из Союза писателей "как опозорившего высокое звание советского писателя антисоветской деятельностью и аморальным поведением".

14.06.74. "Вашингтон Пост" Роберт Г.Кайзер. Москва 13 июня

"Вы слышали, что Некрасов подал? Но Рихтер говорит, что он не подал. А Солженицын сказал, что он не будет разговаривать с теми, которые подают добровольно".

12 сентября 1974 г. Некрасов с женой Галиной Викторовной вынужден был покинуть родину.

J.Dulrain 20-35? 47 str. ap. 3 Astoria, 11105 NY New York USA

M.N.Oulianoff, 6 Mon Repos Lausanne 1005 Suisse

14/IX-74г. Дорогие мои ребята!

Мы уже в Швейцарии. Прилетели 12-го в Цюрих. Встречали нас Саша Галич с женой и Мая Синявская, которая забрала Джульку в Париж, пока мы туда не приедем. Ночевали в деревне под Цюрихом, а сейчас в Базеле у Тои. К вечеру уедем к дяде в Лозанну. Ошарашена я впечатлениями. Но в голове Россия, а главное дети. Ребят по Милкиному вызову не пустили, сказали Витьке — Вы русский и даже не приняли документы. Но с работы и он и Милка вылетели. Витя за два месяца до окончания аспирантуры. Мы, конечно, надеемся их всё-же выцарапать. Но, как... Подождем с пол годика.

Мы поживем немного у дяди (дней 10—12), а затем в Париж к Синявским и очевидно ненадолго в Лондон. Как устроятся наши дела и жизнь дальше, не знаю. На что будем жить — так же не знаем.

Лялька, Сашка. Авось не пропадем. Вика счастливый. Провожали в Киеве нас Дети, Гелий, Олег и Джулькин ветеринар и мой друг из Кр. Рога. И все. Но вообще отнеслись власти к нам вполне лояльно. Таможня была пустяковая. Шмона никакого, в смысле оскорбительного шмона.

Юрочка, маму я видела всего один раз, она боялась с нами общаться из-за отца. В этом отношении он оказался не на высоте. Увы. Ты должен это пережить. Нас все боялись в Киеве, как чумных. Но уехали мы без осложнений. Квартиру по договору оставили Севе Ведину из АПН. Помните его? Пенсию за 3 месяца (нас ведь по приглашению отпустили на 3 м-ца с продлением в течение 2-х лет. Паспорт на 5 лет) оставили безработным детям. Серебрякову продали Жене Евтушенко — и тоже детям. Из Москвы приезжали провожать только Лиля и Галя Евтушенко.

А в Москве (когда Вика и Витька ездили за визами) толпа друзей, кот. перестали временно нас бояться и решили проститься с В.

Ах! Милые Ирочка и Юрка, как бы все было иначе, если бы и дети уехали. А теперь... Заложники, как вы понимаете. По Милкиному вызову их никогда не выпустят. А как иначе? Все нужно обдумать в дальнейшем.

Вот вымуштрованы мы — пишу вам и все думаю, а вдруг этого нельзя писать. Идиотство. Ну, это письмо так.. наспех. Надеюсь, будем теперь переписываться нормально. Сейчас за нами зайдет Тоя с мужем и еще одна наша соседка по Пассажу (уехавшая сюда с мужем) и пойдем завтракать, а затем к дяде в Лозанну. Пишите пока туда. Последнее время ни от вас, ни от Люсика писем не получали. И дозвониться к нам нельзя было... Крепко целуем. Галя. Пишите. Как Витенька? Целуйте его.

19.IX.74. Ну, что же Вам сказать, ребята? Конечно же, у...ться! От всего... А главное, от самого факта. Все-таки... я ее, голубушку... Гулял я пару дней тому назад по Шильонскому замку и думал — ведь 8 месяцев тому назад (день в день — 17 янв.) сидел я на своей тахте и с грустью смотрел на его изображение в раме над Галкиной тахтой, пока Вити шарились в вещах...

Или — 8 лет тому назад мы с мамой отдыхали в Комарово, а в Москве судили Синявского и Даниэля. А сейчас мадам Синявская специально прилетает из Парижа в Цюрих, чтоб забрать Джульку! А?

В Киеве все было на высочайшем уровне. Жаловаться можно было только на обычную родную нашу волокиту — приемные дни, часы, обед. перерывы, нормальное хамство девиц в нотар. конторе. Зато ОВИР, ЖЭК, таможни — без сучка и задоринки. Не очень вышло с книгами. До 46-го года. В Киеве пробыть не удавалось, а в Ленинке оценили их в 500 руб., при чем платить надо сразу за весь список, отдельно нельзя, поэтому пришлось отправить через некое посольство (там друг) и то не всё. Рукописи и картинки тоже через него.

Огорчительнее всего, конечно, с ребятами. Ко всему прочему еще и Кривой Рог. М.Б. после Джексона что-то и станет легче, но вообще евр. вариант, хоть в чем-то и соблазнителен, но мне не очень нравится. Но дело, в общем, во времени...

Витька наш... Что б я делал без него — не знаю. Парень более чем — во! На мне были только учреждения, все остальное — продажа книг, упаковка и все прочее — все он — тихо, спокойно, без гвалта, весело. И вообще — молодец! Во всем! В этом мне в жизни тоже повезло.

Очень грустно, пожалуй, грустнее всего было мне расставаться с Сашкой. Совсем один он остается. Нахлынет сейчас на него весь Крещатик и податься некуда. Ужасно жаль его...

Удачно вышло (тьфу-тьфу!) с Севкой. Заключил с ним договор на поднаим и еще нотар.доверенность на право пользования квартирой сделал. Все таки свой человек остается и вещи растыкивать не пришлось. Ведь он, бедняжка, сколько уже живет в 10 м кв. с 16-лет. еще парнем Таниным...

Ну, кончено! Поехал в Монтрэ, в гости к... Набокову. А? Что скажешь?

Целую всех! И люблю! И рад, что увижу. В. Галка напишет отдельно.

2/X.74. Открытка. Зимний вид Женевского озера.

Дорогой Стасик! Такого, как здесь изображения, я, правда, еще не видел, но говорят, бывает... Шлю тебе привет вместе с Галкой из Женевы, куда приехали на недельку погостить и были бы счастливы получить от тебя какую-нибудь писульку. О впечатлениях — в след. раз. Целую. В. Обр. адрес: N.Oulianoff (pour V.N.) 6, Mon— Repos1005, Lausanne, Suisse. (Из архива С.К.Славича)

21.XII.74. После забастовки посыпались письма сразу за окт., ноябрь и дек. — не успеваю отвечать. Но обязательно напишу! Целую. В.

1975-1986

В 1975-1982 гг. работает заместителем главного редактора журнала "Континент", много путешествует, регулярно выступает на радио "Свобода".

1975

12.I.75. Дорогие наши Дулер`а!

Давно-давно вам не писал. Но сегодня, в юбилейный день (ровно 4 месяца) решил перекинуться словечком.

Жизнь наша прекрасна. Даже более того. Отдельный дом, чудо-городошко, комфорт, тишина, покой. Никто не морочит бейцы — даже по телефону. Дом этот в полное наше (до лета) владение предоставила нам милейшая франц.(русс. происхождения) писательница. Вот и нежимся. И я, наконец-то, принялся за окончание, доделки, переделки своих "Прогулок". До предполагаемой поездки в Англию (университеты, 3 недели, конец февраля) думаю закончить и, если удастся, перепечатать и сдать в "Senie", издат-во, кот. издавало в свое время "Киру". А

русский вариант, очевидно, в "Континент" (кстати, что вы о нем скажете?) Тогда и авансик получу. Пока-то с деньгами более или менее нормально — кое-что получил за переизданные недавно "Окопы" (5-е издание, а за первые четыре — 30 тыс. фр.— они, гады, заплатили наконец-то коммунистич. агентству, которое передало деньги мои "Межкниге", а мне — х..й! Есть у меня лит. агент (чудный, ленивый парень) и адвокатша — она собирается затеять тяжбу, но кроме рекламы она, конечно, ничего не даст. Кроме того, ленивый мой малый собирается что-то стянуть с 30-ти западных издательств, которые издавали мои книги. С 35-ти социалист. хер возьмешь. Вот такие-то дела. Кое-что подрабатываю на вашей "Свободе" — слушаю и оцениваю передачи. Не без удовольствия узнал как-то и твой хамский голосок...

О Киеве? Никакой ностальгии. Е-ал я все эти каштаны и липы! Друзья? Раз-два и обчелся — Рюрик, Ирка Доманская с Женей, Севка (никак до него не дозвонюсь, он же в моей квартире остался) ну и, конечно, Сашка. Оба последние особенно, как-то, меня волнуют. О Глевахе узнал от тебя. А мой Сашка никак не пробьется ни к какой бабе — одинок до жути. С перебоями, но все же пьет. Геляше совсем плохо. Не работает, болеет, жена мудачка. Зато Рафка (пропустил в списке) снимает сейчас Пушкина в Одессе, а посему часто ездит в Михайловское и Питер... Вот так-то, дети мои...

О "наших" детях напишет Галка. Пока что на мертвой точке. Целую многократно. Вик

16/II.75.

Дорогие мои Дулера! О чем же вам написать?

1. Кончил работу "Записки зеваки". 170 стр. на машинке. Перепечатывает Анжела. В четверг, 20-го, отдаю в изд-во Senie... Выполнил план с превышением. Поставил срок — 2 мес., сделал за 1,5! Русский текст отдам в "Континент" — надо поддержать нужна проза. Моя! В Союзе (со слов Высоцкого — он здесь) журнал принят. 2-й номер лучше, мол, первого. Сделаем 3-й и 4-й еще лучше!

2. В следующее воскресенье едем в Англию (23-го). На месяц. Буду трепаться в университетах Лондона, Оксфорда, Брайтона, Эссекса, Глазго и Бирмингема. А? Будут платить. Организовано, кажется, хорошо.

На весну — апрель — намечается Израиль. Это все в руках Люсика. Он там уже профессорствует в Иерусалиме.

3. Вроде как подыскали квартиру в Париже. Громадная, дорогая, нелепая, но очаровательная. В доме художников. С громадным ателье. Очевидно, придется заняться монументальной живописью или скульптурой. Кроме того, еще 3 комнаты, 3 балкона, 2 сортира и уйма стенных шкафов, что, в общем-то, и сразило Галку. Все это с расчетом на детей. Цена 1600 фр. в месяц. Не мало, хотя по парижским ценам, цена этой квартиры не меньше 3 тыс. Район не плохой, хотя и не центр. Метро — рядом. 7-й этаж.

4. Дети... Приняли документы. Характеристика с новой работы. Было собрание. 15 минут. Без всякого хамства и блядских вопросов. Жалкие попытки были тут же пресечены председателем.

5. Киев... Неважно. Плохо с Сашкой, плохо с Севкой. Сашка ушел с работы (!), по-видимому, пьет. И вообще я боюсь за него. Совсем одинок. С Галкой не встречается. Только на сессии.... О Севке ты знаешь Витька звонил ему, говорил с Таней. Насколько я понял, не все ладно с квартирой. Он до сих пор не прописался. Возможно, это его вина, возможно, чинят препятствия. Сюда — ни разу не написал. Звоню — говорят — не отвечает.

Остальные киевляне. Пишут Рюрик, Ирка Доманская, Рафуля, пару открыток от Гелия. Он тоже без работы. Занимается йогой. С Катей то ссорится, то мирится.

Пишут Олег с Лялькой, правда, давно уже не было... Москвичи пишут редко. Пару раз говорил с Володей Войновичем. Здесь вышла его книжка, "Чонкин", и я подтолкнул ему выплату гонорара. Вообще-то сидит на бобах...Ну вот и новости наши.

Влюбилась в своё Marlotte и с тоской думаем, что придется его когда-нибудь покидать. Обуржуазились, обмещанились, обросли. Тишина, уют, комфорт, а к тому неожиданно

свалилась весна — все цветет и распускается. На столе розы из собственного (?) сада. Теплынь. На солнце до 20 (град.).

Захочешь ответить — пиши на лондонский адрес: Michael Scammell, "index", 21, Russell Street, Covent Garden, London WC2B 5HP. Целую! Вик

18.II.75. Падло! Какую это я тебе нерезкую фотографию послал? Не было такого! Если, где мы идем с авоськами — то она резкая. А, если другая — не знаю. Может, Галка послала.

Второе. Откуда я тебе достану фото Славика? Обрежь меня и отдай, куда надо. Остальные все в багаже, а багаж в ящиках, а ящики в гараже Синявского. И раскрыты будет не раньше, чем месяца через 1,5.

Третье! Почему за Золотаревского пишешь ты ? Передай ему что я прерываю дипломатические отношения и отзываю послов. Сестре не пишет, б...! Врет! Они там сходят с ума — так пошли телеграмму!.. И Литвинов тоже. Сообщи мне его адрес — я ему напишу. Пиши на: Michael Scammell, "index" 21, Russell Str., Covent Garden, London WC2B 5HP

Открытка. Лондон, Пикадилли

1.III.75. Дорогой Стасик! Привет из Лондона. Приехали сюда на месяц — посмотреть и малость потрепаться — лекции. Впереди многое — в том числе и Шотландия. Всё очень симпатично. Постепенно влюбляюсь в англичан — медлительных, милых и невероятно... болтливых. Целую. В.

Приписка сбоку: За дальним красным автобусом китайский ресторан... Ничего, съедобно. (Из архива С.К.Славича)

Инне и Аркадию Галинским

22/III.75. Дорогие мои Инна и Адик!

Не знаю, удивит или не удивит вас получение этого письма, но очень хотелось бы, чтоб обрадовало. Я часто, очень даже часто вспоминаю вас и те немногие часы, которые провел у вас дома и в прогулках по сиянукским и нородомским переулкам. Вспоминаю все разговоры на кухне за чашечкой по-галински сделанного кофе, воспоминания и прогнозы, планы, перспективы, ближневосточные проблемы и отдельные характеристики тех или иных персонажей. Вспоминал и в Париже, вернее под Парижем, в тишине и уюте домика наших друзей, в котором мы жили (и творили!), вспоминаю и сейчас, в городе, по-английски написанном в начале этой страницы... Здесь я закончил свое лекционное турне по англ. университетам и, хотя и валюсь с ног, но решил всех обрадовать (и тут же становлюсь в тупик — действительно ли так уж радую) В Англии я месяц, за кордоном — 1,5 года... Человек я беспечный и легкомысленный, поэтому далеко не заглядываю. Проблем здесь миллион (как везде и как и ожидалось), но не во все я в силах вникнуть, а другие, мне кажется, яйца выеденного не стоят. У меня же их три. 1) Писать (и по возможности с этого жить). 2) Поглядеть свет. 3) И иметь рядом детей. Последнее зависит, понимаете, не только от меня, а первые две с божьей помощью осуществляются. Что будет дальше, покажет время, пока же пожаловаться на отсутствие внимания и заботы не можем. И во Франции, и здесь. Осесть решили в Париже. Стоит, блядь, мессы! (Название одной из моих будущих книг.) Квартиры пока нет, живем у друзей (хороших!), книги и вещи еще не распечатаны. Вот вернемся отсюда (а я еще на недельку-полторы в Канаду, а?) и займемся этим делом вплотную. Так и говорите всем, кто будет спрашивать, чем Вика занимается во Франции; ищет в Париже квартиру... Разве можно придумать занятие заманчивее? Здесь (во Франции) переиздали "Окопы", т. что на первое время хватило. Перед отъездом сюда сдал в изд-во свою новую вещь. Собственно говоря, она старая, написана более 3-х лет тому назад и благополучно пролежала 1,5 года в "Н. мире" и столько же в "Москве" (пожаловаться не могу — и те и те заплатили по 100%), а теперь дополненная и расширенная, надеюсь, к лету-осени появится на книжных прилавках Лютеции. Вот так-то, дорогие мои. Из Киева уезжал без всякой грусти. Горсточка, человек 10—12, провожающих, остальные... А прожил я в Киеве все же 60 с гаком. И жителей в нем 1,5 мил-

лиона... Общий наш друг года два уж как не общался. Так, на людю: привет-привет. Жаль; ну, будьте. Пишите по адресу: 12, Rue: Ciceri: France: Мне. Целую. В.

2.V.75. Дорогие Юрка и Ирка! Ну и ну! Только сейчас малость вздохнул. Валяюсь на траве, в нашем садике в Marlotte и загораю свое бледное туловище на солнышке... И пытаюсь сообразить что же произошло и с кем виделся за эти последние два месяца... Даже, кажется, с вами, если не изменяет мне память...

В Лондоне пробыли 2 дня. Потом один в Париже — с помощью Жюля Мока (!) за час справился с префектурой (виза в Швейцарию) и за 5 минут с консульством.

В Женеве боролся и... малость позволил себе распустить вожжи. (Галка осталась в Париже). Но все о'кэй — не волнуйся! Свалились откуда-то деньги и опять... (нрзб.) — сам себя не узнаю... А может, это и есть моя истинная сущность.

После женевской борьбы поборолся еще (23.IV) в Париже — день Лени Плюща, а потом... Потом не ждано-не гадано свалилась на голову квартира!!! Через друзей. В центре Парижа, возле Пигаль! Три комнаты! Полная мебелировка, даже посуда, белье и серебро. Пока нет только телефона, но различные Мокки помогут. Галка, как всегда, ворчит на малый размер кухни, отсутствие вокруг зелени и прогулочно-сортирных мест для Джульки — ну да хрен с ними...

Люсик тянет в Израиль. Но когда? Надо переезжать, что-то там убирать, мыть, перевозить... Да и у ребят скоро ОВИР'овские 3 месяца кончатся — 17 мая... Только что говорил с Витькой. Ваше сертификат. извещение из Внешпосылторга получил. Поблагодари Штейншу — все-таки за 2 недели дошло. Твоих посылок пока нет. Твои пакеты получил, но еще не читал. На чортову гибель писем надо ответить.

Приписка: Теперь просьба. Даже не моя, а Миколи Руденко. Вчера получили от него письмо, через кор.Рейтер. Его уже исключили из партии. О дальнейшем ты знаешь по радио... Кстати, в Женеве я о нем выступал. Так вот он что-то написал и переслал в США Борису Шрагину. Разущи его и попроси переслать мне экземпляр. Только не тяни... Обнимаю! Галка шлет привет! В.

Витька был в Киеве. Видел Сашку — работает на Днепре на какой-то станции. Севка в ВААП каким-то агентом на 100 р. Бодрится. Квартиру более или менее засрали... Всю! В.

20.VII.75. Теряемся в догадках... Что с вами? Полтора месяца нет от вас ни звука. В начале моей болезни одно письмо с милым, но абсолютно ненужным предложением и с тех пор ни звука. Позвонила бы Галка, да она все живет у разных людей, а здесь с телеф. разговорами дико жмутся. Странно и непонятно... Уж не случилось ли что? А у нас?

Вот валяюсь уже во второй больнице. После первой мой друг (еще по Москве) французский врач Идат, показал меня своим друзьям хирургам и было решено сделать еще одну небольшую операцию, которая успешно и прошла. Чувствую себя хорошо и дней через десять, очевидно, выпишут. И переселюсь я к Эткиндам (неделю мы уже у них прожили) — они уезжают в Швейцарию и оставляют нам пять комнат с садиком, в котором я сижу в шезлонге или валяюсь на раскладушке под развесистой сливой.

Вот такие наши новости.

Читаю, читаю, читаю... Всё — Набокова, Владимова (найди последние "Грани"), мемуары и даже "Герой нашего времени" и "Дубровского" с прочими "Пиковыми дамами". А сейчас взялся за свое детство — "Маленький лорд Фаунтлерой". После Максимова даже какой-то глоток... Об остальном напишет Галка... Целую. Вик.

AEROGRAMME Expéditeur: Nom B.Hoffman. Adress 77, 13— St Michel Paris, 5, France

24.8.75. Дорогие Дулера! Слава богу, связь наладилась. Письма идут довольно долго (Н.Р.С. я получаю с более чем с месячным опозданием), но все же доходят.

Дела мои идут на поправку. Рана заживает, Галка сама теперь меняет наклейки, не хуже сестер. Живем у Эткиндов. Прекрасно. Садик и книги — что мне еще надо? Влип в Толстого.

Ничего — старик умел... Перечитываю забытое. Гуляю — по нашему Сюренье (предместье Парижа), иной раз, когда подвернутся друзья с машиной, делаю вылазки в Париж. В сентябре нацеливаемся на Юг, к морю. Куда точно — еще не решили — возможно в... Монте-Карло(!), вернее где-то рядышком — гостиница, недорогая — 50 fr. в день — даже с кухонькой. Ужасно хочется покупаться. Два года не видели моря.

У детей ничего нового. Думаю, что пора начать действовать. Правда, все это не раньше сентября — все сейчас в разъезде, Париж пуст. И друзья разъехались. И всякие там боссы тоже.

С Люсиком иногда (2 раза) — говорю по телефону. Он на 0,5 года собирается в Берлин, читать лекции. Где-то, очевидно, в окт.-ноябре. Все же ближе. А тебе не хочется прочитать пару лекций, в Сорбонне, например?

"Зеваку" все, что хочешь. Кстати, я стал ловить "Свободу", хотя и глушат. Правда, только русскую. Вашу — ни разу. Целую. В.

V.Nekrasov, 7, Rue La Bruyere Paris, 9, France

24.9.75. Дорогие Дулера! А еще лучше дорогой мой Юрий блядь Дулерайн — это мне пришло в голову, прочитав take Yuri B.Dulera... Так вот — докладую. Мэри уехала, натрепавшись досыта (кстати, о вас она говорила только тепло и все интересовалась, кто такие Золотаревские — кстати, что ты можешь мне о нем сообщить?), а через 3 дня приехал на машине из Парижа Люсик с дочерьми. И сразу стало как-то веселее. Дочки позавчера укатили обратно поездом в Париж и стало еще лучше.

Вообще машина все-таки и таки-да вещь. Мотнули в Монте-Карло — усирательный городок — вчера были в другом знаменитом мировом курорте — Сен-Тропез, завтра собираемся в Ниццу и в Антиб, где живет моя 94-летняя тетушка (не только дяди у меня такие...) Одним словом, о'кэй. Купались, преодолевая каменные преграды здешних пляжей, с завистью любимемся бесчисленным количеством бороздящих волны яхт (Люсик на них просто помешан), переругиваемся с Галкой и с некоторой тоской думаем о возвращении в Париж, где надо сразу же приступить к "витью гнездышка"...

О "Континенте"... Синявский ушел из редколлегии, но не ушел, как автор и с Максимовым у него по прежнему отношения прекрасные. Мое "замство" ни в какой степени не связано с этим уходом. Просто я увидел, что Максиму одному (а он делал фактически все — один) очень трудно, не с кем посоветоваться, дать прочесть рукопись — вот я и решился на этот шаг, за который получаю 1500 марок (около 2700 фр.) с обещанием увеличить до 2000 марок. Это не ахти — как много, но все-таки будет что-то стабильное.

Из Кривого Рога получаем письма, пишем туда и пересылаем вещички — по телефону само собой разумеется, давно не говорили. Витька бодр (а может и бодрится) и все понимает и слушает передачи. Я, увы, ничего не слушаю — глушат, гады — иногда только что-то прорывается и то гл. образом Голос Америки...

И фото твои и текст о Киеве получил, но прочесть не прочел — все находится в нашей квартире, а я в ней еще не жил — живут в основном друзья, в данном случае Люсикины дочери. — Из Киева пишут (редко) Лапины, чаще их стал вдруг писать Сашка (вроде женится). Начисто умолк Рюрик и Гелий. Изредка пишет Рафуля.

Из москвичей полный контакт с Сацами, с остальными время от времени. Целую. Вика.

27.X.75. Дорогие Дулера!

"Вакансы", как здесь говорят, наши давно уже прошли — вернулись 30-го и сразу же приступили к "витью гнезда". Честь и слава Люсику! Не будь его и "гнезда" бы не было! Приехал он к нам в Theoule на машине, малость поехали по Ривьере и на ней (старенький пэжо) вернулись в Париж — на этот раз не по авто-страде, а через горы, через Гренобль. Прелестно! И тут же, с места в карьер принялись за квартиру. При диком сопротивлении Галки, отселили ее к Эткиндам и вдвоем принялись (был еще третий "грузчик") за то, что отняло у нас целых пять дней. Появился у меня и письм.стол (привезли из Марлотт, —

Люсик сначала разобрал, потом собрал), купили недорогие составные полки для книг — и сделав основное, Люсик улетел в свой Иерусалим. А я доделываю. Развешиваю картины, старые акварели из столовой, Шильонские замки, дедушкины и прочие портьеры, роюсь и выбираю фотографии — короче, пытаюсь создать иллюзию Пассажа. Вещей, как таковых, никаких — только старый ломберный столик и мамина раскладушка, конечно, с книгами. С пересланными из Киева бандеролями (штук 60 пакетов) даже не притрагивался — они еще у Синявских. Остальное — бирюльки "дорогие, как память". В этом и роюсь и размышляю. Самое сложное, но и новых, здесь приобретенных столько, что уже всю мою комнату заполнили. Но есть, слава богу, подвал — сухой, чистый, прибранный, куда второсортное и отправлю. Одним словом постепенно все налаживается — даже в крохотной кухне Галка стала привыкать. Хуже — с шумом — окна на улицу и машин все-таки много. Но — что поделаешь — надо и к этому привыкать. Жить можно...

С детьми — ничего нового. "Ждите"... Логика, железная логика!

Письма регулярно получаем только от Дарки и Раисы Исаевны. От киевлян — более, чем редко. От Рафки месяца три тому назад, от Гаврилы с 0,5 года. Рюрик вовсе умолк. Пописывает Сашка — вроде женится! От Лапиных тоже давно не было.

Ну, а с вашей посылкой родителям — просто анекдот! Год почти шла? Наши получают более или менее регулярно — детские вещи и книги по почте (1–1,5 месяца), кое-что оказией... Последние сертификаты пока не получили, оказывается в переводе не было отчества... Гады...

Был у меня с визитом Миша Козаков. Туристом, на 9 дней. Обалдел и ошалел от Парижа. Нет, говорит — туристом нельзя! Переполняешься и ничего не соображаешь...

Приписка : Посылаю несколько фот. Нью-Йоркских и одно монашеское. Целую! Галка шлет привет. Не забывают.

23/X состоялась свадьба Люсикиной Ирки. Выскочила за какого-то бывшего киевлянина.

Что у Золотаревских? Приезжает ли к вам Коржавин? "Зеваки" вышлю завтра. Усе.

Открытка: Вена Собор Св. Стефана. Обратный адрес: V.N. Bern. Suisse

25.XI.75. Дорогие Дулера!

Привет из Берна, куда приехали из Вены — PEN-конгресс. Представлял Францию — один! Они, французы, чего-то не заплатили и постыдились.

Встречался с Бр.Крейским. Обещал помочь. Трепался по радио, теле...

Сейчас, здесь символически получал премию для Любарского. Пишите! Целую. В.

Открытка С Новым Годом!

С Новым Годом, дорогие Дулера!

Хай буде він краще минулого й, гірше прийдешнього!

Я расколосся. Был в вашем Мюнхене. Малость потрепался к ужасу Галки.

Подробнее в майбутньому році. Целую Вика. Галя

1976

27.II.76.

(По штемпелю конверта 1976 год). Дорогие Дулера!

Давно вам, чай, не писал. Каюсь, признаюсь... Чорт знает почему — и на работу не хожу, а вот ни на что не хватает времени. Люблю тихие, домашние вечера, но почему-то всегда кто-нибудь приходит или, что еще хуже, куда-то ходим. Зачем, спрашивается... Лучше уж посижу и с друзьями, на расстоянии поболтаю.

К Парижу постепенно привыкаю и начинаю по-особому любить. Иногда — увы, реже, чем хотелось бы — просто шатаюсь по городу, а то и в Лувр зайду, или на выставку Тулуз-Лотрека или Маркэ... Бывает...

Последние 10 дней общался с Люсиком Гольденфельдом. Заехал по дороге в Берлин — там у него лекции — в гости и сразу стало как-то теплее и уютнее. Не хватает все-таки

"советских"... Но и не все годятся. Уезжающие обратно — все-таки не то. Был здесь и Марлен, и Миша Козаков, и Ю.Любимов и даже Евтушенко — но все они, в общем, по разному, но все же малость перепуганные или запуганные, суетливые, усталые, задерганные... А вот с Люсиком хорошо. Ездил недавно в Киев одна мировая баба. Она с министрами и ее не шмонают. Пропаивалась всю ночь с Сашкой Тк. Дошли друг до друга. Привезла от него письма. И рассказала о нем. Ничего веселого. Женился! Но жена сразу же укатила в Москву повышать квалификацию. Продолжает сдавать свои киношные экзамены. Служит каким-то матросом на вод. станции. С Бахусом, конечно-же, не расстанется. Одолевают крещатицкие алкаши. Бывает у Лапиных. Кстати, пишут ли они тебе? Нам очень редко, но все-же...

Вообще-же с киевлянами плохо. С Москвой лучше. Пишут Сацы. Регулярно. Лунгины остерегаются, не балуют. Ася тоже — так, открыточки. Пишет Ким — остроумно, но грустно. Было письмо (ответ) от Тендряка, Булата... Вот так-то.

Я все рвусь засесть за продолжение "Зеваки", но нет Марлотт. Вот, сделаем Галке операцию, поедет м.б. под Тулузу в тихий дом одной милой женщины. Вот там м.б. удастся.

Приписка: Как и что Мэри, Олеся, Эмка Коржавин, Толик? Всем им напишу — так и скажи. (1 февр. — можешь и передать!)

28.II.76. Ну, дорогие мои ребята — есть уже и радостное в нашей жизни. Дети получили разрешение на выезд!!! Сейчас двинули в Киев и Москву и что-то там закругляют, устают и соображают. Думаю, что через недельку — полторы будут в Вене. Туда, во французское посольство посланы уже соответствующие письма. Вот так-то... Подробности всего этого дела — потом, когда мы этих гаденышей обнимем

Второе — Галке сделали операцию глаз. Обоих. И с успехом. В одном из лучших парижских госпиталей — Ротшильда. И один из лучших врачей. И — бесплатно!! Начался подбор очков. Это не сразу. Но главное — видит! Цвета, морщины на лицах(!) и Париж... Вот каковы наши успехи! Пишу все это кратко, чтоб не задерживать письма и сразу вас обрадовать! За сим — целую! И Галка тоже! Вик.

2/IV.76.

Открытка. Вид Парижа. Олегу Лапину.

Так вот, Олег, знай наших!

Есть у тебя Булгаков! Зашел в "91 овс" ("Правда", "Известия", "Огонек"...) купить 2-х томник Шукшина, купил, вышел и гляжу на витрине он самый, родненький совсеми маргаритками... Ну, подумал, подумал, стоишь ли ты этого... В общем — есть! Теперь буду ждать оказии в Москву. Не рискую по почте. Письма твои еще не получил, жду... Целую всех твоих.. Настроение — сами понимаете — хорошее. И Галка видит... От меня сюда 5 мин. ходьбы.

30.5.76 (Дата почтового штемпеля). Привет, ребята!

...учатся все. С переменным успехом. Галка занимается уже свыше 1,5 лет и без заметного результата. Ребята — месяц и уже с грехом пополам могут сказать что-то про двери и окна, что они закрыты или открыты. Вадик тот, хотя и не понятно, что делает в школе, но с пацанами на улице уже нашел общий язык и его оттуда не вытащишь. Я? Что ж, тихо, по стариковски радуюсь, умиляюсь и иногда порываюсь, но и то без злобы. В общем — свершилось! У..ли голубушку!

Связь с Родиной что-то ослабла. Письма из Москвы стали не доходить и мои туда тоже. Бляди — другого не скажешь.

Галка в новых очках, все видит, всех учит уму разуму, подымает волну, а посему авторитетом особым не пользуется. Письма от нее не ждите — забот по горло. Целую. Вика.

Fenoza (pour V.N) Portal del Perdo Vendrell, prov.Tarragona Espana.San-Visente

1 авг.76. Дорогие мои быв. киевляне!

Привет вам из Испании — виноват! — Каталонии, это, упаси бог, нельзя путать, как Украину с Россией...

Занесло сюда отдохнуть от расплавившего нас в конец Парижа и милого моего семейства — покупаться, позагорать и ПОРАБОТАТЬ!

За полтора года (с февр. 75, когда закончил Зеваку) сел впервые. И основательно. Сегодня план (100 стр.) выполнил, с понедельника начинаю перевыполнять. Во как!

Живу в сверхчаровательной деревушке, самой, что ни на есть исп... виноват, каталонской. Вместе с двумя чудесными бабами — Жанной (Килиной дочкой) и Неллей Курью — быв. москвичкой. Жанна с пацаном — 1 год — уже уехала, остался я с Неллей и ее 9-лет. Иваном. Живем душа в душу. Ежедневно пляж — в поисках пустоты ездили за 12 км, конечно же, на машине. Развлекаться же, расширять кругозор и шататься по лавочкам ездили в Тар-р-рагону (названия-то какие!) или в Барселону. И от той и от другой усрать. А рядом, в 2 км маленький городишко Vendrell, где делаются покупки, почта, фото, ну а по вечерам, иной раз и чашечка кофе под платанами paseo General issima Franco! Дожил!

Конечно же был и на корриде — сбывлась мечта идиота. Вещь! Быка, конечно, жалко, но как в анекдоте про ребе Рабиновича и двух петухов — белого и черного — "Ну и х... с ним!" Ирка за кровожадность мою меня осудит, но и тут... На память купил две бандерильи. Вообще в смысле покупок, рискуя быть всеми нормальными людьми презируемым — покупаю сплошные ненужности — гербы, кинжалы, пистолеты корсарские, якобы старинные статуэтки и ничего полезного. Только Сашке нашему купил каталонский свитер, чтоб повергал весь Киев. В 20-х числах туда едет Анжелка (писала ли она тебе?)

Галка в Женеве, у друзей. Вадик только что вернулся с юга, из скаутского лагеря. Среднее поколение парится в Париже, одолевает французский. Хорошие они ребята, можно с ними жить ...

Вот так-то... Мельком на аэродроме видал Эмку Коржавина. Он пытался завести роман со "Свободой". — Из Союза письма все реже и реже. Три месяца пробыла в Париже Лилька Лунгина. Натрепались, нашлялись до "несхочу". Уехала и как в воду канула. Впервые в жизни не рвалась она к своему Симке...

Приписка: Состоялся ли Монреаль? Отчитайся.

(Письмо Ф.Г.Раневской явно предшествует поздравительному письму из Осло.

Публикатор Ю.Данилин считает, что речь идет о книге "В окопах Сталинграда".)

Милый, дорогой В.П.

Не могу писать писем, а потому послала телеграмму. Боюсь, что Вы ее не получили. Телефонистка-кретинка уверяла, что Крещатик — фамилия. Я орала в трубку: Катя, Роман, Елена, Щорс... Телефонистка спросила: "Что это Щорс?"

Нестерпимо грустно. Очень хочется с Вами увидеться.

Браню себя, даже ненавижу себя за то, что болтала всякую ерунду (хотела произвести впечатление) и не давала Вам говорить. Книжку читала с восторгом, с восхищением и чувством черной зависти. Хотелось бы и мне так писать. Получила грозное предупреждение — от издательства. Строчки не могу выдавить.

Пожалуй, единственная болезнь, которой нет у меня, — графомания, а как бы сейчас она мне пригодилась...

26.VIII.76. Осло. Дорогая, дорогая Фаина Георгиевна!

Вот видите, как в жизни случается. Вернулся я из леса, норвежского леса на берегу озера. Включил транзистор послушать последние известия и вдруг слышу, как Завадский поздравляет Вас. Вот так вот, прекрасно модулируя, говорит о вас массу прекрасных, одно лучше другого, слов.

А потом объявили пьесу с Вашим участием. И Вашего неизменного Ростислава Плятта...

Я развалился на диване и, устремив глаза на сосны и ели, стал слушать историю о стариках и детях в этой проклятой Америке...

И услышал Вас... И вспомнил Вас. Единственный мой визит к Вам, визит, который... Да что говорить. И почему я больше к Вам не зашел? А, успею... И вот, успел...

А ведь я к тому же Ваш должник. Должен Вам десятку, а м.б. и больше...

Итак, насколько я понял со слов Завадского, Вам стукнуло... А вот сколько, не знаю. Он не сказал. И тут уж я должен сказать — какое это имеет значение? Наша Раневская всегда молода! Сердцем, душою...

Так ли это, дорогая Фаина Георгиевна? Ох, как хотелось бы, чтоб так, хотя, по-моему, и сердце, и душа должны соответствовать возрасту. Так или иначе, но Вы для меня остались такой, какая Вы есть. (Дальше эпитеты, которые Вам самой хорошо известны...) Короче — я в Вас тогда влюбился. И люблю до сих пор. За все...

Так я и не узнал, чем же закончилось все в этой американской семейке. Узнал только, что Вы приготовили плохой обед. А дальше затрещало и исчезло... Обо всем остальном в следующий раз, если он состоится. Крепко, крепко Вас обнимаю и целую! В. Некрасов

20.XI.76. Дорогие мои Дулера!

Что-то странно у нас с вами получается. Вы пишете, мы пишем, а получать-то в общем не получаем. И не только мы, многие жалуются, что с Америкой, в смысле писем перебои. В чем дело? Вроде нашей родной получается...

О ней уж не говорю. С Киевом все (окромя Гелия) прервалось. С апреля месяца (как приехали дети) ни от Сашки, ни от Олега ни звука. Это еще как-то объяснить можно (задерживают письма — мои, их), но самое удивительное, что Анжела, когда была в Киеве ни Сашку, ни Лапиных обнаружить не смогла. Ну, Сашка, тот мог зайти или в Донецк к своей жене (!) поехать. Но Лапины? Трижды и Анжеллка и ее мать к ним заходили. Оставляли записку. С адресом, телефоном, с извещением, что им привезена куча подарков (Булгаков в том числе!) и никакой реакции. Сначала какая-то соседка сказала, что он в длительной командировке (куда?), потом какая-то дама отворила дверь и сказала, что Олега нет, а жена его ушла в магазин. Опять оставили записку с просьбой позвонить или прийти в 6 ч. на пл. Победы — Анжеллка уже улетала. Ни звонка, ни черта... Теряемся в догадках. Месяц тому назад в Киев поехала Одиль, жена Олега Мельника (быв. фарцовщик, Сашка его не очень-то), я дал ей 100 Fr., с просьбой заставить Сашку позвонить или хотя бы послать телеграмму. Глухо...

Что все это значит? Вам-то Олег, оказывается, пишет. И позвонить-то в Киев некому. Обладатели телефонов (Рюрик, Ирка Доманская) трясутся, не пишут. Гаврила со своей Катькой разошелся. Как-то, между прочим, звонил. Ему плохо. Слепнет. Но какую-то деваху, Галю, подцепил все же. Рафуля вроде работает, но позвонить вместе с Геликом не решился — у него, мол, какая-то перезапись. Вот такие, невеселые, киевские дела.

А у нас? Витька пошел на работу. Инженером в Ecole des Mines — Горный ин-тут — весьма солидное заведение. 3500 Fr. Это не так уж плохо. Называется

Приписка: это какой-то стипендией. Но не в Париже, в Фонтенбло, встает в 6, приходит в 8... Ни хера, не умрет. А завтра ему 37!

Напиши что-нибудь об Олимпиаде. Встретил ли кого? В Венеции я встретил какого-то поца от вас — Алексея, но ничего толком о тебе от него не узнал. Пишите, гады! Целую. Вик.

9/XII.76. Ну, Юрка, доставил ты нам всем удовольствие своим письмом. Читал его вслух всем — сначала Анжелке, потом Витьке. Хохочут. И рыдают. Довели же нашего советского человека... Е..ная страна — ну что скажешь...

А с Лапиными и Сашкой ничего понять не могу. Ну, Сашка, малость серун. Но Лапин вроде ничего не боялся. И Булгаков на Куреневке лежит, о котором он мечтал... Анжелкина сестра говорит, что как лежат подарки у мамы (к Сашке, к Олегу, и Рафуле), так и лежат. А прошло уже три месяца... Поехала в Киев еще в конце октября некая Одиль, обещала тоже разузнать и написать (диппочтой), тоже глухо. Попросил я Васю Аксенова смотаться на денек в Киев (что ему стоит — 30 руб.) — обещал, но тоже ни звука... А от тех падл, как и у вас,

с апреля ни строчки. Теряюсь в догадках... На конверте твоём (с конусиком и рюшечками — спасибо, тронут) две надписи — В.П.Некр. от Коржавина.

Приписка: В след. раз пошлю какие-нибудь фото — сейчас лень рыться, их миллион... А Вадик по-французски — как парижанин! Завидуем только... — Ну вроде наладилась переписка — Пишите! Целую! В.

На отдельном листке из блокнота:

Да, это таки-да Гелий. Вдруг стал таким Александром Матросовым. Кстати, не помню, писал ли, он женился на какой-то Гале. Даже фото прислал. Ничего... Но сплел. И это в общем, увы, необратимо...

А 19-го-то нашему мудаку — 70!

А рукописи не вышлю, нету, придется подождать до Нового Года, где-то в январе выйдет 10-й номер...

Здесь все время кто-нибудь бывает из Москвы. Сейчас Наташа Столярова (секр. Эренбурга) и Зоя Богуславская (жена Вознесенского). Так что все время ощущаешь дорожную Родину!

1977

1.I.77. С Новым Годом, дорогие киевляне!

Встретили мы его вчера в тихом, семейном кругу. Из гостей был только мой старый, хотя и молодой, парижский русский друг Ника Дасенко и совсем уже юный друг Вадика тунисский арабченок Амед... Из дальних друзей поздравили только Сацы — они телеграммой, а я их 30-го по телефону.

Киевские дела грустны. Пишут нам только Гаврила (его вещь появится в "Конт" №11, в апреле — первая половина), рюрикова Машка и некий Мамакин. От него, кстати, узнали, что наш Сашка растолстел, занимается ремонтом квартиры и что-то подумывает на счет отцовства. О нем же имеем сведения и от некоего Олега Мельника и его франц. жены (преподает в Киев. университете) Одиль. Они только что приехали на каникулы из Киева. Один только раз видели его, передали подарок и деньги на телефон. разговор, которыми он воспользовался по другому назначению и... ни письма, ни записочки с ними не переслал. Говорил им, что, мол, его заставили дать какую-то подписку о том, чтобы не поддерживал со мною связь... Зачем это нужно Сов-власти не совсем ясно. Впрочем, зачем она выключает телефоны тоже не понятно — слушать бы и слушать...

Все это меня огорчает. Ирка Доманская тоже прекратила связь. Рафуля тоже...

Теперь о Гавриле. Он вчера звонил, но меня не было, говорил с Галкой. Расспрашивал. Живет с новой женой, Галей. Филиппа видит редко, скучает. Рвется сюда. Вроде по евр. линии. Дал все данные жены-еврейки. А по телефону просил, чтоб ему написали, что, мол, в Париже есть нужные ему врачи. Это уже совсем другая линия.

Теперь — просьба. Узнай у П. Литвинова не получил ли он новой повести Гаврилы, которой он придает большое значение. Говорит, что украинцы будут носить его на руках.

Приписка: Название что-то вроде "О матери". Вот так-то... Обнимаю. Вик

1.II.77. Привет, ребята! Что — обратно мои письма до вас не доходят?

Давно написал, еще два. Или ваши до нас? Бардак у вас какой-то в вашей Америке! Мороза испугались, письма не доходят. Даже Седых где-то там жаловался, что его газету плохо доставляют...

*Гелиеву "Неньку" получил. Тому парню, кот. мне переслал, отвечу. Рукопись еще не читал. А ты? В №11 идет первая вещь Гелия, в двух номерах будет. Сам он, как ты отлично знаешь, женился. На еврейке. Собирается намыливаться.

Мы тут с одной французенкой (преподает в киевском ун-те, женилась на крещатицком парне) послали им свадебные подарки — курточки.

От Лапина две открытки. Грозятся длинным письмом. Пока нет. Судя по всему, что-то у них произошло. Пишет — всегда думаем о вас, хотя и не писали. Сашка тоже с апреля ни

звука. Тоже женился. Занимается ремонтом. Посланные еще летом, с Анжелкой, подарки так и не востребованы. Лежат у ее мамы... Странные все дела...

*Я живу сейчас с Витькой в Фонтенбло. У него здесь работа, а я вырвался из Парижа, чтоб малость поработать. Получается. В Париж езжу только к зубному врачу — сегодня заимею фербенксовскую улыбку. Целую. Вик.

7.3.77. карандашом: Дорогой Юрка! К тебе просьба. Я только что прочел замечательную книгу Говарда Фаста "Голый бог". Читал ли ты ее? Она есть и по-русски. Издана еще в 1958 г. в Мюнхене. Изд-вом ЦОПЭ. Прочти, если не читал.

Так вот, мне очень интересно, что сейчас с Фастом. Жив ли он, работает ли, пишет ли, издается? Кем? Популярен ли? Одним словом разузнай все, что можешь и сразу женапиши мне. Мне это срочно нужно для моей второй части, которую я к концу этого месяца должен сдать в "Континент" №12.

Прояви оперативность!

Если можешь, узнай и его адрес.

*Не помню, писал ли я тебе, что пришла вторая рукопись Гелия "Мама моя, мама...", которая пойдет в двух ближайших номерах — 11-м и 12-м. Очень здорово! Про СВУ — процесс тридцатых годов — "Спілка визволення України".

Письма от него приходят часто. Собирается рвать когти. И, как видишь, пошел ва-банк. Даже с Миколой Руденко сдружился. (Последние письма, правда, еще до посадки Руденко)...

Ну, да ладно. Ответь сейчас же! Целую. Вик.

21.3.77. Дорогой Юрка!

Спасибо за оперативность! Ценю! Посылаю тебе новую вещь Гелия. Он просит поместить в "Сучасність" или "Смолоскип". Организуй. — Можешь и на "Liberty".

Грустные известия. У Люсика инфаркт. Три недели пролежал в больнице. Сейчас уже дома, но выходить еще нельзя.

Из Киева... наконец-то Сашка и Олег забрали (через 0,5 года!) шмотки, которые я им послал, у Анжелкиной мамы. По ее словам — были чем-то недовольны. Очевидно самим фактом присылки...

Ну их всех...Гелий пишет — ни от кого не жди писем. Пересрали почему-то все. Кроме Гелия никто из Киева не пишет...Анжелка говорит, что давно уже (с месяц) тебе написала. Вот так-то!

А я свою вещь — 2-ую часть — кончил. Сверхударными темпами — за 2 мес. — 130 страниц! Ура — мне! Обнимаю! Вик. От всех привет!

27.VII.77. Дорогие Дулера!

Простите, действительно давно не писал. Виноват, каюсь... Поздравление получил. Merci. Заела совесть...

События... Не знаю, с чего и начать: 1) Вырезали, вернее, впихнули внутрь грыжу. Появилась в результате предыдущих операций. Резали не в Париже, а в крохотном городке в Эльзасе. Там работает мой друг, ленинград. врач. Вот он и вытащил меня туда, где все отлично сделали. И бесплатно! А кроме того, после госпиталя 2 недели прожил в прекрасном, уютном доме милых французов (он старш. или по-нашему главврач больницы). Тишина, покой, кругом красота... Сейчас уже в Париже, в обычной домашней суете — отправляют Вадика в лагерь и две недели весь дом лихорадит...

2) Витька с Милкой уже в своей квартире — малость обставились, очень все мило, а в общем-то болтаются у нас — Вадик еще здесь, кончает занятия в здешней школе.

3) Недавно мотнулся на 4 дня в Вену. Туда приезжал на концерт Сашка Сац — вот я и рванул его обнять, потрепаться и закупить подарков для москвичей. — Очень было хорошо

и трогательно — бродили по тихой, красивой Вене, сидели по кафэ, покупали пластинки (бедняжка, обалдел от их обилия), ездили на кладбище класть цветочки на Бетховенов и Моцартов... Перерыв... Только что позвонила Раиса Исаевна (Сашкина мама) — ну, как вам понравился наш Сашка? Ну и т.д.

Все-таки, все-таки есть кто-то там наверху, в облаках, делает нам, грешным, подарки. Ведь Сашка на моих глазах вырос (знаю его с 6 лет, а сейчас ему 36!) и вот, уезжая, вроде расставался на всю жизнь... О Москве говорит с ненавистью. Все острое...нело Только об этом между собой и говорят. И вот глотнул чуть-чуть свободы и назад. Жуть...

Лето? Галка едет на юг к каким-то полужнакомым людям на море в Бретань. Я — на 2 недели в Грецию, на какой-то островок с Нелькой и Жанной, с кот. блаженствовал в прошлом году в Испании. Это на конец июля. На сент.-окт. нас всех пригласили друзья куда-то под Монте-Карло. Вот так-то...

А вы? Куда? И когда наконец займете свой собственный дом? Из Киева давно нет известий. Немного тревожусь за Гелия. Он весь издерганный и замученный — я послал ему вызов (через Люсика достал), но подтверждения еще не получил. Обнимаю и целую! Вик.

6.8.77. Дорогие Асторийцы! Век вам не писал, в чем и каюсь...

За сим. Начнем с Гелия. Письма его вы читали. А я кроме того получаю от него и личные, подводным течением. Что с ним произошло, понять не могу. Никогда он не был Александром Матросовым, а тут вдруг бухнул. Да как! Написано здорово и "Monde" тут же дал полностью(!) его первое письмо. И Гелий в восторге. Что-то с него свалилось. "Не боюсь, не жду, не надеюсь!" На крылечке их дома на Тарасовской идут ссуды-пересуды. Жители затюкали какого-то мудака-гебиста в отставке, который пытался что-то вякать: "А почему сало на базаре? А?" Органы пока молчат... А он, Геляша, имея уже посланный мной вызов в Израиль, пишет: "Добровольно никуда не выеду. Пусть сажают! Мои 50 за мной, пусть стреляют..." Вот такие вот слова. Откуда, кто советует — ума не приложу. Ясно только одно, что жена, Галя, за него. Не Катя-гавнюха, нет... Все это очень тревожно, но могу сказать одно — дал дрозда!

Пишет, что в начале августа приедут навсегда в Париж из Киева Одиль и Олег Мельник, ее муж — не помню, знал ли ты его. Они очень подружились с Гаврилой, и через них я все посылал. Жду — не дожусь, узнать все детали...

От Олега Лапина стали приходить письма. С извещ. о вручении. И даже два альбома прислал. Молчание, говорит, было вынужденным. Сейчас и с него, очевидно, что-то свалилось. С Сашки-же, увы, ничего не свалилось. И о нем ничего не знаю. Боюсь, что с браком его ничего не получилось и опять запил...

Теперь о более уютных вещах. Позавчера вернулся из Греции. 2 недели наслаждался в компании все тех же Жанны и Нели покоем и красотой на о-ве Патмос. Если есть у тебя атлас, найдешь эту мандавошку у самых турецких берегов среди Додеканезских островов. Сказка! Солнышко, ветерок, немыслимой прозрачности Эгейское море, а кругом монастыри, бородатые монахи, веселые, красивые греки (гречанки не очень) и относительно мало туристов... Зато в Афинах — самом отвратительном городе на свете плюс 45 градусная жара — из-за их спин и Парфенона не разглядишь. — Галка с Милкой в это время отдыхали на другом острове, на Атлант. побережьи. Вадик в лагере... Сейчас все в сборе и вместо Эгейского моря купаюсь в домашних бабьих склоках. С 12-го у Витьки отпуск и мы собираемся на недельку-полторы махнуть в Лондон... В сентябре маячит вилла в Монте-Карло... Вот так мы и пользуемся правом на отдых и обеспеченную старость...

Да! В конце июля — кажется, не писал вам об этом — на 4 дня летал в Вену. На встречу с Сашкой Сацом. Он приезжал туда с Моск. Камерным Хором. Гремел на одном из четырех роялей что-то Стравинского...Чудесные четыре дня. Наговорились до предела, а я кроме того одарил его пластинками — еле-еле осталось на пару лифчиков и колготок. Чудный парень, ничего не боится. Родители, впрочем, тоже. Уникумы. С тоской возвращался в

Москву. Не удивись, сказал, если я вдруг окажусь здесь и не на четыре дня...Точка! Зовут пить чай!

Приписка: А Витька ваш молодец! Верю в него! Целую. В.

4.X.77. Любезный Веня! Тов. Ерофеев!

Я Вас знаю, Вы меня нет.

Тем не менее...

Все-таки не каждый день Вы получаете письма, написанные на такого рода бумаге (попытайтесь догадаться, что это такое! — просто салфетка, какую кладут перед тобой под твой бифштекс...)

Итак, получив такое письмо, Вы слегка оху...те...

Тем не менее...

Разрешите представиться — я Ваш самый большой поклонник. Как писателя и Человека (заметьте, с Большой буквы)... К тому же я бывший алкаш. Сейчас ренегат...

И тем не менее...

Дальше кончаю о себе, начинаю о Вас.

Если к концу сентября Вы не вручите подательнице сего свою фотографию (а мое хобби — дар великих писателей), я из Вас (а у меня есть возможность) сделаю....

Дальше сами догадайтесь, что...

С глубоким и искренним... В.Некрасов.

//Письмо к Венедикту Ерофееву хранится у Анатолия Иванова и было любезно предоставлено Александру Парнису. Из публикации в "Зеркале недели" 4.X.2003 года "Виктор Некрасов о ...водке" оно "выпало". Письмо написано на ресторанной салфетке. В комментариях А.Парниса о выразительном стиле письма: "... употребление ненормативной лексики передает особое состояние автора письма, обстановку и ситуацию, при которых оно сочинялось. Необходимо еще одно разъяснение, почему В.П. называет себя "ренегатом" — после тяжелой операции (1 июня 1975 года) врачи запретили ему пить; но стиль письма свидетельствует, что он не всегда следовал этим запретам".//

Открытка.

22.XII.77. С Новым Годом!

Давненько от вас ничего нет. Я весь этот месяц мотался по Европе, вернулся в Париж и... похоронил вчера Сашу Галича...

О Гелии ни слуху, ни духу. А уже 3 месяца! Послал через "Таганцев" письмо Рафуле. Ведь можем как-то помочь (ей, в основном), есть деньги (его гонорар), но Киев упорно молчит. Не понимаю...

Что у вас? Черкните... А то совсем раззнакомимся. В Риме видал ребят с кино-хроники. Видели Гаврилу за месяц до ареста. Уговаривали подавать на Израиль. Отказался наотрез. Целую! Мишпуха тоже. Вик

26.XII.77. С Новым годом, дорогой Шломо!

Дай Бог, чтоб он для всех, и для вас, израильтян, в частности, был годом мира и спокойствия. Обнимаю. В.Некрасов (ЦГАМЛИ)

1978

29.V.78. Дорогие Дулера!

Длинное и содержательное письмо впереди — обещаю! — а это чисто деловое, просительное.

21 июня в вашем городишке должна появиться Жанна Павлович — великий мой друг и мировая баба. Пробудет она два дня и двинет куда-то дальше...Так вот, Юрка, нужен кров, внимание, любовь и по возможности встреча на аэродроме. Мы все собираемся позвонить тебе на Liberty, но никак не могли найти совместного времени. Но найдем. А письмо письмом. За сим обнимаю. И все же не могу не сообщить, что Витька таки-да купил Audi, 74 года и все горды... Целую. Вика. Галка и дети шлют привет. А впереди — письмо...

Открытка En Survolant Courbevoie...(Hauts-de-Seine) — Вид "Дефанс"

Yury Dulerain 39, King Street Dobas Ferry New-York 10522 USA

7.7.78. Послал вам большое письмо по старому адресу. Где реакция? Как Жанка? Дом? Обставляетесь? У Анжелки шикарный. С камином... Только все-таки далеко — 70 км от Парижа. Ездят поездом — 40 мин. — А мы с Витькой и Милкой завтра в Испанию. Галка у друзей на Атлантике. Вадик в лагере. Целую.

7.VIII.78. Дорогие ребята!

Пересылаю Геляшино письмо. Опущено в Москве, но он в Киеве. Кроме письма имею полу-"живой" привет. В Вене сейчас евреи, кот. виделись с Галей. И даже договорились, как пересылать деньги из расчета 3,5 тыс Fr. за 1000 руб. Теперь надо только эти деньги иметь. Вернется из Бретани Вол. Максимов, начнем операцию. Со слов этой венской киевлянки чувствует он себя сейчас не плохо, но подозрение (?) на рак, метастаз все же остается. Скоро переедут домой. Телефон включили... Просит волны больше не подымать. Новую рукопись (она у меня есть — обо всех нас) не печатать.

Вот так-то...

Жанку, сразу как вернулся из Испании, сразу же проинтервьюировал. Вами осталась довольна, чтоб не сказать больше... "Самые американские из всех американцев, кот. я видела" — вот ее определение. От внешности до внутренностей... А я по прежнему русский распиз...яй, не меняюсь. И душой, и телом и, увы, языком. Выезжаю только на произношении. С глаголами вражда — избегаю их. Ну и т.д.

Испания? Вдоль и поперек. Изнывали от жары и обилия музеев, замков, соборов и старины. Первую половину, вдоль побережья еще до Альмерии купались, загорали (но не сгорели, хотя и видели весь этот ужас!), жили в палатке, готовили на газе, окунулись не только в море, но и в детство... Потом начались Гренады и Севильи — голова кругом пошла. А в общем — блеск! Витька на 5 с плюсом, машина ни разу не чихнула, а он ни на кого не наехал...

Сейчас блаженствую в одиночестве — Галка с пацаном в Бретани — работаю. Всю! Целую. Вик

Приписка: В Америке поселилась одна мировая баба — мой редактор "Солдат" — Светлана Демиденко, сейчас по новому мужу — Гельман. Нужно помочь советом, делом. Адрес: Mrs. Gelman, Rochester, NY 14610, 30, Bobrich Drive ap. 18. Люсик поправляется, собирается в Европу. С Жанной. Это теперь навсегда...

Ксерокопия:

Дорогие мои, славные, милые!

Бесконечно люблю ВАС, бесконечно благодарен. И бесконечно виноват.

А какой футбольный чемпионат, а? Каковы голландцы? Сила! Билет у спекулянтов — 1000 долларов, а — размах?

Торчу в аптеке. Ножки не ходят и — говорят лекаря — скоро так сами не пойдут. Впереди разные протезы, костыли и прочие радости. Но — вот уже сижу. Спустил с кровати ноги (не сам, конечно), доска жестко крепленная и так ем, принимаю гостей, пишу письма. Быстрых сроков не обещают. Если всё будет хорошо — года два. Уф, а?

Это мне-то? А Галке-то? Милые мои, я не даром ее встретил, святую женщину, Господь с опозданием пересёк тропочки, но всё-таки пересёк. Материально трудно, как сами понимаете, как-то Галка держится, клубнику со сметаной — жру от пуза. Лето холодное в этом году, с фруктами неважно будет.

Ну, вот так. На сём заканчиваю. Да. Обязательно самый искренний привет дяде Пьеру с супругой. Ну, а кому там ещё? Да больше никому. Да, профессору, конечно, со чада и домочадцы.

Ну, а в рассуждении философских категорий, то убийство и самоубийство вещи разные и путать их не надо и, как ни верти, но сия ситуация — все-таки само. Не хватило пороку, как

у бразильцев в игре с поляками. Ах, какой чемпионат! У меня на тумбочке маленький телик из проката — и я все гляжу.

Ну, фатит. Всех обнимаю!

28 июня 78 г. Ваш Гаврила

4.IX.78. Дорогие Дулера! Я один — все, даже с собакой, — укатили к морю. Я блаженствую в тиши и покое, никто не звонит,— пишу "нетленку", а Анжелка в соседней комнате перепечатывает оставшееся после Витьки... Париж после вакаансов постепенно наполняется, открываются лавочки и магазины... А до этого вовсе пусто было...

Галка после своего острова Рэ, катнула с Вадиком в Бретань, а сейчас, вот, на юг. До 15-го я вольный человек.

Приезжали и прожили 12 дней Люсик с Жанной. Потом и Ирка появилась. Сейчас они все уже в Берлине — там у него работа — не бей лежачего — будет отдыхать и поправляться.

Вообще же мне он не очень понравился. После всех своих операций и параличей (левая рука еще плохо работает) — стал каким-то робким и неуверенным. Даже раздражается как-то робко, не так, как раньше. А главное нет у него веры в полное выздоровление. Хотя после такой операции восстанавливается все очень медленно.

Я поддерживал в нем дух, как только мог, авось все вернется... Ко всему он рано сел за руль и в первый уже день напоролся на столб — впервые за всю свою 30-летнюю практику водителя. И все-таки чудо — две клинические смерти перенес...

Звонил ли тебе П.Г. Григоренко? Все волнуется по поводу Гелия. О нем больше никаких сведений. Последнее — вроде отпускают из больницы домой. За внимание к моей Светлане — великое спасибо. Трудно, понимаю, на расстоянии помочь, но надо... Целую! В.

Приписка: Анжелку заставляю написать страничку.

14.X.78. Дорогой Юрка!

Как всегда не помню, когда тебе писал. Но писал — это точно. Послал ли ты что-то Анжелке? Ее мама вот-вот уезжает, или уже уехала. Баба она чудная, я очень люблю, но заставить ее написать 2 строчки невозможно. Последний раз просто силком заставил.

Из Киева вести странные, противоречивые. Был тут у Жаннки ее киевский быв. нач-к реанимацион. отделения в Октябрьской. Говорит, парень хороший. Попросила его узнать о Гелии. Он уехал в Киев и через кого-то, в том числе и бабу-Килю — не прямо Жаннке — сообщил, что, "Человек, кот. Вас интересовал, умер 1,5 мес. тому назад."

Тогда мы, чтоб проверить, позвонили Катьке. Звонил не я, а одна француженка, жена Олега Мельника. Катя сказала, что, если не здоров, то жив, еще в больнице, даже чувствует себя немного лучше. Сама она, мол, к нему не ходит, а дети — старший и Филипп — навещают... Вот такие вот сведения.

О нас? Мои вернулись веселые, загорелые и поздоровевшие с юга. Я тем временем, в милом одиночестве кончил свою вещь. Сейчас наслаждаемся красивой, теплой осенью. Всо! Целую. В.

Открытка: Аэропорт Шарль де Голль

4.XI.78. Дорогие Дулера! Представьте — это Жанна, которая велела написать вам эту открытку. А я выбрал именно эту, т.к. это тот аэропорт, на котором я надеюсь тебя, Юрка, встречать, когда ты отправишься в Мюнхен. Целую. Вик. — четыре "это"... писатель...

Дорогие Юра и Ира, вспоминаю вас с нежностью, с благодарностью. Ждём в Париже. Привет детю и собаке. Желаю вам счастья в вашем чудесном доме. Жанна.

3.XII.78. Ну тебя на х...й, Юрка, с твоими жалобами на мою эпистолярную не отзывчивость. Отвечаю, пишу, жалуюсь, что ты не пишешь, а в общем, пора уже и свидеться. Три с половиной года прошло, как расстались на нью-йоркском аэродроме. Пора, пора... Рога трубят.

Выбивай из Мюнхена, хотя я их, блядей, и презирал. Видишь ли, по их мнению, Некрасов слишком часто, мол, выступает. И устроили мне паузу в 1,5 месяца, гады. Кто? Говорят Хенкина. В общем, не знаю, но решил наказать (кого? — не знаю) и умолкнуть. Хотя гроши нужны, как никогда... Решили мы переехать поближе к ребятам. Хотя это и не такое сердце Парижа, как сейчас, а пригород, Vanve, но на метро туда полчаса и еще автобус 3 минуты — но зато воздух, зелень, тишина, а главное — ребята. Если всё вытанцуются, то мы переедем в их квартиру (3 комнаты), а они к выезжающим друзьям, несколькими этажами ниже — 4 комнаты. На днях все должно решиться. Тогда напишу подробнее...

Тем временем кончилась неожиданная для Парижа теплая, золотая осень и стало холодно (0 градусов — и уже жалуемся!) и неудобно. Хочется вырваться из Парижа — поработать здесь не получается.

Приписка: Но вот этот переезд вклинился. Посему бездельничаю, клею фотоальбомы, мечтаю о весне.

Гелия жалко до невозможности... Вот влип, бедняга...

В январе на франц. ожидаю "Взгляд и нечто". Пришлю, а то "Зеваку" уже роздал. Целую! В.

1979

20.I.79. Дорогой Шломо!

Затерял Ваш адрес, поэтому даже не поздравил с Н.годом. А сейчас нашел и шлю самые наилучшие пожелания. Буду рад, если черкнете, о себе хоть несколько слов! Жму руку. В.Некрасов. (ЦГАМЛИ)

Конверт

PAR AVION Yuri Dulerain 39, King Street Dobbs Ferry New-York, 10522 USA

31.I.79. Дорогие Дулера!

Посылается рецепт на стекла. Если не ошибаюсь, нужны две пары — обыкновенные и дымчатые. Все это, присовокупив великую благодарность, должна была написать сама Галка, но она гепнулась на улице и сломала руку. Было это уже более месяца тому назад, сейчас вроде как срослось и она ездит теперь ежедневно через весь Париж делать лечеб. гимнастику.

Нет худа без добра. Перелом этот спас меня от ее "помощи" при устройстве нашей новой квартиры. Десять дней, как мы уже в ней обитаем и не нарадуемся. Я великий мастер интерьера и все сделал на высшем уровне, по всем правилам интеллигентской квартиры прошлого века. Приедете — увидите и ахнете. (Когда мы перевозили Галку с нашей La Bruyere, Вадик сказал: "Бабушка, ты ахнешь". И ахнула...)

Достоинств масса — светло, высоко (7 этаж), много неба (на La Bruyere были окна и ставни противоположных домов), тихо, тепло, большая, светлая кухня, в которой и питаемся, когда нет гостей, большая ванная, ну а главное рядом ребята — мы на 7-м, они на 2-м этаже. Что еще надо? А то, что не центр Парижа — то х... с ним на метро до центра 15 минут, а до метро автобус — одна минута или пешечком (что предпочитаю) 10 минут... Вот так-то...

Дней через 10 отправляюсь в вояж. Поклеветать малость пред скандинавами. Недельки на две. А Геляши нет. Добили. Рак раком, а КГБ КГБ'ом. От Клигермиши знаю, что на похоронах была Неля, Димка и семья Старостинных (читай КГБ, моего следователя звали Старостин...) Катьки, говнюхи, не было. Ребят, бывших друзей, очевидно, тоже. Неужели и Рафуля не пошел?... Эх... Ну, будьте! Целую. Вик

/Приписка Ю.Дулерайна: О похоронах Гелия Вика узнал "от Клигермиши". Это он так называл Мишу Клигермана, он же М.Пархоменко, письменник /Не Пархоменко, а Пархомов! Сост. \.

PAR AVION. Yuri Dulerain. V.NEKRASSOV, 3, Place Kennedy apt 77 92170 Vanves France

15.III.79. Дорогие Дулера! Во 1-х — расстояние меж глаз у Галки — 65 мм. Свое и свою диоптрию (было 2, дальноркость, вероятно за это время изменилась) пришлю дополнительно.

Как жизнь? Ждем в Европу. Liberty, в общем-то говно (вот и Леню Финкеля вроде выжили), но я, подувшись, подувшись и приняв какие-то извинения — примирился и опять начал клеветать. Спешу оговориться по поводу говна — в Париже ребята хорошие, приедешь — познакомлю.

О себе. В прошлом месяце 2 недели мотался и клеветал по Скандинавии. В основном, Швеция, но мотнулся и в Осло, и в Копенгаген и даже в Хельсинки. Семья и друзья срали, боялись каких-то провокаций, но все сошло о'кэй, правда, кратко. На пароходе из Стокгольма туда и обратно, со стоянкой в Хельсинки 8 часов. За это время успел провести пресс-конференцию (напечатали всё, что говорил), пройтись по городу, посетить книжный магазин (в русском отделе рядышком Исаич с Ильичем!), знаменитую церковь в скале и выпить чайку у какого-то редактора в отставке. Все было очень мило, паспортами никто не интересовался, но самое симпатичное — был снег и 20-градусный мороз, от которого отвык за эти годы и, как ни странно, обрадовался.

Устал от поездки ужасно — по 2–3 раза в день приходилось выступать, под конец не мог уже слышать собственный голос и с горя или на радости, выполнив полностью план, в Копегагене напился у одного киевлянина. Возможно, ты его даже знаешь, занимался когда-то борьбой. Саша Бокченко. Сейчас у него собственный кабинет физио-терапии. Надрались мы в тот вечер прилично, на утро опохмелились, и я улетел в Париж... Денек пососал пиво, а на следующий уже сидел в Президиуме какого-то идиотского сборища "Трех экспедиций", где обратно же пришлось толкнуть речуху... Обхохочешься... Сидел рядом со сыном Столыпина и вспомнил, как в Канаде на каком-то украинском собрании усадили меня под портретами Петлюры, Бандеры и... английской королевы.

Своими новыми жилищами мы все довольны. По La Bruyere отнюдь не тоскую, но часто заглядываю туда — квартира пустует и я, намотавшись по Парижу забредаю туда попить кофейку, вздремнуть, часок отдохнуть.

А вообще-то — пора уже свидеться...

Знаешь ли ты Э. Лимонова? Что за фрукт? Нужно признаться, всех ошарашил своим opus'ом в "Ковчеге" №3. Даже меня, ко всему привыкшего. Обнимаю и целую! Вик

Открытка "Gruss aus Kiel"

25.III.79. Носило меня в этот самый Киль. Вместе с двумя Володями — Максимовым и Буковским. Принимали нас (зачем? — не совсем понятно) всякие президенты и Шпрингеры в замках и прочем, и все произносили речи, и пили, и ели и, как всегда, от всего этого устаешь — но разве хочешь, надо. А сегодня у нас первая гроза — гром, молния — будем считать, что началась весна. За сим — люблю! Вик.

Hotel VIER JAHRESZEITEN RESTAURANT HAERLIN HAMBURG 6.

6.IV.79. Дорогой Юрка!

Сегодня получил твое письмо с вырезкой из "Веч. Киева". А до нас дошли (может и до вас тоже) последние Геляшины записи. Тюремные. И больничные. 60 страничек. Стихи! И записи. Читать жутко. Мучительно умирал. И под конец сломили. Подписал... Пытался что-то исправить. Торговался, вычеркивал, потом вставляли. Подписывал в полубессознательном состоянии. Потом мучительно каялся сам перед собой.

Жаль его жутко. Не борец же, куда полез?

После "Мамы" — получил вызов — уезжай! Нет — уперся...

В понедельник увижу твоего Геруса. Кажется, хочет, чтоб я что-то по укр. для него сделал. А в июле, значит, ждем тебя. Меня-то ты во всяком случае застанешь, а вот Галка с ребятами, возможно, будет в это время отдыхать на юге. Я же поблаженствую в одиночестве... Но, в общем, спшемся.

Сейчас хочу в Лондон. Просто так, без дела, для смены декораций и действующих лиц. А в

мае собираюсь на юг — поработать. Там один друг снял домик и приглашает. Начну что-то кропать, а заодно ездить в Ниццу купаться. Вот такие ближайшие планы. За сим целую. Вик.

P.S. Если надумаешь и мне очки, то расстояние мое 65 мм, а дальность зоркость +2.5. Оправу не вызывающую, но изящную и не слишком хрупкую. Всю! В.

Открытка с зимним видом, домиком-пагодой, увенчанным птицей-петушком

29.V.79. Дорогие Дулера!

Ха-ха, а я в Японии! Блаженствую и наслаждаюсь красотой, несмотря на всякие мелочи, вычитываемые мною в "The Japan Times", как-то лишения кого-то там гражданства... По моему вполне логично, хотя и запоздало. Обнимаю! Когда Европа? Вик.

Открытка с видом Парижа. Paris La Seine et le Palais de Justice.

27.VII.79. Дорогая Ира!

Вот и бродим мы с твоим Юркой по Парижу, сидим в кафэ, вечером у Жанны... Живем вдвоем, все мое семейство на юге, загорает. По моему нам хорошо. Целую. Вика.

Приписка: Лапа, я не ожидал увидеть такой потрясающий город. Все очень здорово. Вика не очень хороший гид, но я сам много хожу (он больше на язык мастер, чем на ноги). 1 авг. приедет Валя Селибер как турист, а меня не будет тут уже!! Ладно, обо всем при встрече. Люблю, целую, скучаю. Ю.

Обратный адрес на конверте: G.Nekrassov. St. Cast 22380. Boulevard Duponchel France

15.VIII.79. Здорово, Юрка!

Все ждали твоего предотъездного звонка — Галка хотела поблагодарить за очень понравившиеся ей блузки, ну и вообще... Я успокоил, сказав, что ты вообще гад и хам и на этом все сошлись.

Ладно... Приехал Валя на три месяца и прилетел не 1.VIII. а 29-го, т.е. ты мог бы с ним встретиться, имей мы телефон брата и догадайся ему позвонить. Обидно. Он тоже жалел.

Говорили мы, в основном, о его работе, скульптуре, как таковой, кое о ком из киевлян. С конкурсами (его любимое занятие) у него ничего не получается — премии дают, но заказывают другим. Делает скульптуры для очередных выставок, что-то халтурит. Особенно не жалуется... Поймал я его во время — на след. день он уезжал с братом на юг. Вернется 7/IX, обещал позвонить....

Кроме того, ездили мы с Витькой и Милкой на юг. Увы, не отдыхать, а на похороны. Умерла некая Софи Лаффитт, большой наш друг, профессор русск. литературы. Ехали на машине — 1000 км туда и столько же, естественно, обратно. Через всю Францию. И каждый конец за один день... Ну, заодно малость покупались и даже на корриду сходили с прославленным Эль-Кордобесом...

Приписка: Александр Сиротин, рассказ которого я тебе читал, тебе позвонит — может, ты можешь ему чем-нибудь помочь.

Пришли из Мюнхена укр. бюллетени. Мура! Звонков не было. Привет семейству. Целую. Вика.

4.IX.79. Встреча в кафе "Эскориал" с Фаиной Браверман (Дорогами памяти, 2004. — С.98—105)

27.IX.79. Дорогой Юрка!

Малость отчитаюсь... О Вале... Скоро уже 2 месяца, как он здесь. Встречаемся часто, чуть ли не ежедневно, бывает у нас, пьет чай, ходим по книжным магазинам (на твои деньги), говорим о том, о сем, — как будто за эти пять лет ничего не произошло... Говорили в основном о Родене, Бурделе, новом и немного старом искусстве... И всё! С радостью сообщил о вашем ночном разговоре (ошарашен был часом звонка!), но ни слова, о чем же вы говорили... Грустно всё это...

Андрейку не видел, так что и не смог отчитать его за невниманье — незаслуженное — к вам...

О Герусе... Сделал я ему 3 передачи. Каждый раз пишу ему, спрашиваю, удовлетворен ли он, прошу написать, позвонить. Ни звука. Мониторинги получаю пудами (в основном русские) – начисто ничего интересного. "Літ. Укр." – тоже. Сделал небольшой обзор-параллель "Україна" – "Пари-Матч" – про укр. доброго лікаря, кот. внес в Фонд Мира (Корнейчук?!) 22 тыс. и американского хлопца, кот. переплыл на дощечке под парусом Берингов пролив. Остальные две передачи взял из своего "Взгляда и нечто" – 1) Про Тычину и Рильского и 2) Про свои беседы с укр. в Канаде. (О фотоальбоме и Коротиче тоже сделал.)

Платят аккуратно, сразу же, через Париж – по 500 F.

Не возражаю. По 10 мин.

Вот такие-то дела.

Получил вчера письмо от Славика. Одну нашу посылку уже получил, посланную оказией через Ленинград. Вторую повезла на днях в Киев Анжелка. Порошки витамин и мелки – надеюсь, посланные по почте с "извещ. о вручении" пока не дошли. С пиз... ли, сволочи...

Послезавтра уезжаю на 2 недели в домик под Авиньон. Туда же приезжает и Люсик с Жанной. Пообщаемся. Заодно я и поработаю в тиши. ВСО! Пиши! Вик.

Paris 17.X-79 г. Привет, ребята! Приписываю к рецепту на стекла...

Две недели блаженствовал под Авиньоном, в деревушке, в громадном пустом доме (но весьма комфортабельном) моих друзей. Творил! По вечерам грелись у камина, в котором и быка сжарить можно было.

Покой и тишину разделяли со мной Люсик Гольденфельд с женой. Под конец замучили дожди, кот. до сих пор заливают юг Франции.

Вернулся в Париж и сразу окунулся в кипящее море говна. Схватка не на жизнь, а на смерть – "Континент" – "Синтаксис". К Машке, увы, присоединился Эткинд, Копелев и Шрагин. Максимов лютует... Жаж!

А я, значит, собираюсь в декабре на Гаваи. Какая-то писат.конференция. Надо обмозговать этот вояж. Задержаться на обратном пути у вас. Рейс то ли через Лос-Анжелес, то ли через С-Франциско. И тем и тем интересуюсь. Ну, и нью-йоркчанами, естественно, также... Мозгуй, как сделать поинтереснее.

Ждем 25-го Светлану с чемоданами. Валька встретит. Заходил вчера, взял книги, проявил героизм – отважился взять "Зеваку". Целую! Изредка пиши!

Приписка: Со стеклами не тяни. Галке уже трудно читать.

Твой Герус – поц! Ни на одно письмо не ответил. Выступаю – как в подушку...

6.XI.79. Юрка!

Завтра вылетаю. Сначала в Лондон, оттуда уже в Гонолулу. Там должен пробыть до 20-го. Оттуда попытаюсь залететь в С.-Франциско. Из С.-Ф. позвоню, напишу или телеграфирую. После 20-го. В Н.Йорке жажду обогатиться! И в укр. и в русской редакциях.

Герус так ни разу и не позвонил, на письма не отвечает. "Літ. Газ" и "Україну" не шлет. Только ваши идиотские мониторы. Высасываю всё из пальца. Это не работа!

Анжелкин пакет получил. Позвони ей. Зайдет. Целую! Вик

25.XI.79. Да, Юрка, забомбил я тебя письмами, что и говорить... Но это все в предвкушении...

Итак, очки получены. Спасибо великое, но... Маленький конфуз. Выяснилось, увы, что одно стекло не соответствует рецепту. Нужно +7.50, а прислано +7.55, что, оказывается, не годится. И что-то там еще с центрами глаз. Короче – если это не неловко (Галка утверждает, что таки да не ловко), то просьба прислать одни стекла, без оправы. И диаметром 65 мм. И, если можно, "incassable – organique", что означает небьющиеся, т.е. не стекло, а что-то искусственное. Вот так-то... Повторяю – если это удобно. Решай сам...

Второе. Хотелось бы мне в Америке встретиться со Светланой Сталиной. Есть к ней поручение, вернее, можно выполнить любое ее поручение в Союзе. Узнал бы ты, где она

живет, адрес, телефон или связался бы как-то с ней, сказал бы обо мне. Думаю, не прогонит. За сим поцелуй и объятия! Позвонили бы... Вик.

1980

8.I.80. Горячий парижский (+8° C) привет, дорогие доббс-феррийцы!

Вы уехали, а мы еще 3 часа кантовались в самолете на Кеннеди. Потом 6 члёту — итого 9! Малость поднадоело...

Встречен был Витькой и Вовкой Загреба — ты его, кажется, знаешь — врач из Альткирша.

Дома все здоровы. За подарки благодарят. Конфеты съели в тот же вечер. Платье потрясло. Сразу же нарядилась. Собирается лично письменно поблагодарить, но думаю, что меньше, чем месяц на раскачку не пойдет — в отличие от меня, у Галки никогда нет свободного времени, а тут еще щенки. Не нужен ли вам? Можем отправить в такой клетке, в кот. отправляли ту маретку.(?)

Сегодня меня вытащила из-под душа Австралия. Подтвердили приглашение, уточнили дату вылета — 5/III. Срок очевидно — месяц...

Теперь о Сереже Довлатове, которого, как он и предполагал, я надул. Спешу исправиться.

Передай ему следующий текст (прилагается).

Ну — что еще? Володя Макс. Улетел в Израиль. Из Союза ожидается приезд редактора "Поисков". Письмо от Славика — грустное. Плохо себя чувствует — давление. Звонил Люсик Гольд. Тоже неважно. Сердечные припадки. Сейчас он в Германии, в Дармштате. Вот так-то... Не забыл ли я у вас журнал про серфинг? Если да — вышли. От Геруса, наконец, записка — под-сказывает тему. Завтра произнесу. За сим целую! Витька, надеюсь, здоров... Вик.

Открытка с изображением коалы.

С.К.Славичу, ул. Платанова 1 кв. 19. Ялта Yalta USSR

Rubinstein. 7 Olivia Rd, CAUCHF. Melbourne Australia 3162

3.IV.80. Пьем твоё здоровье, дорогой Стасик! Любим и помним. Целуем тебя, Мару и Лёду. Вика.

Помним и любим. Светлана

Целую Мару и Старика. Сева

Очень, очень любим. Ждем в гости. Рубинштейн (Из архива С.К.Славича)

1981

Открытка. Souvenir de Lausanne б/д.

Дорогой Шломо!

Ах, как обидно получилось, что мы не встретились здесь. Но ничего, встретимся у Вас на родине, куда давно мечтаю попасть. Итак, до встречи! В.Некрасов.

Приписка: Дорогой Шломо! Викт. Плат. очень хочет побывать в Израиле. Так что — действуйте. Пишите ему на мой адрес. Обнимаю Вас и Мар. (ЦГАМЛИ)

9.II.81. Дорогой Шломо!

Пишу из Женевы, куда скрылся из шумного Парижа немного поработать. Встретил здесь Давида Маркиша. Много говорили о Вас, о нашей первой киевской встрече, о сверхкраткой израильской и идиотской несостоявшейся парижской. А Синявский...

Не теряю надежды где-то, возможно, в апреле, побывать в ваших краях. Крепко обнимаю. В.Некрасов. (ЦГАМЛИ)

"Главное мое развлечение сейчас — это "расписывание" тарелок. В самом что ни на есть абстракционизме. Наслажда-

юсь, как дитя. Но горе в том, что вешать и ставить уже негде. Добрался уже до прихожей и кухни. Второе хобби — работа "под", пародии Модильяни, Пикассо, Матисс. Даже Рембрандт!!!!

(Из письма Н.А. Аль. В композиции названных художников автор подставлял современные фигурки и лица). (Нина Аль, Тамара Голованова "Всемирное слово")

1982

8.II.82. Дорогой Юрка! Пересылаю тебе Олега Лапина. Как дошло до меня, не знаю. Кто-то позвонил и сказал, что привезли из Киева. Наконец-то! Как видишь, не зря клеветем. А я то думал, что в пустоту...

Герус твой лег на операцию. До этого долго мучил и мучил. Наконец, начали присылать журналы (газет пока нет) и я смиловился. Заказывай и ты мне что-нибудь иной раз. Все-таки 400 F в неделю. Сколько это серебрянников?

А так — все нормально. Концы с концами кое-как сводим. А цены растут, Галка стонет, я ворчу (на нее), иной раз покрикиваю. Сейчас она на недельку уехала на Женев. озеро со своими любимыми иезуитами. А я отдыхаю, навожу порядок, выкидываю ненужное барахло и тряпки. В общем, блаженствую! Обнимаю! Твой Вик.

Виктор Платонович, здравствуйте! Кажется, у меня появилась okazия послать вам письмо. Я уже давно бросил маяться дурью и прибегать к услугам почты. То, что терпение искусствоведов в штатском кончилось, я понял после того, как послал Вам 4 письма и две бандероли (в июне и к Новому году). Никакого ответа. Кроме одного: переписку обрезали. А может быть, Вы и отвечали. Здесь ведь возможны варианты. Можно воровать письма туда, а можно только оттуда. Как пожелаем, так и сделаем. Конечно, я посылал с уведомлением. "Пишите нам, пишите... А мы прочтем, прочтем..." А возможно, я сам спровоцировал с их стороны такие меры. Однажды я получил из Москвы письмо без обратного адреса. Распечатываю, а там Ваше письмо с просьбой зайти на Тарасовскую 8. Просьбу Вашу я тогда выполнил и написал Вам об этом открытой почтой. Вот тут, наверное, они и озвер (не пропечатался ксерокс — сост.)

2) попадают письма от Вас мимо них. А у меня такой возможности нет, раз я отвечаю, через нашу, гарантирующую тайну корреспонденции, почту. Ну и обрезали. Мне, правда, об этом не сообщали, так что это не более, как домыслы моего извращенного воображения. Ну с позиции объективного исторического развития, оно, наверное, и к лучшему. Зачем советскому человеку переписываться с ренегатами и отщепенцами? Все равно всем известно, что ничего хорошего от них не услышишь. А потому я посылал Вам только отдельные весточки и приветы 2—3 строчки через отъезжающих. Даже без обращения и даты, чтобы не нагружать людей лишними волнениями на таможне. Они должны были в Вене запечатать открытку в конверт и послать по Вашему адресу, объяснив, от кого. Не знаю, получали ли Вы такие открытки. Одну послал Вам по почте /... \

3) что в потоке олимпийской почты проскочит. Если проскочило, спасибо Ж.Медведеву. Его наука. А вообще, конечно, мне пытаться Вам сообщить новости дело хилое, как я убедился. Однажды уезжал мой знакомый. Письмо взять он боялся. Единственное место, куда еще не залазит таможня — голова. Я в то время случайно узнал кой-какие детали о Гелии в период его пребывания уже в больнице. Ну и попросил его написать Вам из Вены и пересказать, зная, что он Ваш близкий друг и Вам все интересно. Опять-таки не знаю, сделали ли он это. А потом мне в руки попадает "Континент" с записками самого Гелия. И я лишний раз убедился: если хочешь знать, что делается в Киеве, жди, когда тебе об этом расскажут из Парижа. Там все узнают раньше.

Так что, к сожалению, мои письма к Вам сводятся к чисто эмоциональным аспектам: Ваши друзья Вас помнят и любят.

4) открытку ко дню рождения. Конечно, мы с Лялей всегда помним 17 июня и 12 сентября, аэропорт. Ну в этом году о Вашем дне рождения и нельзя было забыть. Хоть глушилки и свирепствуют, но о Вашем юбилее все равно слышали. И вообще, я знаю почти все ваши статьи по радио. Глушат, глушат, а все без толку. А если сам не услышишь, то тебе расскажут.

У меня такие впечатления, что передачи сейчас ловят все. Когда не глушили, я меньше слышал о них от "простых советских трудящихся", чем сейчас. Люди, которых я знаю много лет, работаю с ними, и кроме футбола их, по-моему, вообще ничего не интересовало, теперь тоже слушают каждый день. А вообще у нас начинается охота за ведьмами. Мне известны случаи, когда люди имели неприятности за то, что читали в трамвае Агату Кристи, сделанную не то на "Эре"/...\\

5) Ничего серьезного этой женщине, конечно, не сделали, но с работы, кажется, турнули, т.к. она работала не то редактором, не то кем-то в издательстве. За Агату Кристи! Весело. А с литературой глухо. Я давно бросил заходить в книжные магазины. Книг вообще нет. Т.е. есть! Полки забиты, а читать нечего. Ни одной книги, пользующейся хоть каким-то спросом, купить нельзя. Такие книги не покупаются, а достаются. Будь то американский детектив или "Муму" — все равно. Книги сняты по ночам. Однажды Ляля просыпается и утром говорит мне: "Я сегодня была в Париже. Во сне. Мы гуляли с В.П. и Галиной Викторовной по Парижу, и зашли в магазин русской книги. Какой магазин! И рассказала в деталях. Там два этажа. Справа книги. По-моему, даже начала перечислять, что она видела. Замятин, во всяком случае, точно помнит/...\\

6) Кажется, пыталась купить Кандинского. Она в таких деталях рассказала мне про этот магазин, что мне стало завидно. Я спрашиваю: А я где был? — А тебя, говорит, не было. Черт тебя знает, где ты был. Наверное, поехал в Дижон за сыром. Вот змея! В Париж без меня! Но все-таки иногда, кой-что читаем. Попадали к нам в руки и "Континенты" и Ваши книги, и Войнович, и Владимов, и Максимов, и Солженицын. Редко (Киев не Москва), но мелькают. Я помню, как я сгорал от зависти, когда Вы написали мне, что лежите на пляже и читаете интересную книгу об Олеше. Не задавайтесь. Пляжа, правда, не было, а книгу читал, и даже не спеша, внимательно. И Конквист был. Правда, все был, был, а сейчас хуже значительно/...\\

7) Ну, может, что-нибудь мелькнет. Виктор Платонович, передавайте привет Юрке с Ириной. Мы их помним и часто вспоминаем. Привет Галине Викторовне. Как ее здоровье? Помним Вас, любим и поздравляем с Н. годом, т.к. когда случится очередная оказия, не знаю. Обнимаем. Олег, Ляля

P.S. Поскольку Ляля по складу характера мистик, ее очень интригует, а как выглядит магазин русской книги в Париже. Она, по-моему, уверена, что он действительно именно такой, каким ей приснился.

25.X.82. Дорогие мои Дулера... С теплотой и нежностью вспоминаю свое тихое, безмятежное пребывание у вас. Кресло, лежак под сенью чего-то зеленого, Петра Григорьевича, вернувшего меня к нормальной жизни. Надеюсь, Юрка, ты у него побывал, с успехом отбил от Зин.Мих, книгу взял и Светлане отправил.

Анжелку еще не видел, но боюсь, что увидев банку с табаком, ее сестра скиснет. Ведь они везут отсюда пуды. В крайнем случае куплю какой-нибудь мягкий пакетик, по качеству не уступающий. В самолете стоял сплошной гвалт. Рейс был в Тель-Авив, евреи сновали туда и сюда, не закрывая рта всю ночь.

В Париже все нормально, если не считать обилия смертей, не очень близких, но все же знакомых... Вот так-то. Обнимаю. Вик. Ирка, жду письма.

23.XII.82. Дорогие мои Юрка и Ирка! Захотелось вдруг, чтоб у вас висел где-нибудь на видном месте этот Герой Сов. Союза. Вот такому бы генералу дать править страной. Все бы спились! А?

Есть планы этим летом побывать в ваших краях. Аксенов придумал. Уже звонили. В Вермонте, в лесу, какие-то русские курсы "не бей лежачих". С 20/VI по 5/VIII. Денег не ахти-сколько и дорогу не оплачивают, но еда и кров бесплатные. Конечно же, соблазнился.

Уехали Лунгины и стало пусто. Очень они как-то за три месяца расцвели и растаяли здесь. Ездили с ними на юг. И здесь шлялись по всем кафэ и трепались. В отличие от тебя —

американского good fellow — я без русских (советских) не могу. Всегда кто-нибудь есть (Булат, Кваша, последний — Андрей Возн.), но Семка с Милькой очень уж свои. Возвращались домой подавленные, боялись новых каверз на таможне — не хотим туда!! — и вот, уехали и как в прорву... А Андрей (послед. сведения), говорит, что все ждут НЭПа... А? Ничего себе?

За сим обнимаю, поздравляю с наступающим и желаю свидеться! Целую. Вик

1983

4.I.83. Спасибо, дорогой Шломо, за поздравление. В свою очередь желаю спокойного и тихого 1983 года. Не знаю, как это сделать, особенно в вашей многострадальной стране, но желаю! Обнимаю. В.Некрасов.

1984

13.I.84. Открытка. Мариинский дворец в Киеве. Дорогой Шломо!

Спасибо за поздравление! Не забываете... С запозданием и Вас поздравляю. Не собираетесь ли в Европу? Всегда рад буду Вас увидеть. Обнимаю! В. А это — на память о Киеве, где мы с Вами впервые встретились.

3 июня 1984"... встрече с "Незнакомкой" Крамского, и Репиными, и Врубелями, и даже Шишкиными — очень рад. После Левитана "После дождя" жутко потянуло на Волгу. А о "Вечернем звоне" уже не говорю. Ностальгирую... Здесь этого нет, здесь другое, и при всей своей красоте, как выяснилось, чужеватое. Вот так-то..."

1 июля. "Люблю пейзаж И.Левитана, может быть, больше всех. Но, уважая всех Пикассо и С. Дали, больше всего люблю "Мир искусства"!

Для меня Добужинский, Бенуа, Остроумова-Лебедева — самые любимые, и может быть, потому, что это ваш Питер. Его канал, с дождем, висит у меня на полке, и, когда я просыпаюсь, вижу его..." (Нина Аль, Тамара Голованова "Всемирное слово")

10. IX.84. Дорогая Лина! Очень тронули Вы меня своей статьей — добралась она все-таки до меня...//Статья Л.Ланцман "Объяснение в любви", о "Саперлипопет..."

12 сентября, в день 10-летия со времени отъезда, вернее, отлета в эмиграцию ("Борисполь. Слезы. Объятия..."): " В ответ на присланного Добужинского посылаю своего /речь идет о репродукции заставки Добужинского ко второй главе романа Пушкина "Евгений Онегин"\. Вот где я хотел бы, чтоб прибита была мемориальная доска (тщеславие, увы!): "В этом доме жил и творил такой-то..."

29 сентября. "Единственное, чего мне здесь не хватает, так это... помещичьего дома: хочу сидеть — вокруг ампиры колонны, а предо мною луг, выходящая ужом речушка, вдали дали, церквушка, закат, вечерний звон..." (Нина Аль, Тамара Голованова "Всемирное слово")

1985

15 июня 1985. Кельн—Париж. Глубокоуважаемый Михаил Сергеевич!

Мы, участники Великой Отечественной войны, несколько десятилетий работавшие в советской литературе, оказались не по своей воле за рубежом. Однако нам неизменно близки интересы Родины и ее международный престиж. Это обязывает нас обратиться к Вам: все, что мы знаем о Вас, позволяет надеяться на Ваше великодушие и государственный разум...

В.Некрасов

Е.Эткинд

Л.Копелев

(Виктор Некрасов. М.: Художественная литература, 1991, Сост. А.Парнис)

1986

3 ноября (О Корбюзье-скульпторе)

"Хорошо, хотя и не мое — на старости лет вернулся к Антокольскому"

7 декабря.

Параджанов к тому же и отличный художник. Я же что-то совсем перестал рисовать. Деградирую. (Нина Аль, Тамара Голованова "Всемирное слово")

1987

Февраль.

"Как ты думаешь, где я вчера был? Аж на двух кладбищах...Одно — это наше, русское, в Сен-Женевьев-де-Буа, куда возил одну москвичку, а другое — некрополь вашей Александро-Невской Лавры.

На первом — оно одно из самых уютных, зеленых и ухоженных во Франции, с маленькой часовней Бенуа, — возложены были цветы на могилы Саши Г/алича\ и Андрея Тарковского. Не знаю, почему и как, но похоронен он в чужой могиле. Табличка с его именем прикреплена к каменному кресту какого-то Григорьева. Странно. Тем более, что в газете дано сообщение о сборе средств на памятник Андрею. Как это будет сочетаться, не совсем ясно.../...\ по вашей Лавре я бродил, купив очень хорошую книгу, составленную А.Кудрявцевой и Г.Шкода и изданную издательством "Художник РСФСР" (Л., 1986).

Мартосы, Шубины, Щедрины, Т.де Томоны, Воронихины. И много неизвестных мастеров, но мало в чем уступающих. Когда-то я там шагал живьем и помню хорошо плиту на могиле Суворова: "Здесь лежит Суворов". И все! Лучше не скажешь. И никаких рыдающих воинов в латах и угасающих факелов. А теперь вдруг над плитой, вернее, за ней, банальнейший бюст. Авторы даже постыдились сообщить фамилию скульптора. Под фотографией подпись: "Надгробие начала XIX в. Завершено в 1978 г." Над плитой висят знамена. Есть и современные надгробия — Черкасова, Мичуриной-Самойловой, Юрьева, Корчагиной-Александровской. Из более ранних — Чайковский, Бородин, Мусоргский, Серов, Комиссаржевская. Не лучше. Все в каком-то русско-ропетовском сопровождении. А вот Даргомыжский (1961) с мальчиком со свирелью и без портрета мне даже понравился. Вот такие-то я совершаю прогулки..." (Из письма Т.П.Головановой, "Всемирное слово")

15.3.87. Дорогие Лева и Рая!

А в общем-то, вовсе не дорогие. Разлюбил я вас. Встречались с Булатом, с Любимовым и хоть бы позвонили, хоть бы три строчки написали. Очень вы нехорошие. Тем не менее возвращаю вам Лену Ржевскую. Очень и очень! Сделал о ней передачу, опубликовал в НРС. Хочу ей с оказией переслать...

Трубецкая звонила, обещала переслать Раину вещь. Жду. Засим обнимаю, хоть и ничтожества. Вика. (Виктор Некрасов. М., Художественная литература, 1991, Сост. А.Парнис)

20.3.87. Дорогая Рая!

И все-таки я подвижник и хороший парень... Вот так-то Раечка, как говорится, не взыщи. Целую вас обоих, несмотря ни на что. Ваш Вика.

Это его письмо оказалось последним (в переписке с Р.Орловой и Л.Копелевым)

(Виктор Некрасов. М., Художественная литература, 1991, Сост. А.Парнис)

18/VII.87. Дорогая "Юность"!

Не смотря на преклонный возраст, мне особенно приятно попасть на страницы журнала с таким названием. К тому же он издается в Москве, которую всегда любил, люблю и по которой скучаю, как и по многим москвичам.

В довершении желаю всем юным читателям, чтоб не видать им никаких войн и не знать, что такое окопы.

Верю в это и спокойно вручаю рукопись в руки моего давнишнего и любимого редактора Анны Самойловны Берзер! С дружеским приветом! Виктор Некрасов ("Юность", №7, 1988)

Виктор Платонович Некрасов скончался в Париже в госпитале 3 сентября 1987 года. 13 сентября в "Московских новостях" появился некролог.

(Этот некролог был написан В.Я.Лакшиным ночью, когда радио принесло весть о смерти Некрасова. Утром он позвонил Егору Яковлеву — редактору "Московских новостей". Под некрологом поставили свои подписи еще и Григорий Бакланов, Вячеслав Кондратьев, Булат Окуджава. Так он и появился на страницах газеты. (В.Я.Лакшин "Берега культуры", М., 1994. С. 229)

Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Фадеев Геннадий ^{сестра}
 → мажорует над Селенгын-
 ным твоей сестры в "Фил Уейт", ко-
 рую мигман вна велем по радио.
 Милая твоя сестра милая хх хх
 и мажорует в 2х3х часах мур ~~от~~ то-
 сев Келам, а милая велем мигман
 мигман и тебе, ~~и~~ мигман тебе мигман и
 мигман, ~~а~~ милая ~~и~~ мигман ~~и~~ мигман
~~и~~ мигман, милая мигман мигман
 мигман твоей сестры в мигман, ~~и~~ милая
 мигман, мигман мигман мигман, и мигман
 с мигман мигман в мигман мигман с мигман
 мигман ~~и~~ мигман мигман, мигман мигман.
 Так вот, а мигман мигман мигман.
 Милая мигман мигман мигман, мигман
 мигман мигман - ~~и~~ мигман мигман.
~~и~~ мигман мигман мигман мигман.
 Мигман мигман мигман мигман. Мигман.
~~и~~ мигман - мигман мигман а мигман мигман
 мигман мигман - мигман мигман в мигман мигман
 мигман мигман, мигман мигман
 мигман мигман мигман, мигман, мигман.
 мигман, мигман мигман мигман
 мигман ~~и~~ мигман мигман мигман мигман.
 мигман мигман мигман мигман - мигман.
 мигман мигман мигман мигман мигман.

ВИКТОР НЕКРАСОВ

ДОМ ТУРБИНЫХ

*"...Буль-буль-буль, бутылочка
казенного вина!!
Бескозырки тонные,
сапоги фасонные, —
то юнкера-гвардейцы идут..."*

И в это время гаснет электричество. Николка и его гитара умолкают.

"Черт знает что такое, — говорит Алексей, — каждую минуту тухнет. Леночка, дай, пожалуйста, свечи". И входит Елена со свечой, а где-то очень далеко раздается пушечный выстрел. "Как близко, — говорит Николка. — Впечатление такое, будто бы под Святошином стреляют..."

Николке Турбину семнадцать с половиною. Мне тоже семнадцать с половиною. Правда, у него на плечах унтер-офицерские погоны и трехцветные шевроны на рукавах, а я просто-напросто учусь в советской железнодорожной профшколе, но все же обоим нам по семнадцать с половиною. И говорит он о Святошине, нашем киевском Святошине, и свет у нас тоже так вот гас, и так же доносилась откуда-то канонада...

Бухало, целыми днями бухало. И где-то стреляли. И по ночам зачем-то били в рельс. Кто-то приходил, кто-то уходил. Потом, когда становилось тихо, нас водили в Николаевский парк перед университетом, и там было всегда полно солдат. Сейчас почему-то их совсем нет, парк стал пенсионерски-доминошным, а тогда на всех скамейках сидели солдаты. Разные — немцы, петлюровцы, в двадцатом году поляки в светло-гороховых английских шинелях. Мы бегали от скамейки к скамейке и спрашивали у немцев: "Вифиль ист ди ур?" И солдаты смеялись, показывали нам часы, давали конфетки, сажали на колени. Очень они нам нравились. А вот белогвардейцы, или, как их тогда называли, "добровольцы", нет. Два истукана-часовых стояли на ступеньках у входа в особняк Терещенко, где расположился штаб генерала Драгомирова, и мы бросали в них камешками, а они хоть бы что, дураки, стояли, как пни...

Каждый раз вспоминаю я их, этих истуканов, проходя мимо дома на углу Кузнечной и Караваевской, где обосновался после генеральского штаба прозаический Рентгеновский институт...

...Электричество зажигается. Гасят свечи. (У нас тоже зажигалось, но гасили не свечи, а коптилки; где Турбины доставали свечи — ума не приложу, они были на вес золота.) Тальберга все еще нет. Елена беспокоится. Звонок. Появляется замерзший Мышлаевский. "Осторожно вешай, Никол. В кармане бутылка водки. Не разбей..."

Сколько раз я видел "Дни Турбиных"? Три, четыре, может, даже и пять. Я рос, а Николке все оставалось семнадцать. Сидя, поджав колени, на ступенях мхатовского балкона первого яруса, я по-прежнему чувствовал себя его ровесником. А Алексей Турбин всегда оставался для меня "взрослым", намного старшим меня, хотя, когда я в последний раз, перед войной, смотрел "Турбиных", мы были ровесниками уже с Алексеем.

Режиссер Сахновский писал где-то, что для нового поколения Художественного театра "Турбины" стали новой "Чайкой". Думаю, что это действительно так. Но это для артистов, для МХАТа, — для меня же, сначала мальчишки-профшкольника, потом постепенно взрослеющего студента, "Турбины" были не просто спектаклем, а чем-то гораздо большим. Даже когда я стал уже актером, интересующимся чисто профессиональной стороной дела, даже тогда "Турбины" были для меня не театром, не пьесой, пусть даже очень талантливой и привлекательно-загадочной своим одиночеством на сцене, а осязаемым куском жизни, отдаляющимся и отдаляющимся, но всегда очень близким.

Почему? Ведь в жизни своей я не знал ни одного белогвардейца (впервые столкнулся с ними в Праге в 1945 году), семья моя отнюдь их не жаловала (в квартире нашей перебивали жильцами-реквизиторами и немцы, и французы, и два очень полюбившихся мне красноармейца, пахнувших махоркой и портянками, но ни одного белого), да и вообще родители мои были из "левых", друживших за границей с эмигрантами — Плехановым, Луначарским, Ногиным... Ни Мышлаевских, ни Шервинских никогда в нашем доме не было. Но что-то другое, что-то "турбинское", очевидно, было. Мне трудно объяснить даже что. В нашей семье я был единственным мужчиной (мама, бабушка, тетка и я — семилетний), и никаких гитар у нас не было. И вино не лилось рекой, даже ручейком. И общего с Турбиными у нас как будто ничего не было, если не считать соседа осетина Алибека, который появлялся иногда у нас в гостиной весь в кавказских газырях (Шервинский?!) и, когда я малость подрос, все спрашивал, не купит ли кто-нибудь из моих школьных товарищей его кинжал — он любил пропустить рюмочку. А вот что-то общее все же было. Дух? Прошлое? Может быть, вещи?

"...Мебель старого красного бархата...потертые ковры...бронзовая лампа под абажуром, лучшие на свете шкафы с книгами, пахнущими таинственным старинным шоколадом, с Наташей Ростовой, Капитанской дочкой, золоченые чашки, портреты, портьеры..."

Одним словом, Турбины вошли в мою жизнь. Вошли прочно и навсегда. Сначала пьесой, МХАТом. Потом и романом, "Белой гвардией". Написан он был раньше пьесы — за год, за два, но попал мне в руки где-то в начале тридцатых годов. И укрепил дружбу. Обрадовал "воскрешением" Алексея, "убитого" Булгаковым, правда, после, но для меня до романа. Расширил круг действия. Ввел новых лиц. Полковника Малышева, отважного Най-Турса, таинственную Юлию, домовладельца Василису с костлявой и ревливой Вандой — женой его. На сцене МХАТа была уютная, обжитая, такая же симпатичная, как и населяющие ее люди, квартира с умилавшими до слез Лариосика кремовыми занавесками, в романе же ожил весь "город прекрасный, город счастливый, мать городов русских", занесенный снегом, таинственный и тревожный в этот страшный "год по рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй".

Для нас, киевлян, все это было особенно дорого. До Булгакова русская литература как-то обходила Киев — разве что Куприн, да и то очень уж довоенный. А тут все близко, рядом — знакомые улицы, перекрестки, Святой Владимир на Владимирской горке с сияющим белым крестом в руках (увы, этого сияния я уже не помню), который был "виден далеко, и часто летом, в черной мгле, в путаных заводях и изгибах старика-реки, из ивняка, лодки видели его и находили по его свету водяной путь на город, к его пристаням".

Не знаю, как для кого, но для меня очень важна всегда "география" самого произведения. Важно знать, где жили — точно! — Раскольников, процентщица, где жили герои вересаевского "В тупике", где в Коктебеле был их белый домик с черепичной крышей и зелеными ставнями. Я был сперва разочарован (уж очень привык к этой мысли), а потом обрадован, узнав, что Ростовы никогда не жили на Поварской именно в том доме, где сейчас Союз писателей (тут жила Наташа, а теперь отдел кадров или бухгалтерия...) Причем важно было, где жили и действовали герои, не автор, а именно герои. Они всегда (сейчас, может быть, в меньшей степени) были важнее придумавшего их автора. Впрочем, Растиньяк и до сих пор для меня "живее" Бальзака, как и д'Артаньян — старика Дюма.

А Турбины? Где они жили? До этого года (точнее, до апреля этого года, когда я вторично через тридцать лет прочел "Белую гвардию") я помнил только, что жили они на Алексеевском спуске. В Киеве такой улицы нет, есть Андреевский спуск. По каким-то ведомым только одному Булгакову причинам он, автор, сохранив действительные названия всех киевских улиц (Крещатик, Владимирская, Царский сад, Владимирская горка), две из них, наиболее тесно "привязанных" к самим Турбиным, — переименовал. Андреевский спуск на Алексеевский, а Мало-Подвальную (там, где Юлия спасает раненого Алексея) на Мало-Провальную. Зачем это сделано — остается тайной, но так или иначе нетрудно было

догадаться, что жили Турбины на Андреевском спуске. Помнил я и то, что жили они в двухэтажном доме под горой, на втором этаже, а на первом жил домовладелец Василиса. Вот и все, что я помнил.

Андреевский спуск — одна из самых "киевских" улиц города. Очень крутая, выложенная булыжником (где его сейчас найдешь?), извиваясь в виде громадного "S", она ведет из Старого города в нижнюю его часть — Подол. Вверху Андреевская церковь — Растрелли, XVIII век, — внизу Контрактовая площадь (когда-то там по веснам проводилась ярмарка — контракты, — я еще помню моченые яблоки, вафли, масса народу). Вся улица — маленькие, уютные домики. И только два или три больших. Один из них я хорошо знаю с детства. Он назывался у нас Замок Ричарда Львиное Сердце. Из желтого киевского кирпича, семиэтажный, "под готику", с угловой остроконечной башней. Он виден издали и со многих мест. Если войти в низкую, давящую дворовую арку (в Киеве это называется "подворотня"), попадаешь в тесный каменный двор, от которого у нас, детей, захватывало дух. Средневековье... Какие-то арки, своды, подпорные стены, каменные лестницы в толще стены, висячие железные, какие-то ходы, переходы, громадные балконы, зубцы на стенах... Не хватало только стражи, поставившей в угол свои алебарды и дующей где-нибудь на бочке в кости. Но это еще не все. Если подняться по каменной, с амбразурами лестнице наверх, попадаешь на горку, восхитительную горку, заросшую буйной дерезой, горку, с которой открывается такой вид на Подол, на Днепр и Заднепровье, что впервые попавших сюда никак уж не прогонишь. А внизу, под крутой этой горкой, десятки прилепившихся к ней домиков, дворики с сарайчиками, голубятнями, развешанным бельем. Я не знаю, о чем думают киевские художники, — на их месте я с этой горки не слезал бы...

Вот такой вот есть Андреевский спуск. Есть и был. На нем ни одного нового дома. Таким — с крупной булыгой, с зарослями дерезы на откосах, с двумя-тремя неизвестно как и для чего посаженными невысказанно кривыми, валяющимися прямо на улице американскими кленами, с маленькими своими домиками, — таким он был десять, двадцать, тридцать лет тому назад, таким он был и в зиму 1918 года, когда "Город жил странно, неестественно жизнью, которая, очень возможно, уже не повторится в двадцатом столетии..."

Где же на этом самом Андреевском спуске жили Турбины? Не знаю точно, почему, но я убедил себя, а потом стал убеждать и друзей, которых водил на эту самую горку, что жили они в маленьком домике, прилепившемся к Замку Ричарда. У него веранда, симпатичная калитка в глухом заборе, садик, перед входом один из этих кривулеч-кленов. Ну, конечно же, они могли жить только тут. И жили. "Я вам это точно говорю..."

Но оказалось, что я жестоко ошибался.

И вот тут-то начинается самое интересное. До сих пор была, так сказать, присказка, сейчас же я приступаю к сказке.

Настал 1965 год.

Стоит ли говорить о том счастье, которое пережили все мы, прочитав впервые появившиеся в печати "Театральный роман", а год спустя "Мастера и Маргариту". Через двадцать пять лет после смерти писателя мы познакомились с неведомыми нам до сих пор страницами булгаковской прозы. И были поражены. Обрадованы и поражены, о чем тут говорить. Но еще более обрадовала и поразила (меня во всяком случае) вторичная встреча с "Белой гвардией". Ничто, оказывается, не померкло, ничто не устарело. Как будто и не было этих сорока лет. Я с трудом заставлял себя отрываться от романа и делал это насильно, чтоб продлить удовольствие. На наших глазах произошло некое чудо, в литературе случающееся очень редко и далеко не со всеми, — произошло второе рождение.

Кстати, с "Днями Турбиных" до сих пор этого не произошло. Послевоенная постановка пьесы в театре Станиславского особой радости никому не доставила. Может быть, потому, что после Хмелева, Добронравова, Кудрявцева (подумать только, никого из них уже нет в живых!), после молодого, тоненького Яншина — Лариосика, после Тарасовой и Еланской создать что-нибудь новое и яркое очень трудно. А может, и потому, что не все

произведения искусства можно копировать, а родить новый оригинал не так-то просто. Я с тревогой (надеждой, но больше с тревогой) жду новой постановки во МХАТе. Ходить, или не ходить? Не знаю. Боюсь... Всего боюсь: юношеских воспоминаний, сравнений, параллелей... Да, боюсь я за "Турбиных", боюсь за пьесу...

А вот роман обезоружил. Живой, живой, совсем живой... Ни одной морщинки, ни одного седого волоса. Выжил, пережил и победил!

Но я отвлекся. Вернемся к географии. Где же жили Турбины?

Оказывается, автор не делает из этого никакого секрета. Буквально на второй странице романа указан точный адрес: Алексеевский (читай Андреевский) спуск, №13.

"Много лет до смерти (матери), в доме №13 по Алексеевскому спуску, изразцовая печка в столовой грела и растила Еленку маленькую, Алексея старшего и совсем крошечного Николку". Ясно и точно. Как же я этого не запомнил? Не запомнил, и все...

Итак, Андреевский спуск, №13...

Самое забавное — оказывается, у меня есть даже снимок этого дома. Хотя, снимая его, я и понятия не имел о его значении и месте в русской литературе. Просто понравился этот уголок Киева (в свое время я увлекался фотографией, пейзажами Киева в частности), и точка, которую я нашел, взобравшись на одну из многочисленных киевских гор, была очень эффектна. Андреевская церковь, Замок Ричарда, горка, сады, вдаль Днепр, а внизу — крутая излучина Андреевского спуска и прямо посередине под горкой дом Турбиных. Кстати, и с этой самой горки, вернее горы, о которой я уже говорил, дворик дома виден очень хорошо. Самый уютный и привлекательный, с голубятней, с верандочкой — я его сотни раз показывал друзьям, хвастаясь киевскими красотами.

Я, конечно, побывал в нем, в этом домике. Даже дважды. Первый раз мимоходом, несколько минут, в основном чтоб уточнить, действительно ли это он или нет, второй раз подольше.

В романе дан совершенно точный его портрет. "Над двухэтажным домом №13, постройки изумительной (на улицу квартира Турбиных была во втором этаже, а в маленький, покатый, уютный дворик — в первом), в саду, что лепился под крутейшей горой, все ветки на деревьях стали лапчаты и обвисли. Гору замело. Засыпало сарайчики во дворе — и стала гигантская сахарная голова. Дом накрыло шапкой белого генерала, и в нижнем этаже (на улицу — первый, во двор под верандой Турбиных — подвальный) засветился слабенькими желтенькими огнями... Василий Иванович Лисович, а в верхнем — сильно и весело загорелись турбинские окна".

Ничто с тех пор не изменилось. И дом, и дворик, и сарайчики, и веранда, и лестница под верандой, ведущая в квартиру Василисы (Вас. Лис.) — Василия Ивановича Лисовича — на улицу первый этаж, во двор — подвал. Вот только сад исчез — одни сарайчики.

Первый мой визит, повторяю, был краток. Я был с матерью и приятелем, приехали мы на его машине, и времени у нас было в обрез. Войдя во двор, я робко позвонил в левую из двух ведущих на веранду дверей и у открывшей ее немолодой дамы-блондинки спросил, не жили ли здесь когда-нибудь люди по фамилии Турбины. Или Булгаковы.

Дама несколько удивленно посмотрела на меня и сказала, что да, жили, очень давно, вот именно здесь, а почему меня это интересует? Я сказал, что Булгаков — знаменитый русский писатель, и что все, связанное с ним...

На лице дамы выразилось еще большее изумление.

— Как? Мишка Булгаков — знаменитый писатель? Этот бездарный венеролог — знаменитый русский писатель?

Тогда я обомлел, впоследствии же понял, что даму поразило не то, что бездарный венеролог стал писателем (это она знала), а то, что стал знаменитым...

Но выяснилось это уже после второго визита. На этот раз нас пришло только двое и времени у нас было сколько угодно.

На наш звонок из глубины квартиры раздался молодой женский голос:

— Мама, какие-то дядьки...

Мама — та самая немолодая дама-блондинка — вышла и после крохотной вспоминающе-оценивающей паузы — меня, по-моему, она сначала не узнала — любезно сказала:

— Пожалуйста, заходите. Вот сюда, в гостиную. У них это была гостиная. А это — столовая. Пришлось перегородить, как видите...

Бывшая столовая, судя по лепным тягам на потолке, была когда-то очень большой и, очевидно, уютной, сейчас же она превратилась в прихожую и одновременно кухню: справа у стенки красовалась газовая плита.

Мы вошли в гостиную, хозяйка извинилась, что не прерывает работы — она гладила, правда, не очень усердно, тюлевые гардины на длинной гладильной доске, — и пригласила нас сесть.

Обстановка в гостиной оказалась отнюдь не турбинской. И не булгаковской. На трех окнах, выходящих на улицу, на противоположную горку с начавшей уже зеленеть травой, — раздвижные в пол-окна занавесочки, на подоконнике цветы — лиловый сон в вазочках. Все остальное — как у всех теперь — только киевский вариант: львовский "модерн" начала пятидесятых годов в сочетании с так называемой "боженковской" мебелью. (Герой гражданской войны, соратник Щорса, Боженко, увы, ассоциируется сейчас у большинства киевлян с посредственной мебелью фабрики, носящей его имя.) На стене что-то японское на черном лаке (цапли, что ли?), возле дверей — сияющее, под орех пианино.

Мы сели. Хозяйка полюбопытствовала, что нас интересует. Мы сказали, что все, касающееся жизни Михаила Афанасьевича Булгакова в этой квартире.

Из последующего рассказа, прерываемого то приходом молчаливого мужа, что-то искавшего в шкафу, то вторжением тут же изгоняемых внуков ("Идите, идите, нечего вам слушать"), мы узнали, что семья Булгаковых была большая: отец — профессор богословия, умерший, по-видимому, еще до революции, мать — очень хозяйственная, любившая порядок, и семеро детей — три брата, из которых Михаил был старший, и четыре сестры. Прожили они в этой квартире больше двадцати лет и в 1920 году уехали. Больше никто никогда сюда не возвращался. Михаил в том числе. Семья была патриархальная, с определенными устоями. Со смертью отца все изменилось. Мать, насколько мы поняли, отделилась: "там наверху, против Андреевской церкви, жил один врач, очень приличный человек, он недавно умер в преклонном возрасте в Алма-Ате", и с тех пор в доме воцарилась безалаберщина.

— Очень они были веселые и шумные. И всегда уйма народу. Пели, пили, говорили всегда разом, стараясь друг друга перекричать... Самой веселой была вторая Мишина сестра. Старшая посерьезней, поспокойнее, замужем была за офицером. Фамилия его что-то вроде Краубе — немец по происхождению. — (Так, поняли мы, — Тальберг...) — Их потом выслали, и обоих уже нет в живых. А вторая сестра — Варя — была на редкость веселой: хорошо пела, играла на гитаре... А когда подымался слишком уж невообразимый шум, влезала на стул и писала на печке: "Тихо!"

— На этой печке? — Мы разом обернулись, посмотрели в угол и невольно вспомнили надписи, которые на ней когда-то были. Последняя Николкина: "Я-таки приказываю посторонних вещей на печке не писать под угрозой расстрела всякого товарища... Комиссар Подольского райкома. Дамский, мужской и женский портной Абрам Пружинер. 1918 года, 30 января".

— Нет, — сказала хозяйка, — в столовой. Будете уходить, я вам покажу.

Дальше пошел рассказ о самом Мише. Начался он почему-то с зубов. У него были очень крупные зубы. ("Да-да, — подтвердил присевший в углу на стул хозяйкин муж, — у него были очень крупные зубы". Это была первая из двух произнесенных им за все время фраз.) А вообще Миша был высокий, светлоглазый блондин. Все время откидывал волосы назад. Вот так — головой. И очень быстро ходил. Нет, дружить не дружили, он был значительно старше, лет на двенадцать. Дружила с самой младшей сестрой Лелей. Но Мишу помнит хорошо, очень хорошо. И характер его — насмешливый, ироничный, язвительный. Не легкий, в общем. Однажды даже отца ее обидел. И совершенно незаслуженно.

У Миши там вот кабинет был. — Хозяйка указала на стенку перед собой. — Больных принимал, люэтиков своих. Вы ж, очевидно, знаете, что он переквалифицировался на венеролога. Так вот, у него всегда там почему-то краны были открыты. И все переливалось через край. И протекало. И все на наши головы...

Мы переглянулись.

— Вы что, на первом этаже жили?

— На первом. И все, понимаете, на наши головы. Чуть потолок не рухнул. Тогда мой отец, человек очень приличный, образованный и все-таки хозяин дома — квартиру-то они у нас снимали — (мы опять переглянулись...), — подымается наверх и говорит: "Миша, надо все-таки как-то следить за кранами, у нас внизу совсем потоп..." А Миша ответил ему так грубо, так грубо...

Но как именно ответил Миша, мы так и не узнали, в разговор вмешалась появившаяся вдруг из коридора очень золото- и пышноволосая, расчесывающая свои кудри хозяйкина дочка.

— Ну зачем, мама, все эти детали?

Мать несколько смутилась, хотя тут же сказала, что ничего дурного в этих деталях не видит, просто одна из черточек Мишиного характера, а мы в третий раз переглянулись.

— Так вы, значит, на первом этаже жили? Который во двор подвалом выходит?

— Ну да. Поэтому на нас и лилось.

Все стало ясно. Первый этаж, домовладелец... Абсолютно ясно. Мы имели дело ни больше, ни меньше, как с дочерью Василисы, хозяина дома Василия Ивановича Лисовича...

Одно, правда, несколько удивило нас (все это уже потом, на обратном пути, перебивая друг друга, пытаясь во всем разобраться), — когда кто-то из нас, в самом еще начале разговора упомянул имя Василисы, хозяйка наша и бровью не повела, как будто и имени такого не слыхала.

Последующий кропотливый анализ посеял в нас сомнение: а читала ли нынешняя владелица булгаковской квартиры "Белую гвардию"? "Дни Турбиных", очевидно, видела, когда перед самой войной МХАТ приезжал в Киев (сын во всяком случае видел: билеты достать было невозможно, но он сказал, что он внук хозяина дома, где жили Булгаковы, и ему сразу дали). Одним словом, будем считать, что с "Турбинами" она была знакома, но все дело в том, что в пьесе Василисы нет, он даже не упоминается. А в романе есть. Возможно, сам Василиса читал, но вряд ли ему так уж хотелось, чтоб прочитали дети...

— Что и говорить, — грустно улыбнулась хозяйка, перебирая тюлевые гардины, — жили мы, как Монтекки и Капулетти... И вообще...

Дальше выяснилось, что не только как к жильцу, но и как к писателю у нее есть определенные претензии. Дело в том, что, когда в конце двадцатых или в начале тридцатых годов изымали золото, один из соседей — вот там, через улицу жил, — вспомнил, что в каком-то романе Миша писал о некоем домовладельце, у которого что-то там где-то хранилось, так вот, если оно действительно есть... Но его не было. Не было уже ничего... И все же как-то нехорошо получилось. Зачем так уж прямо?

Мы оба невольно посмотрели в окно: а где то дерево, та акация, с которой бандит-петлюровец подсматривал за Василисиними операциями с тайником в стене? Нет, обнаружить нам ее не удалось — ни сейчас, ни потом. Все-таки сорок лет прошло. Зато ущелье между двумя домами, тринадцатым и одиннадцатым, куда Николка прятал исчезнувшую потом жестяную коробку из-под конфет с пистолетами, погонями и портретом наследника Алексея, — нашли... И даже доски выломаны. Как будто бандиты только сегодня или вчера вылезли из этого самого ущелья.

Сегодня? Вчера? Позавчера? Все как-то вдруг перепуталось, сдвинулось, переместилось...

Вот в этой самой комнате, где мы сейчас сидим, с тремя окнами на улицу, с таким же точно видом на противоположную горку, которая с тех пор ничуть не изменилась (исчезли только акации, темнившие гостиную), в этой самой тогда гостиной жил себе и расхаживал быстрым шагом высокий голубоглазый человек, откидывавший волосы назад, ироничный и язвительный, уехавший потом в Москву и никогда больше сюда не возвращавшийся... В этой

самой гостиной, тогда розовой, с кремовыми занавесками, много-много лет назад в студеную декабрьскую ночь три офицера, один юнкер и нелепый, брошенный женой молодой человек из Житомира играли в винт, а в соседней комнате бредил тифозный, а внизу на первом этаже, в это самое время петлюровцы чистили домовладельца, и потом он, бедняжка, прибежал сюда и упал в обморок, и его окатывали холодной водой...

В этой самой комнате, в этой квартире пахло когда-то на рождество хвоей, потрескивали парафиновые свечи, на белой крахмальной скатерти в вазе в виде колонны стояли гортензии и мрачные знойные розы, часы с бронзовыми пастушками каждые три часа играли гавот, и в столовой откликались им черные стенные, и на рояле лежали раскрытые ноты "Фауста", и пили здесь вино и водку, и пели эпिताму богу Гименею и кое-что другое, приводящее в ужас похожего на Тараса Бульбу домовладельца и его жену: "Что ж это такое? Три часа ночи! Я жаловаться наконец буду!"

И вот всего этого нету. Нет больше "книжной", нет сокола на белой рукавице Алексея Михайловича, нет Людовика XIV в райских кущах на берегу шелкового озера, нет бронзовых ламп под зеленым абажуром, и холодные, старательно вымытые (начал еще Николка) саар дамские изразцы тоскливо смотрят на голубые огоньки и кастрюли газовой плиты. И нижний этаж переселился в верхний, и Василиса, по-видимому, умер (мы почему-то, растерявшись, ничего о нем не спросили), а в угловой Николкиной комнате (двадцать шесть метров, как сообщила нам хозяйка) живет златокудрая Василисина внучка...

А Николка?

Да, у Миши было два брата. Николай и Ваня. Николай — старший, второй после Миши, спокойный, серьезный, самый серьезный из всех. Умер в январе этого года в Париже. Был профессором. Это кое-что да значит — быть профессором в Париже, да еще русскому эмигранту. Умница был. Тогда еще был умницей... А Ваня? Ваня тоже в Париже, но не профессор... В бала-лаечном ансамбле каком-то или как-то у них там называется. Он самый младший был, вероятно, еще жив... Из сестер остались две, обе в Москве. Одна тяжело болеет, с другой, с Надей, изредка переписываемся. Когда была в Москве, заходила к ней. Недавно где-то ее фотография была. На фоне Мишиной библиотеки. Сохранилась еще. А Миши вот нет...

Тут хозяйка, оторвавшись от утюга, испытующе и все же недоверчиво посмотрела на нас:

— Так вы говорите, стал знаменитым?

— Стал...

Покачала головой.

— Кто мог подумать? Ведь такой невезучий был... Надя, правда, недавно писала мне, что сейчас вот напечатали что-то его и все очень читают... Но ведь столько лет прошло...

Опять ворвались дети — мальчик и девочка. Их опять прогнали. Муж вяло поискал что-то в шкафу и опять сел, хотя ему надо было куда-то уходить. Дочь, продолжая расчесывать свои кудри, попыталась вступить в разговор — почему мать ничего про Ланчия не рассказывает? Но мать, при всей своей словоохотливости, тут вдруг заартачилась — ничего, мол, интересного нет. Дочь уверяла, что очень интересно, ей во всяком случае было очень интересно. Но мать проявила непонятную стойкость. Нам удалось только узнать, что Ланчия — хозяин гостиницы "Европейская" на бывшей Царской площади (эта пояснительная фраза была второй и последней, произнесенной мужем хозяйки), — имел в Буче дачу напротив булгаковской, и была у него там оранжерея... Вот и все, как видите, ничего интересного... Мы поняли, что интересное было, но сообщать нам какую-то существовавшую, очевидно, сложность в треугольнике Булгаковы — Ланчия — Василиса по каким-то причинам не хотят, — и настаивать не стали.

Вообще, как выяснилось, мы с другом оказались никудышными репортерами. Не взяли с собой фотоаппарата, сидели как привязанные, я — к креслу, друг — к дивану, не побывали в других комнатах, ничего не узнали о судьбе Василисы... Впрочем, может быть, так и надо. В конце концов мы действительно не репортеры — что узнали, то и узнали. А сфотографировать домик я всегда успею — и снизу, и сбоку, и с горы, — он еще долго проживет.

Вот и все.

Мы попрощались и ушли. Обещали зайти еще. Но вряд ли это нужно.

Сейчас меня интересует одно: прочтут или нет жильцы этого прилепившегося к горе домика о событиях, разыгравшихся в нем без малого пятьдесят лет назад?...¹

Поднимаясь вверх по Андреевскому спуску, взбудораженные и опечаленные, мы пытались подвести какой-то итог. Чему? Да так, всему. Прошлому, настоящему, несуществующему. Летом, в шестьдесят шестом, в Ялте мы читали опубликованные сейчас в журнале "Театр" воспоминания Ермолинского о Булгакове — очень грустные, очень трагичные. Сейчас вот побывали в местах булгаковской молодости и пойдем еще в 1-ю гимназию (теперь там университет), на ступенях которой, в вестибюле погиб (на сцене МХАТа) Алексей, зайдём в "гастроном" на Театральной, где был когда-то "Шик паризьен" мадам Анжу с колокольчиком на дверях, потом в который раз попытаемся разыскать дом на Мало-Провальной. За поворотом "самой фантастической улицы в мире" — мшистая стена, калитка, кирпичная дорожка, еще калитка, еще одна, сиреневый сад в снегу, стеклянный фонарь старинных сеней, мирный свет сальной свечи в шатале, портрет с золотыми эполетами, Юлия... Юлия Александровна Рейс... Нет ее.

И дома этого нет. Я уже облазил всю Мало-Подвальную. Был когда-то похожий, в глубине двора, деревянный, с верандой и цветными стеклами, но его давно уже нет. На его месте новый, каменный, многоэтажный, нелепо чужой на этой горбатой, "самой фантастической в мире" улочке, а рядом телевизионная башня — двести метров уходящего в небо железа...

Мы поднимались вверх по Андреевскому спуску...

Почему никогда больше не потянуло сюда Булгакова? Ни его, ни братьев, ни сестер? Впрочем, братьям это вряд ли удалось бы. Николай умер, похоронен где-то на парижском кладбище. Ваня же... А может, я его видел, может, даже познакомился? Я был в Париже в русском ресторане, недалеко от бульвара Сен-Мишель. Назывался он "У водки". И пили там действительно водку, что в других ресторанах не очень-то практикуется, и за соседним столиком подвыпившие пожилые люди пели "Вещего Олега" и "Скажи-ка, дядя, ведь недаром...", а в углу на маленькой эстраде шестеро балалаечников в голубых шелковых косоворотках в третий раз по заказу исполняли "Очи черные...". Я с ними разговаривал. Кроме одного, все были русскими. Фамилий своих они не называли. Все спрашивали, как им вернуться на родину... Может, среди них был и Ваня Булгаков, а для меня, для всех нас — Николка Турбин? В восемнадцатом году гитара, "Буль-буль-буль, бутылочка", сейчас балалайка и "Очи черные"...

Ах, как хочется продолжить роман. По-детски хочется знать, что же было дальше, как сложилась судьба Турбиных после восемнадцатого года. Бег? Для Николки, очевидно, да. Для Мышлаевского — не знаю. А Шервинский, Елена? А Алексей? Написал "Дни Турбиных" и "Белую гвардию"? Умер в сороковом году, не дождавшись триумфа, пришедшего через двадцать пять лет после смерти?

Как жалею я теперь, что не знаком был с Булгаковым. Как хотелось бы знать, что, где, как и почему рождалось.

В двадцать третьем году от тифа умерла его мать. И в двадцать третьем же году начата "Белая гвардия". И начинается она с похорон матери. "Мама, светлая королева, где же ты?.."

Я перечитываю сейчас "Мастера и Маргариту", и теперь мне особенно понятно становится, почему и "откуда" взялся устроенный Маргаритой потоп в квартире Латунского.

И Максудов в "Театральном романе" пишет вовсе не "Черный снег", а "Белую гвардию"... "вечер, горит лампа. Бахрома абажура. Ноты на рояле раскрыты. Играют "Фауста". Вдруг "Фауст" смолкает, но начинает играть гитара. Кто играет? Вон он выходит из двери с гитарой в руке..."

---

¹События? Какие события? "Белая гвардия" — роман, вымысел. А вот видите, какой вымысел, если я совершенно серьезно написал вышеприведенную фразу. И решил не трогать, не изменять, добавить только сноску.

Николка...Опять Николка... Здравствуй, Николка, старый друг моей юности...

Вот и договорился — другом моей юности, оказывается, был ни больше, ни меньше, как белый офицер, юнкер... А я и не отпираюсь. И его старший брат тоже. И сестра. И друг брата

Да, я полюбил этих людей. Полюбил за честность, благородство, смелость, наконец за трагичность положения. Полюбил, как полюбили их сотни тысяч зрителей мхатовского спектакля.¹ А среди них был и Сталин. Судя по протоколам театра, он смотрел "Дни Турбиных" не меньше пятнадцати раз! А вряд ли он был таким уж завзятым театралом...

В сорок первом году в Минске "турбинская квартира" сгорела. И хотя через тринадцать лет она снова возникла из пепла, на этот раз не в одной, а в трех ипостасях (в Москве, Тбилиси и Новосибирске), для меня существовала только та, в декорациях (как не хочется произносить это слово!) художника Ульянова ..

Ее нет и никогда не будет. Так же, как никогда не будет больше Хмелева, Добронравова, Кудрявцева — первых, кто заставил нас влюбиться в невыдуманных (а может, и выдуманных, на половину, на четверть выдуманных, черт, опять запутался!) героев Булгакова.

Знакомство наше состоялось давно — сорок лет назад (кстати, нас отделяет сейчас от последнего мхатовского спектакля столько же времени, даже на три года больше, сколько этот спектакль отделяло от изображенных в нем событий!) Почему же чекрез столько лет дружба наша не только не увяла(появились же и новые друзья),а, наоборот, окрепла? Почему я еще больше полюбил их, встретившись вновь?

Сначала я не мог дать точного ответа. Сейчас могу.

Я еще больше полюбил Турбиных, потому что они, именно они, первыми познакомили меня с Булгаковым.

Тогда, сорок лет назад, чего греха таить, Булгаков (и как писатель, и тем более как человек) меня интересовал куда меньше, чем его герои... Сейчас же, когда героев стало во много-много раз больше. И среди них даже черти и ведьмы, я мысленно возвращаюсь назад, к двадцать восьмому году, сажусь на ступеньки балкона первого яруса Московского Художественного театра и благодарю, благодарю Алексея, благодарю Елену, Николку, даже гетмана Скоропадского за то, что это они первыми сказали мне : "Булгаков Михаил Афанасьевич, драматург..."

Я не видал "Мольера", но читал "Жизнь господина де Мольера". У Булгакова не было "покровителей", не было принца де Конти и герцога Орлеанского. Так же как не было у Мольера художественных руководителей, но оба они в одинаковой степени познали, что значит нелегкий путь подлинного искусства.

Слава к Булгакову пришла и рано — со всеми ее сложностями — и в то же время поздно, но тут я вынужден поставить точку — это уже тема отдельного исследования, к нему я не готов.

Моя тема — география. Я горжусь (и удивляюсь только, что до меня никто этого не сделал) своим открытием "дома Турбиных" и приглашаю всех, кто посетит Киев, спуститься вниз по крутому Андреевскому спуску до дома №13, заглянуть во дворик (слева, под верандой, прошу обратить внимание на лестницу, это именно там у бедного Василисы по животу прошел холодок при виде прекрасной молочницы Явдохи), а затем подняться назад, через "рыцарский" дворик Замка Ричарда Львиное Сердце пробраться на горку, усесться на краю ее обрыва, закурить, если куришь, и полюбоваться Городом, который так любил Булгаков, хотя никогда в него не возвращался.

/В.Я. Лакшин во время съемок телефильма "Мастер" подписал экземпляр журнала: "Через 20 лет. Не отрекаюсь. Этот очерк отправил в работу я. Чл. Редколлегии "Нового мира" в 1967 г. В. Лакшин.16.VI.1987.". Это было за три с половиной месяца до кончины еще не "реабилитированного" Виктора Некрасова и почти за два года до принятия решения о создании музея. — Сост./

---

¹ Думаю, что не меньше, чем миллион. (За пятнадцать лет, с 1926 года по 1941 год, — 987 представлений. На каждом не менее тысячи зрителей.)

Вокруг Крещатика

/Заморочки/

12 сентября 2004 года исполнилось 30 лет, как Некрасов покинул Киев.

Его ровесников почти не осталось в городе. Один из однокашников — Ананий Рохлин — напечатал в "Радуге" некрасовские письма и уехал (в США). Другой — Борис Жежерин — вспоминает о том, как они вместе писали письмо Корбюзье, приветствовали Собина на концерте, ходили на выставки в музеи, листали альбомы любимых художников. 21 августа 1968 года Некрасов со своего балкона "выступал" по поводу ввода советских войск, используя ненормативные выражения. Писем от Некрасова Борис Петрович сохранить не смог — к нему домой приходили искать другие письма — тетушки его жены — Надежды Витальевны Суровцевой. Для Вадима Жежерина-младшего Некрасов писал характеристику для вступления в комсомол.

Дочь Дмитрия Поправко рассказывает, что Некрасов был ее крестным отцом, а для свадьбы ее сестры покупал в сертификатном магазине подарки — и это тоже было в Киеве.

Помнят Виктора Платоновича на Крещатике те, кому за 30 с гаком, помнят хорошо, а вспоминают светло и тепло, хотя он не всегда бывал в должной форме...

Один из соседей по Крещатику, бывавший с Некрасовым в разных компаниях, рассказывал, что Некрасов, приветствуя его, всегда почему-то в переходе — тогда еще новинке — делал вроде футбольного паса спичечным коробком. При этом один из некрасовских рассказов называется: "Санта-Мария или Почему я возненавидел игру в мяч".

Володя Судьин, запечатлевший Некрасова на прогулке со своей дочкой, — уже дедушка и профессор, и, конечно, теперь Владимир Николаевич — из Пассажа унес доску со списком жильцов, где в квартире №10 значится имя В.П.Некрасова.

Совершенно неожиданно сказывается "рождественская история" о том, как вместе с Иваном Дзюбой к Некрасову на Новый год другой рассказчик ходил в Пассаж... колядовать.

И третий рассказчик повествует, как, вернувшись с целины (это уж 40 лет назад), они вместе с Некрасовым не только пили(в ресторане "Метро"), но и...пели...

Об архитектуре Крещатика в беседе с друзьями — вспоминает К.Н.Питоева со слов отца, Н.В.Питоева (Николай Владимирович и Виктор Платонович нередко попадали в приказы по КГРДТ, где вместе служили).

— Вика, а что ты скажешь, ты ведь архитектор?

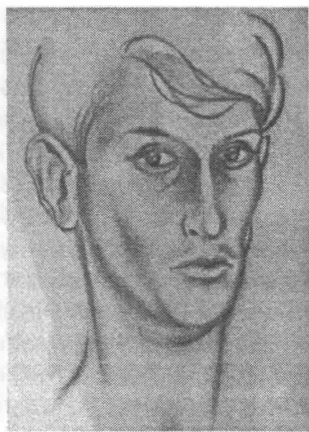
— Когда все наедятся этими "бисквитами", выяснится, что это все же архитектура.

Зал клуба "Метрострой", полупустой. Фильм "Голод" по Гамсуну.

В "литерном" ряду В.П.Некрасов рядом с Зинаидой Николаевной, мамой. Я пересела поближе к ним: мне была интересна его реакция. В разгар самой тяжелой сцены, когда герой, "изнывая от голода", закатывал глаза, В.П. сказал спокойным голосом довольно громко:

— Что-то есть захотелось. (О своем отношении к Гамсуну писатель рассказал сам).

Евгений Яковлевич Балиев, народный артист Украины, только на год моложе Некрасова. Он сыграл сотни ролей в театре, у него была забываемая осанка, а голос (по мнению Л.Оливье — главное в драматическом актере) — прекрасен и сейчас. Балиев пришел в театр сложившимся актером, в 1936 году, когда Некрасов заканчивал учебу в строительном институте и был еще студийцем при театре. Они вместе играли в одной из пьес, песня из которой знакома всем, кто смотрел "Иронию судьбы." ...Это В.Киршон, гонитель Булгакова, написал слова: "Я спросил у ясеня" и т.д. Спектакль "Большой день", как и многие другие в те времена, был многолюдным по составу участников и пользовался успехом зрителей. В приказе, отмечающем 50-е представление, вынесена благодарность не только актерам, но и студийцам, а среди

них и Виктору Некрасову. Однажды, во время сцены на аэродроме, у одного из парашютистов зацепился за крыло самолета парашют. Вместо реплики: "Самолет тянет его по воздуху!" было произнесено: "Самовар тянет его по воздуху". Драматизм сцены достиг предела, когда последовала команда: "Самовар опустить на землю!", а за ней прозвучал вопрос: "Что будем делать?" и ответ: "Самовар опустится на землю, попьем чайку и будем продолжать спектакль".

"Если б я знал, — говорит Евгений Яковлевич, — что среди массовки находится будущий Лев Толстой, — я бы иначе отнесся к скромному молодому человеку..."

После войны Некрасов собирался поступать в аспирантуру к архитектору А.М.Вербицкому, театр военных действий навсегда заслонил театр довоенный, правда, была написана пьеса ("Испытание") и она даже шла в одном московском театре...

Актеры, вернувшиеся в родной театр после войны, как и все киевляне, работали на восстановлении Крещатика. Они выходили на работу после репетиций, после спектаклей. Однажды ночью на Крещатик приехал Хрущев. Он сказал артистам: "Это ваши лучшие роли". И даже пообещал отметить орденами. Но почему-то не успел...

Некрасов со своего балкона в Пассаже регулярно делал снимки Крещатика, в том числе фиксировал строительство станции первой линии киевского метрополитена. Три снимка оказались среди тех, что передал Виктор Кондырев в РНБ в Санкт-Петербурге.

Знакомая с детства подруга моей кузины — соседка по улице Горького (и наша и Некрасова) — училась французскому языку у Софьи Николаевны Мотовиловой. А когда она ходила в гости уже в Пассаж, Зинаида Николаевна шутливо выговаривала сыну: "Вот, дождался, уже и Светка замуж выходит..." Свадьбы сына мама не увидела. Проводы в свадебное путешествие, как и многие другие эпизоды некрасовского бытия, встречи с Мишелем де Сервилем и мэром Владимиром Гусевым заснял Владимир Колинко.

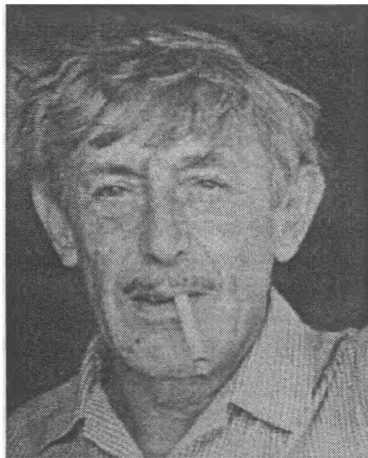
И совершенно неожиданные приветы "соседские" из Санкт-Петербурга, рядом с "Ленфильмом". Там теперь живет соседка Некрасова по квартире на Горького.

Еще одна история "с приветом" связана с поисками портрета Некрасова. Эта работа Анны Августовны Крюгер-Праховой сделана в 1946 году. За год до отъезда Некрасов унес "себя" на Крещатик, а через несколько лет портрет был найден на мусорнике, изрешеченный пулями. Об этом сообщил человек, в судьбе которого Некрасов сыграл свою роль, — нынешнему владельцу портрета. Несколько лет портрет пришлось прятать, поскольку "компетентные органы" продолжали интересоваться всем, что было связано с Некрасовым. Теперь он (портрет!) отреставрирован и находится в достойной компании. Автор реставрации — Людмила Когут. А нынешний обладатель портрета оказался бывшим соседом Некрасова по улице Горького.

Конечно, много некрасовских историй касаются "проклятого зелья", в том числе и выступления не только в Пассаже, но и с других балконов. От самых близких друзей — другие рассказы: как на "сертификаты" он покупал всем подарки, когда на самые для него необходимые вещи денег уже не оставалось (сказывалась скаутская выучка). Как он подарки выбирал для тех, кто остался дома, — он сам написал. Получив письмо от Славы Глузмана и узнав из него, что шестилетняя Юля начала рисовать, он тут же из Парижа выслал набор красок в Нижнюю Тавду.

Вот еще две некрасовские шутки, прямо с Крещатика: "Сейчас встретил Бэра, который выгуливал Николая Ивановича".// Бэр — огромный черный водолаз Николая Ивановича Дубова, очень старый и добрый, обожавший Нину Николаевну Грин, часто гостившую у Дубовых.//

А на домашнем концерте Юлия Кима, рядом с Крещатиком, на Круглоуниверситетской, после того, как хозяйка дома поцеловала барда, сказал: "Вот, желтого целуешь, а меня — нет...". Теперь надо процитировать Кима, выступившего в необычной для него роли публикатора: в книге "Белеет мой парус" помещены "Два рассказа Виктора Некрасова". Один из них "Король в Нью-Йорке" недавно был напечатан в авторской версии. А вот "Ограбление века", насколько мне известно, еще не появлялось в печати. Упоминает Ким-

Михайлов и еще об одном устном рассказе Платоныча. ("Он и сам по себе был французский гранд и киевский босьяк одновременно. Он был совершенно ненавязчив и неотразим. Друзья называли его Вика. Михайлов не мог себе этого позволить. У него вообще к фронтовикам было трепетное почтение младшего. Давида Самойлова он тоже Дезиком не называл. Давид, вы. Булат, вы. К Некрасову — Платоныч, вы").

Оказывается, Окуджава написал не только "зайти мимоходом в кафе "Монпарнас", где ждет меня Вика Некрасов" (в 1990 году). "Булат как-то сказал Михайлову:

— Знаешь, что такое счастье? Это когда в Париже лежишь у себя в номере, а перед тобой на диване растянулся Вика и — ля-ля-ля...".

"Послесловие автора" Ким заканчивает обращением к Семену Глузману, "к дорогому нашему Славе: не постучится ли он в эту интересную дверь? Теперь ему не откажут. Вдруг раскопает он в этих потемках //Киевского КГБ — Сост.// чистое золото некрасовской прозы?"

Звонок из Иерусалима. Тезка Некрасова и Кондырева Радущий сообщает, что название повести "Кира Георгиевна" — чутье первые слова, прочитанные им на иврите, в Пассаже, в квартире Некрасова. ("В окопах Сталинграда" на иврите в библиографии почему-то не обнаружено). Виктор рассказывает о том, как попал домой к писателю после митинга 1966 года в Бабьем Яру, и о другом митинге, посвященном Бабьему Яру, — через десять лет, в Израиле, на Голанах, где Некрасов выступал, и о том, как его принимали там...

В 1994 году Шломо Эвен Шошан напишет Григорию Кипнису: "Я еще раз убедился, что Вика не только при жизни умел связывать хороших людей, но и после смерти как бы продолжает эту свою благородную миссию. Удивительный он все-таки был человек, наш друг Виктор Платонович!"

Статья "В гостях у Шломо, друга Виктора Некрасова" напечатана за несколько недель до появления на свет газеты "Зеркало недели". "ЗН" на своих страницах уделяет большое внимание музыке, литературе, кино. Материалы, связанные с именем Некрасова, появляются здесь регулярно, начиная с первого номера, не только к круглым памятным датам. Выставка, посвященная Виктору Некрасову, в Музее Михаила Булгакова возникла благодаря моральной и материальной помощи "ЗН". Некрасов продолжает свою благородную миссию.

P.S. Начиная работу над выставкой, мы надеялись, что на имя Некрасова, Вики, Виктора Платоновича, как на пароль, откликнутся его друзья и знакомые. Так и случилось. Правда, не всем удалось преодолеть, переступить через личные и житейские обиды. Некрасов не был "человеком из мрамора". Он скорее был человеком, рассчитанным на праздники, а не на будни. Нам не надо прощать его "киевский акцент", мы сами — местные, из этого Города. И хочется, чтобы его, Киевлянина и Писателя, не только помнили (и вспомнили), но и узнали те, кто историю Второй мировой войны изучает по рядовому Райану и новым российским фильмам. А сам он напоследок, прощаясь с читателем после прогулки, напишет:

"Засим, дорогой читатель, не пора ли поставить точку?"

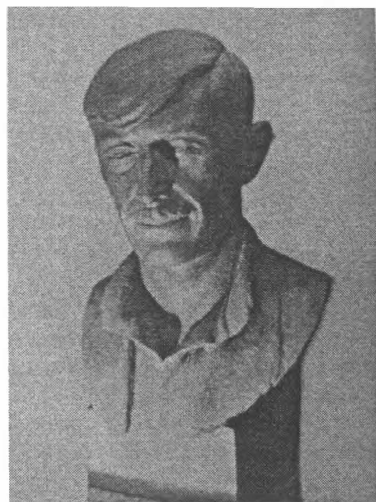
Надо и тебе немного отдохнуть. Иди домой, ложись на диван и послушайся совета одной прекрасной книги. Называется она "Гид по таинственному Парижу". "Если тебе все надоело, — говорится там в предисловии, — и не хочется ни с кем разговаривать, а на дворе к тому же стужа и ветер завывает в трубах, подвинь свое кресло к камину, поставь рядом стакан старого доброго вина, зажги трубку и возьми меня в руки".

Вот и тебе, читатель, советую: возьми в руки, если нету гида, проверенного уже в таких случаях Чехова или Жоржа Сименона и в компании полицейского комиссара Мегрэ забудь на какое-то время обо мне. А настанет время, опять погуляем, дай только придумать маршрут.

До следующей встречи!"

Можно заменить и Сименона, и даже Чехова (хотя марка "Чехов в стиле Модильяни" работы Некрасова заслуживает самого пристального внимания) на любые другие любимые книги, ведь книги, как сказал Набоков, вообще нельзя читать. Их можно только перечитывать. Будем внимательны к этим советам и, прогуливаясь вслед за любимыми авторами по городам, будем вспоминать их и друзей.

Не в начале — посвящении, а в заключении — Олегу и Ляле "друзьям последнего призыва", моим и Виктору Платоновича.

Татьяна Rogozovskaya

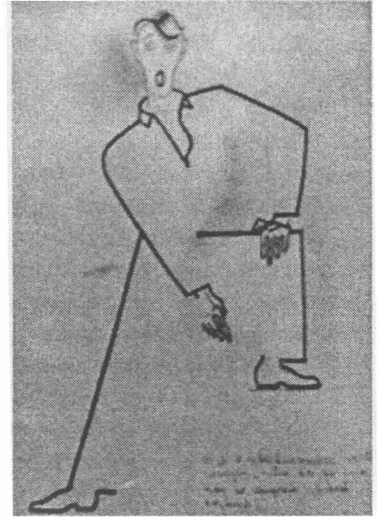

Список иллюстраций

- Стр.9. Виктор Некрасов. Портрет работы З. Толкачева. 1948.
 Стр.11. Андреевский спуск. Фото В.Некрасова. 1965 (?)
 Стр.15. Коля Некрасов, А.А.Мотовилова с Викой и З.Н.Некрасова. Париж. 1915.
 З.Н.Некрасова
 Стр. 16. Виктор Платонович Некрасов. "Самое любимое детское фото.1915."
 С.Н.Мотовилова,60-е годы
 Стр. 17. Некрасов на Мамаевом кургане.1973.
 Стр. 18. Обложка книги "В родном городе". Пер. на иврит.
 Стр. 22. Рисунок М.Булгакова из киевской записной книжки 1936 г. Дом №13.
 Стр. 26. 9 мая 1965 во дворе корпункта "Литературной газеты " в Киеве
 Стр. 27, 39, 106. Автошаржи
 Стр. 37. В.П.Некрасов. 1929
 Стр. 38.Владивосток. 1938. Здесь он был театральным художником.
 Стр. 42. Александр Воловик и Виктор Некрасов.1948. Сестрорецк
 Стр.46. Некрасов в роли немца (фильм "Солдаты")
 Стр.66. Виктор Некрасов и Виктор Кондырев. Кривой Рог. 1973.
 Стр.93. Некрасов-"маршал" с надписью Юрию Дулерайну
 Стр.98. Черновик письма Генриху Беллю (ЦГАМЛИ)
 Стр. 108,112. Рисунки из альбома (ЦГАМЛИ)
 Стр. 109. Фото из альбома (ЦГАМЛИ)
 Стр. 110. Фото бюста работы М.Гельмана, 1954
 Стр. 111. Виктор Некрасов и Ян Богорад. 1952
 И.С.Соколов-Микитов и З.Н.Некрасова

На последней стр. обложки В.Некрасов на балконе в Пассаже
 (фото Б.Стукалова, 1971)
 Рисунок Л.Раппопорт. Дом №13, 1967
 Рисунок М.Булгакова. Дом №13, 1936
 Портрет М.Булгакова работы В.Дмитриева.

Содержание

Эпиграфы " из самого себя "	4
Виктор Кондырев. Пожелание выставке	4
Александр Парнис Виктор Некрасов: до и после.	5
"Этот город — он твой..."	15
"На краю земли" — "Испытание"	17
"...стоит...мессы..." — "Путешествия в разных измерениях"	17
"В родном городе" — " Записки зеваки"	18
В.Некрасов. Об антисемитизме.	18
Переключка: Некрасов и Булгаков.	22
"....самое важное в жизни — это друзья...."	26
I. Автографы.	27
II. Книги с автографами В.П.Некрасова	27
III. Произведения В.П.Некрасова	28
IV. О Некрасове	30
V. Справочники	34
VI. Документы и фотографии	34
VII. Фильмы	35
VIII. Предметы	35
"В жизни и в письмах"	36
В.Некрасов. Дом Турбиных	99
Вокруг Крещатика (Заморочки)	108
Список иллюстраций	111

НАРОД
ГРАММА

